
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3

2024

НАУКА

— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

3

МАЙ — ИЮНЬ

Москва

2024

Главный редактор:

В. А. ПЛУНГЯН д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. ВАХТИН д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. ПОДЛЕСКАЯ д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. АЛПАТОВ д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. АПРЕСЯН д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. БОГУСЛАВСКИЙ д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. ВОЕЙКОВА д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. ДЕМЬЯНКОВ д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН

А. Ф. ЖУРАВЛЁВ д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. ИОСАД Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. КАЗАНСКИЙ д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. КИММЕЛЬМАН Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. КУСТОВА д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. МОЛДОВАН д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. ПОЛИНСКАЯ Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. РАХИЛИНА д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. ЯНДА Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. ГАННУС

Зав. отделами: А. С. КУЛЕВА, А. Д. ПОДГОРНАЯ

Отдел рецензий: М. И. САТИНА

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2024

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNAIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

3

MAY — JUNE

Moscow

2024

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Anna S. KULEVA, Anastasia D. PODGORNAIA

Review editor: Maria I. SATINA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

П. В. ГРАЩЕНКОВ. Вариативное согласование и структура сочиненной составляющей	7
A. A. ROSTOVTSSEV-POPIEL, M. J. ШУКНУА. Toward a historical grammar of elevation in Kartvelian	31
Т. А. МАЙСАК. Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки)	60
А. М. СТАРЧЕНКО. Семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка: от морфосинтаксиса к семантике и обратно	99
А. Д. ШМЕЛЕВ. Чередование букв <i>a</i> и <i>o</i> в основе: можно ли говорить о прагматике распределения вариантов?	128
А. О. ДУБЯГА. Подъем отрицания в русском жестовом языке	140

Рецензии

М. С. БУЛАХ. [Рец. на:] E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova (eds.). <i>The typology of physical qualities</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2022	154
--	-----

Contents

Pavel V. GRASHCHENKOV. Variable agreement and the structure of coordination	7
Alexander A. ROSTOVTSSEV-POPIEL, Merab J. CHUKHUA. Toward a historical grammar of elevation in Kartvelian	31
Timur A. MAISAK. Continuative constructions in the Lezgian languages and their use in parallel contexts (in the Gospel of Luke translations)	60
Aleksey M. STARCHENKO. Semantic field SEARCH in Amdem Chukchi: From morphology to semantics and back	99
Alexei D. SHMELEV. The alternation of stem-internal <i>a</i> and <i>o</i> : Can we say that it is determined by pragmatics?	128
Alena O. DUBYAGA. Neg-raising in Russian Sign Language	140

Reviews

Maria S. BULAKH. [Review of:] E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova (eds.). <i>The typology of physical qualities</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2022	154
--	-----

Вариативное согласование и структура сочиненной составляющей

© 2024

Павел Валерьевич Гращенко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт искусственного интеллекта AIRI, Москва, Россия; pavel.gra@gmail.com

Аннотация: В рамках современного формального синтаксиса предложено множество анализов структуры, стоящей за сочиненными составляющими. При этом ни один из имеющихся подходов не описывает всей совокупности свойств сочинения, в том числе вариативное согласование предиката по числу (и роду). В статье предпринимается попытка определить правила внутренней организации сочиненных групп. Изучение примеров из корпуса русского языка RuConst с разметкой по синтаксическим составляющим позволяет утверждать, что кроме известных ранее факторов на выбор числовой стратегии влияет также линейная длина конъюнктов и расстояние между ними и вершиной. Кроме того, для русского языка оказывается актуальна стратегия согласования по ближайшему (не обязательно первому) конъюнкту. Анализ совокупности представленных фактов позволяет сделать вывод об отсутствии иерархической организации при сочинении, что развивает некоторые общие идеи о синтаксической деривации, высказанные в трудах Н. Хомского.

Ключевые слова: вариативность, корпусная лингвистика, русский язык, синтаксис, согласование, сочинение, формальный синтаксис

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М. В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>. Автор чрезвычайно признателен А. А. Герасимовой за помощь в статистическом анализе данных. Ответственность за все недостатки данной работы — целиком на совести автора.

Для цитирования: Гращенко П. В. Вариативное согласование и структура сочиненной составляющей. *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 7–30.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.7-30

Variable agreement and the structure of coordination

Pavel V. Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Artificial Intelligence Research Institute, Moscow, Russia; pavel.gra@gmail.com

Abstract: Modern formal approaches to syntax propose different underlying structures for coordinate constructions. At the same time, none of them describe the entire set of properties of coordination, including variable predicate agreement in number (and gender). The goal of the paper is to define the internal organization of coordinate phrases. As the study of examples from the Russian treebank demonstrates, in addition to the previously known factors, the choice of agreement strategy is also influenced by the linear length of conjuncts and the distance between them and the verbal head. Additionally, the strategy of matching the nearest (and not necessarily the first) conjunct is relevant for Russian. We present and analyze the corpus data and conclude that there is no hierarchical organization in coordination. This lets us elaborate on some general ideas about syntactic derivation put forward by Noam Chomsky.

Keywords: agreement, coordination, corpus linguistics, formal syntax, Russian, syntax, variation

Acknowledgements: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project No. 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>. The author is extremely grateful to A. A. Gerasimova for her help in statistical data analysis. All the shortcomings of this work are the author's entire responsibility.

For citation: Grashchenkov P. V. Variable agreement and the structure of coordination. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 7–30.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.7-30

1. Проблемы синтаксического устройства сочиненных составляющих

Несмотря на представленную в [Hudson 1980; Zwicky 1985] и некоторых других работах апологетику зависимостей как синтаксического инвентаря, достаточного для получения представления о синтаксической структуре, понятие синтаксической группы кажется необходимым, см. [Тестелец 2001: 101–154]. Одна (но не единственная) из наиболее проблемных структур для анализа средствами грамматики зависимостей — сочинительная: «[н]астоящим кошмаром для анализа в терминах зависимостей оказываются разнообразные сочинительные конструкции» [Там же: 102]. Можно сказать, что без использования синтаксических составляющих построить адекватное описание синтаксической структуры естественного языка не представляется возможным.

Говоря о синтаксических составляющих или группах, мы сталкиваемся с необходимостью определять их тип: NP (DP), VP (TP), ... В стандартных представлениях, например в синтаксической типологии, принято считать, что тип составляющей автоматически наследуется от ее вершины, при этом таковая вершина а) известна и б) единственна. В формальных теориях допускается возможность множественных вершин в одной составляющей или, напротив, отсутствие категориальных ярлыков на проекциях.

Сочиненные структуры ставят сложные вопросы относительно своей вершинности и категориальности даже с точки зрения «наивного» подхода «одна составляющая — одна вершина». Кандидатами на вершину можно считать как любой из конъюнктов, так и собственно сочинительный союз, выраженный или нулевой. В первом из представленных ниже примеров согласование с предикатом по роду контролируется первым конъюнктом (1a), во втором — вторым (редкий и почти не обсуждавшийся для русского языка случай, см., однако, [Крејси 2020]) (1b), в третьем предикат согласуется по множественному числу, которое не представлено ни одним из контролеров в явном виде и может быть возведено к сочинительному союзу (1c):

(1) [Гращенко 2024]

- a. *Сгорел частный дом и хозяйстройка.*
- b. *Обрыв троса финишера и задержка с устранением неисправности стала отправной точкой событий.*
- c. *В результате мужчина и женщина получили телесные повреждения.*

Целью данной работы является формулирование общих выводов относительно структуры сочиненной составляющей¹ на основании данных русского предикативного согласования. Мы начнем обсуждение с представления наиболее популярных в теоретической литературе гипотез относительно структуры сочиненных составляющих. Основные проблемы, которые будут нас волновать, таковы: а) вопрос о вершине; б) вопрос о внутренней

¹ В данном исследовании мы ограничились русскими предложениями, где сочиненный субъект включает одиночный сочинительный союз *и*.

структуре; в) вопрос о том, как именно оказываются представлены грамматические признаки сочиненной группы.

Что касается вершины, то главная проблема связана с тем, можно ли постулировать вершину сочиненной группы, и если да — который из элементов группы играет эту роль. Говоря о структуре, необходимо определиться с тем, является ли она плоской или иерархической, что можно сказать об иерархии и т. д. Наконец, с точки зрения грамматических признаков, которые характеризуют сочиненную проекцию, мы будем обсуждать в первую очередь данные согласования по числу (и немного — роду), предполагая, что на основании поведения этих признаков можно сделать вывод и о том, как сочиненная составляющая получает категориальный тип.

После исчисления свойств сочиненных составляющих и основных гипотез об их структуре мы представим эмпирические данные, источником которых послужил русский синтаксический корпус с разметкой по синтаксическим составляющим [Гращенков 2024]. Анализ корпусных данных и обсуждение факторов, определяющих выбор числовой стратегии (размер составляющих, дистанция между ними), позволит нам выработать представления о порядке деривации клаузы и структуре сочиненной группы.

2. Свойства сочиненных составляющих

Сочинительные структуры демонстрируют ряд свойств, которые радикальным образом отличают их от синтаксических проекций остальных типов. Перечислим основные характеристики сочинения, отличающие его от других типов организации синтаксической проекции. Все описанные ниже особенности сочинительных структур² не совпадают с таковыми у «обычных», эндоцентрических составляющих.

Небинарность. Если не принимать в расчет случаи бессоюзного сочинения, в сочинительных структурах всегда происходит слияние более чем двух элементов. Это отличает отношения элементов сочиненной группы от отношений предлога и именной группы, глагола и предложной / именной группы и т. п.³ В современной синтаксической теории бинарный подход к соединению элементов является общепринятым. Если у некоторой единицы (глагола, прилагательного, ...) имеется более чем одна валентность, порядок их присоединения можно установить разного типа диагностиками.

Сочинительные структуры не бинарны — они соединяют три элемента одновременно, причем ни один из них не является факультативным (**Я встретил Петю и; *Я встретил или Машу*). Бессоюзное же сочинение всегда связано с особой интонацией, из чего можно сделать вывод об обязательном присутствии (как минимум) трех элементов, один из которых кодируется просодически.

Порядок конъюнктов. Если менять местами первый и второй конъюнкты, это будет сказываться на семантике (примеры (2a) и (2b)) или приемлемости анафорических средств (примеры (2c) и (2d)):

² Будем использовать для них обозначение &P.

³ Замечание рецензента состояло в том, что «[н]епонятно, почему сочиненная группа отличается наличием более чем двух элементов от сочетания глагола и предложной группы». Различие здесь в том, что в случае глагола с предложной группой имеет место синтаксическая селекция предлога, который, в свою очередь, употребляется с определенной падежной формой. Процесс селекции получается последовательно бинарным (глагол — предлог, предлог — именная группа). В случае сочинения имеет место селекция конъюнкта (определенной категории), который, в свою очередь, сопровождается другим конъюнктом или конъюнктами (и союзом), появление которых удовлетворяет те же самые селективные свойства управляющей вершины (глагола и т. п.).

- (2) а. *Петя много выпил за рулем, и у него отобрали права.* ≠
 б. *У него отобрали права, и Петя много выпил за рулем.*
 в. *Петя_i и его_{i,j} жена были в ссоре.*
 д. *Его_{i,j} жена и Петя_i были в ссоре.*

Связь союза и второго конъюнкта. Как впервые замечено еще в [Ross 1967], союз формирует более тесный комплекс со вторым конъюнктом:

- (3) а. *Вася уехал. И даже не попрощался.*
 б. **Вася уехал и. Даже не попрощался.*
 в. *Мы купили хлеба на ужин. И вина.*
 д. **Мы купили хлеба и на ужин. Вина.*
 е. *Маша приготовила блины сегодня, и еще оладьи.*
 ф. **Маша приготовила оладьи сегодня, блины и еще.*

Повторяемость. С одним и тем же сочинительным средством возможно образование нескольких &P одного уровня: (*и*) *взрослые, и дети, и люди, и звери, ...* Предлоги и другие управляющие вершины не допускают подобных употреблений.

Примечательно, что в случае языков с левым ветвлением ситуация часто (но не всегда) может быть обратной. Для повторяемых сочинительных средств в левоветвящихся языках характерно расположение справа от конъюнктов (подобно глаголам, послелогам и т. д.):

- (4) МИШАРСКИЙ ТАТАРСКИЙ
räxmät zavot-ta-gy načal'nik-lar-ga da üz-ebez-neñ persidätel-lär-gä
 спасибо завод-LOC-ATR начальник-PL-DAT и сам-1PL-GEN председатель-PL-DAT
dä brigadir-lar-ga da
 и бригадир-PL-DAT и
 'Спасибо и заводским начальникам, и нашим председателям, и бригадирам'.

Управление. В отличие от управляющих вершин типа предлогов или глаголов, сочинительный союз, например в русском языке, не обладает субкатегоризирующими свойствами. В ряде языков, впрочем, сочинительные средства иногда демонстрируют такое поведение. Так, в английском при сочинении союз может либо «присваивать» значения косвенного падежа, как в примерах (5a) и (5b), либо «снимать» присвоенные предлогом косвеннопадежные значения, как в (5c) и (5d):

- (5) [Progovas 1998a: 4]
 а. ***Them** and **us** are going to the game together.*
 б. *She and **him** will drive to the movies.*
 в. *All debts are cleared between you and **I**.*
 д. *I really wanted my mother to live with my husband, Michael and **I**.*

Морфосинтаксический центр. Критерий морфосинтаксического центра применяется при выделении вершины синтаксической группы. Вершина — один из элементов группы, который содержит в явном виде признаки всей проекции, см. [Zwicky 1985; Hudson 1987]. Например, так ведет себя число у английских существительных и именных групп; вид, время и наклонение для русских глаголов и предикаций и т. д.

Есть ли морфосинтаксический центр в &P? Скорее нет: сочинительные союзы не содержат грамматических признаков, а свойства всей сочиненной группы в целом обычно определяются свойствами конъюнктов и никак не представлены на средствах сочинения.

Валентность на &P. Другие вершины и/или структуры могут требовать появления при себе группы определенной категории. Один и тот же семантический участник может кодироваться по-разному при разных управляющих вершинах, ср. выражение стимула при глаголах *нравиться* и *любить*, участника — обладателя знаний при прилагательных *известный* (кому-либо) и *знаменитый* (в каком-либо месте, среди кого-либо) и т. д. Про сочиненные составляющие такого нельзя утверждать — сложно найти контексты, которые требовали бы именно и только &P.

Валентность на &P может усматриваться 1) у симметричных и реципрокальных предикатов (*быть параллельным, целоваться, ...*) и 2) при предлоге *между* (*между мной и тобой*). Из-за того, что в обоих случаях &P могут заменяться на именные группы множественного числа, есть основания считать, что выбор &P происходит на семантических основаниях, т. е. «синтаксическая валентность» по Ю. Д. Апресяну или с-селекция по Н. Хомскому в данных случаях ни при чем.

Запрет на сочинение составляющих разных типов (Coordination of likes). Данный запрет не допускает участия в сочиненной составляющей единиц разных категорий (**Я увидел разбитую и грузовик; *пианист из Москвы и известный своим мастерством*). Запрет на несовпадение категорий, однако, регулярно не соблюдается. Слегка изменив предложения из [Sag et al. 1985: 117], для русского языка также можно предложить примеры, не подпадающие под указанный запрет:

- (6) а. *Петя дурак или ничего не понимает.*
 б. *Петя из неблагополучной семьи и невоспитан.*
 в. *Петя вернулся домой, больной и со всеми в ссоре.*

Си-командование. Известным фактом, см. [Progovac 1998a; 1998b; de Vries 2003] и др., является отсутствие структурного приоритета у первого конъюнкта по отношению к материалу внутри второго конъюнкта. В нижеследующих русских предложениях пример (7а) демонстрирует невозможность связывания рефлексива из первого конъюнкта (а пример (7б) — доступность связывания при наличии внутреннего antecedenta в составе второго конъюнкта); пример (7с) — доступность кореферентного прочтения анафора.

- (7) а. *Петя_i и страх перед собой_{i,j} (беспокоили Машу).*
 б. *Петя_i и его_i страх перед собой_{i,j} (беспокоили Машу).*
 в. *Петя_i и страх перед ним_{i,j} (беспокоили Машу).*

Запрет на вынос из сочиненной структуры (Coordinate Structure Constraint). Одним из установленных Дж. Россом в [Ross 1967] ограничений на синтаксическое передвижение был запрет на вынос из сочиненной структуры:

- (8) а. **Кого Маша позвала в гости и Петю?*
 б. **Кого Маша позвала в гости Петю и?*

Как, однако, указывается в [Зализняк, Падучева 1979] и последующих работах, см. [Лютикова, Герасимова 2021], исключение для данного запрета обнаруживается в области глагольных проекций:

- (9) [Зализняк, Падучева 1979: 305]
 а. *Это чай, который ты ушел в кино и не допил.*
 б. *Там был еще один юноша, который всем надоел, и его выставили.*

Вариативное согласование. Сочинительная конструкция — одна из структур, наиболее последовательно демонстрирующих колебания в том, как она представлена во внешнем

синтаксическом контексте⁴. Как неоднократно отмечалось (см. [Пешковский 1928/2001; РГ 1980; Кодзасов 1987; Babyonyshev 1997; Johannessen 1998; te Velde 2005; Санников 2008; Benmamoun et al. 2009; Подлесская 2012; Пекелис 2013; Křeji 2020; Паско 2023] и др.), вариативное согласование сочиненных субъектов по мн. или ед. ч. регулярно встречается как в русском, так и в других языках мира.

В [РГ 1980: § 2246], во многом опирающейся на [Пешковский 1928/2001]⁵, описаны базовые правила употребления форм ед. и мн. ч. с сочиненными подлежащими:

(10) Употребление числа при сочиненном подлежащем по [РГ 1980]

- 1) При порядке VS, «[е]сли место подлежащего занято открытым рядом (союзным или бессоюзным)», возможны колебания, но предпочитается форма мн. ч., см. примеры (11a);
- 2) При порядке SV — всегда мн. ч., примеры (11b);
- 3) Если на первом месте в подлежащем форма мн. ч., согласование — по мн. ч., пример (11c);
- 4) Если «подлежащее и сказуемое разделены другими словами, то в сказуемом правильна только форма мн. ч.», пример (11d);
- 5) «При обозначении совместного действия сказуемым-глаголом с постфиксом -ся правильна форма мн. ч.», см. примеры (11e). Отметим, что так же ведут себя и другие симметричные предикаты: *Знакомы / *Знаком Петя и Маша давно* (ср.: *Знаком/ы Петя с Машей давно*).

(11) [РГ 1980: § 2246]

- a. *К берегу бежали/бежал Ваня и Коля;*
Огорчились/огорчился брат и сестра;
Слушает/слушают меня корреспондент и секретарь;
К берегу бежали/бежал Ваня и другие мальчики;
По ту сторону прилавка... возвышались/возвышался хозяин и хозяйка;
На окраине догорали/догорал сарай и скирды сена.
- b. *Станция и мост сгорели;*
Брат и сестра огорчились;
Папиросы и махорка кончаются.
- c. *Снова шум, крик, сборы, пьется чай, курятся папиросы и махорка.*
- d. *Его доброта, ум, отзывчивость, покорившие всех, снискали ему любовь и уважение⁶.*
- e. *Слились и яркий звон и гул колоколов.*
Сцепились пес и кот.

⁴ См. обсуждение морфосинтаксического центра выше.

⁵ Примечательно, что именно в работе А. М. Пешковского [1928/2001: 450] впервые (насколько может судить автор) встречается формулировка «согласуется с ближайшим» подлежащим.

⁶ Данный пример, единственный в [РГ 1980], демонстрирует влияние дистанции на выбор числовой стратегии согласования. Отметим при этом, что в данном примере есть общее определение во мн. ч. и порядок SV, что согласно [РГ 1980] и так должно предписывать мн. ч. глагола. Ниже мы приведем собственные примеры и обсудим влияние расстояния между сочиненным подлежащим и сказуемым.

Добавим, что при наличии в подлежащей именной группе общего определения мн. ч. согласование также обязательно по мн. ч.:

(12) [Гращенков 2024]

Жертвами стихийного бедствия стали пожилые мужчина и женщина.

В [Кодзасов 1987; Пекелис 2013], где исследуются свойства двойного союза *и ... и ...*, в качестве еще одного фактора, влияющего на выбор числа глагола, приводится одушевленность. В [Санников 2008; Пекелис 2013] упоминаются также способствующие выбору ед. ч. факторы настоящего (в противоположность прошедшему) времени и совпадения рода у сочиненных существительных.

В ряде источников, см. кроме [РГ 1980: § 2246], например, [Benmamoun et al. 2009; Krejci 2020] и др., выдвигается предположение о зависимости согласования по ед. ч. от расстояния между сказуемым и подлежащим: чем больше дистанция, тем меньше вероятность появления ед. ч. на глаголе.

В англоязычной литературе способность предикатов согласовываться с первыми конъюнктами сочиненных субъектов известна как «частичное согласование» (Partial Agreement) или «согласование по первому конъюнкту» (First Conjunct Agreement, FCA). Если говорить о языках с правым ветвлением⁷, обратная ситуация, «согласование по последнему конъюнкту» (Last Conjunct Agreement, LCA), наблюдается редко, см. некоторые свидетельства в [Krejci 2020]. В качестве случаев LCA в [Ibid.: 102] приводятся типы примеров, в которых а) за обоими конъюнктами⁸ стоит один и тот же объект действительности; б) оба конъюнкта — неисчисляемые существительные; в) оба конъюнкта — существительные, определяемые некоторыми кванторами⁹. Ниже мы приведем примеры согласования по последнему конъюнкту из русского языка.

Примечательно, что есть свидетельства того, что в языках с левым ветвлением согласование все же может происходить по последнему конъюнкту, см. примеры для хинди и цезского из [Benmamoun et al. 2009]:

(13) Хинди [Ibid.: 71]

maiN-ne ek chaataa aur ek saaRii khariid-ii
я-ERG DEF зонтик.ABS.MASC.SG и DEF сари.ABS.FEM.SG купить-PERF.FEM.SG
'Я купил(а) зонтик и сари'.

(14) Цезский [Ibid.: 71]

kid-no uži-n Ø-ik'is
девочка.ABS.П-и мальчик.ABS.И-и I-идти
'Мальчик и девочка пришли'.

Для левоветвящихся языков в таком случае говорят о согласовании по ближайшему конъюнкту (Closest Conjunct Agreement, CCA).

Помимо сочинения, для русского языка зафиксированы и другие случаи варьирования согласования, см. [РГ 1980: § 2245; Madariaga, Igartua 2017] и др. Известная часть колебаний в согласовании связана с количественными словами, числительными и т. п.:

(15) *Часть учащихся не явилась / не явилась.* [РГ 1980: § 2245]

⁷ В таких языках первый конъюнкт мог бы претендовать на роль вершины всей сочиненной группы.

⁸ Говоря «оба», мы будем иметь в виду «все конъюнкты»; если нам важно различие двух конъюнктов с одной стороны или большего количества конъюнктов с другой, мы будем говорить об этом специально.

⁹ Для случая (в): «when they are quantified by certain quantifiers». Для типов (б) и (в) при этом приведены некорректные примеры, ср. (б): *публикуемая проза и поэзия попадает в контекст* (совпадает род, глагол — наст. вр.); (в): *каждый педагог и каждый ребенок знал* (совпадает род).

(16) [Madariaga, Igartua 2017: 102]

- a. *Пять студентов / студенток пришли / пришло сегодня на занятия.*
- b. *Три студента пришли / ?? пришло вовремя.*
- c. *Две студентки сдали / *сдало экзамен на «пять».*

Как видно по первому из примеров выше, согласование возможно по вершинному существительному с количественным значением (*часть*) либо по его квантифицируемому. Примеры с числительными можно воспринимать либо как колебания между согласованием по числительному (ср. р., ед. ч.) и существительному (мн. ч.), либо же ср. р., ед. ч. может рассматриваться как случай дефолтного согласования (подобно тому, когда номинатив отсутствует, например: *Никого не пришло*).

Особенностью числовой вариативности при согласовании является то, что в отличие от примеров *Часть учащихся не явилась / не явились* при сочинении не выбираются признаки одной из представленных вершин. В случае сочинения выбор происходит между признаками одной из вершин и мн. ч., которое формально не представлено ни на одной из именных групп. Появление значения мн. ч. на сочиненной именной группе можно объяснить как свойствами союза & (если, например, мы признаем его вершиной), см., например, [Johannessen 1998], так и «суммированием» признаков числа конъюнктов, см., например, [te Velde 2005; Harizanov, Gribanova 2015] и др.

3. Гипотезы о внутренней структуре сочиненных составляющих

3.1. Сочинение «больших» и «малых» конъюнктов

Прежде чем обсуждать внутреннюю организацию сочиненной составляющей, кратко остановимся на выборе подхода к сочинению. Сочиненные составляющие могут быть проанализированы как эллипсис при сочинении «больших» конъюнктов либо как сочинение «малых» составляющих. Применительно к обсуждаемому здесь материалу, предполагаемый первый вариант анализа подразумевал бы наличие двух предикаций, из которых впоследствии элиминировался бы совпадающий материал, см. структуру (17b). Анализ с сочинением малых составляющих предполагал бы сочинение именных групп при общем сказуемом, см. структуру (17c):

- (17) a. *Вся Южная Корея и часть Японии находится в зоне досягаемости.*
 b. [*Вся Южная Корея находится в зоне досягаемости*] и [*часть Японии находится в зоне досягаемости*].
 c. [*Вся Южная Корея*] и [*часть Японии*] *находится в зоне досягаемости.*

Аргументы в пользу теории больших конъюнктов были представлены в работах Криса Уилдера [Wilder 1994; 1997]. Для примера (17) возможны оба варианта анализа, однако есть существенное количество случаев, когда множество интерпретаций при сочинении предикаций с последующим эллипсисом не совпадает с реально наблюдаемым.

Известным аргументом против теории эллипсиса и больших конъюнктов являются примеры с разного рода кванторами:

(18) [Казенин 2011: 49]

- a. *Кто-то пришел и кто-то сломал дверь.*
- b. *Кто-то пришел и сломал дверь.*

Пример (18a) имеет значение, не совпадающее с (18b), при котором возможно так называемое двукванторное прочтение: пришел один человек, а дверь сломал другой. Чтобы исключить такие контрпримеры, Уилдер утверждает, что подобные прочтения исключаются дополнительным правилом. Он формулирует принцип образования эллиптической цепи, предписывающий создание разрывного элемента, части которого не обладают независимой интерпретацией [Wilder 1994]. Уилдер приводит следующий пример, в котором анализ с двумя малыми конъюнктами невозможен из-за наличия перед субъектом дополнительного материала:

(19) [Ibid.: 325]

a. *At three, a man bought a watch, and at four, ~~a man~~ bought a bottle of whisky.*

b. *At three, a man bought a watch, and at four, a man bought a bottle of whisky.*

‘В три часа какой-то человек купил часы, а в четыре — бутылку виски’.

При этом значение в обоих случаях однокванторное, следовательно, по [Wilder 1994], однокванторность актуальна и при невозможности сочинения малых проекций.

Контаргумент против подхода с большими конъюнктами был выдвинут для русского языка в работе [Казенин 2011]. К. И. Казенин показал, что для русских предложений типа (20a) возможна и двукванторная, и однокванторная интерпретация, а для примеров типа (20b) доступно только однокванторное прочтение:

(20) [Казенин 2011: 51]

a. *Сегодня кто-то из игроков пропустит одну тренировку, завтра — две.*

b. *Кто-то из игроков пропустит сегодня одну тренировку, а завтра — две.*

Поскольку для (20a) невозможна структура, в которой подлежащее было бы за пределами сочиненной конструкции, в (20a) однокванторная интерпретация не требуется, можно утверждать, что в постулировании эллиптической цепи для русского нет необходимости. Для (20b), напротив, структура с малыми конъюнктами возможна — и однокванторная интерпретация тут обязательна.

К. И. Казенин приводит и другие аргументы, связанные с образованием вопроса и ко-референтностью нулевых подлежащих при сочинении, при этом все рассмотренные им диагностики однозначно указывают на структуру с малыми конъюнктами для русского языка. К похожему выводу о том, что при сочинении русских именных групп эллипсиса не происходит, приходит и К. А. Студеникина в экспериментальном исследовании [2018]. Далее мы будем придерживаться представления о сочиненном подлежащем как результате простой конъюнкции двух именных групп — такой подход, кроме остальных преимуществ, является еще и более экономным.

3.2. Внутренняя структура сочиненной составляющей

Перечислим кратко свойства сочинения, установленные ранее:

(21) Свойства сочинения:

1. **Небинарность**

2. **Порядок конъюнктов** (критичен)

3. **Связь союза со вторым конъюнктом** (теснее, чем с первым)

4. **Повторяемость**

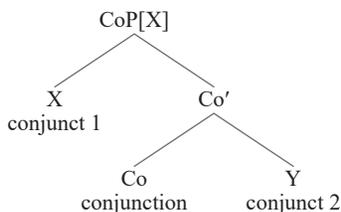
5. **Управление** (в некоторых языках союз присваивает падеж — но не в русском)

6. **Морфосинтаксический центр** (отсутствует в сочиненной проекции)
7. **Валентность на &P** (фактически отсутствует, совпадает с требованием мн. ч.)
8. **Запрет на сочинение составляющих разных типов**
9. **Си-командование** (из первого конъюнкта во второй отсутствует)
10. **Запрет на вынос из сочиненной структуры**
11. **Вариативное согласование**

Последний пункт, вариативное согласование, мы обсудим отдельно. В данной части статьи мы кратко остановимся на вариантах анализа структуры сочиненных проекций.

Если говорить об общих свойствах подхода к структуре сочинения, принятых в формальных теориях, то большая их часть связана а) с иерархическим представлением сочиненной структуры и б) с представлениями о союзе как вершине. Разными авторами предлагались следующие иерархические структуры. Схема (22) представляет анализ сочиненной группы для правоветвящихся языков, в спецификаторе в ней находится первый конъюнкт, а в комплементе — второй.

(22) [Johannessen 1998: 109]

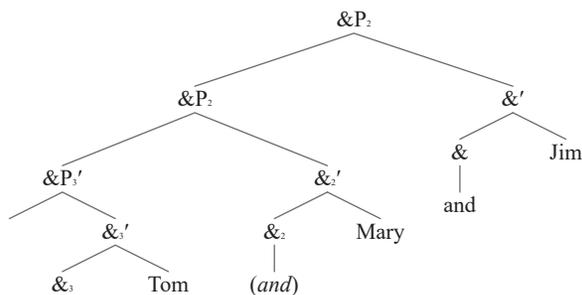
В ряде работ иерархическая структура представлена в несколько иных вариантах. Например, в [Munn 1993] составляющая из союза и второго конъюнкта адьюнгируется к первому конъюнкту, в [Кауне 1994] — напротив, первый конъюнкт занимает позицию адьюнкта. Согласно подобным подходам, первый конъюнкт (у правоветвящихся языков) имеет структурно более приоритетную позицию, вследствие чего именно его признаки могут представлять всю сочиненную проекцию во внешнем контексте.

В подобных иерархических структурах союз и его комплемент могут также объединяться в общую &P, которая присоединяет еще один конъюнкт или конъюнкты. Приведем пример такого анализа из [Zoerner 1995]. В схеме ниже в вершине проекции — сочинительный союз, причем при множественном сочинении (*Петя, Саша и Леша*) озвучивается только последнее вхождение союза. Конъюнкт справа от союза занимает позицию комплемента, а линейно более левые комплексы (нулевой) союз + конъюнкт попадают в рекурсивные спецификаторы.

Описанные иерархические структуры могут объяснить такие свойства, как небинарность (с точки зрения такого подхода — бинарность), тесную связь союза со вторым конъюнктом (он является комплементом), возможность рекурсивного употребления, приписывание падежа (спецификатору или комплементу). Структура (23) (с. 17) из [Zoerner 1995] — но не (22) из [Johannessen 1998] — объясняет также отсутствие си-командования. Также, если считать второй конъюнкт комплементом, сложно объяснить запрет на вынос этого конъюнкта, т. к. комплементы глаголов и других управляющих лексем в целом не демонстрируют ограничений на экстрапозицию¹⁰.

¹⁰ Ср. *Кого ты видел* vs. **Кого ты видел и Петю*. Вынос из предлогов возможен для языков, где есть эффект крысолова, см. [Тестелец 2001: 140]. В связи с экстрапозицией из сочиненной группы примечательно также, что в целом вынос первого конъюнкта при зависимом союзе представляется менее неграмматичным, чем вынос второго.

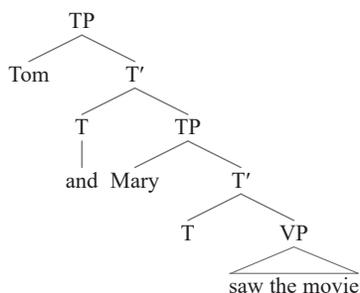
(23) [Zoerner 1995], цит. по [Progovas 1998b: 4]

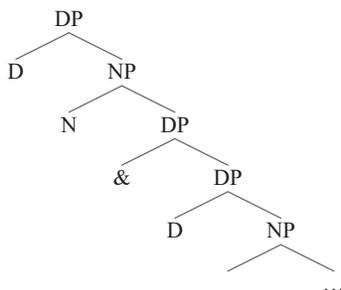
Другие свойства сочинения, как кажется, хуже объясняются иерархическими структурами. В частности, если союз — такая же вершина проекции, как лексические или функциональные категории, почему на него нет валентности у других единиц и почему он не несет никаких грамматических признаков? Ограничения на то, что может быть включено в возглавляемую союзом структуру, тоже не такие, как у вершин N, D, V, T, ... В компонент/спецификатор &P могут попадать любые типы проекций, но есть нетривиальное для анализа требование одинаковости их типов внутри одной &P.

Интересная версия иерархического подхода представлена в [Camacho 1997; 2000; te Velde 2005] и др. В данных работах предполагается, что при формальном наличии иерархии, сочинительные союзы в действительности не проецируют своей структуры. Союзы являются вершинами, но не образуют проекции &P, фактическую дистрибуцию определяет не &, а один (первый) из конъюнктов:

(24) [Camacho 1997], цит. по [Progovas 1998b: 4]

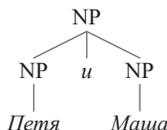
(25) [te Velde 2005: 106]

Такой подход не снимает вопросов, озвученных выше. Например, неочевидно, почему недопустим вынос * $[_{CP} \text{Кого } [_{TP} \text{ты } [_{VP} \text{видел } [_{DP} t [_{DP} u [_{DP} \text{Петю ?}]]]]]]]$ при грамматичности $[_{CP} \text{Кому } [_{TP} \text{ты } [_{VP} \text{подарил } [_{DP} t [_{DP} \text{цветы ?}]]]]]]]$. Также непонятно, почему из первого конъюнкта нет си-командования во второй, хотя оно ожидалось бы согласно структурам выше, и т. д.

В ранних подходах к сочинению, см. [Jackendoff 1977; Chomsky 1981] и др., предлагалась плоская структура:

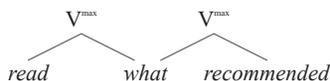
(26)

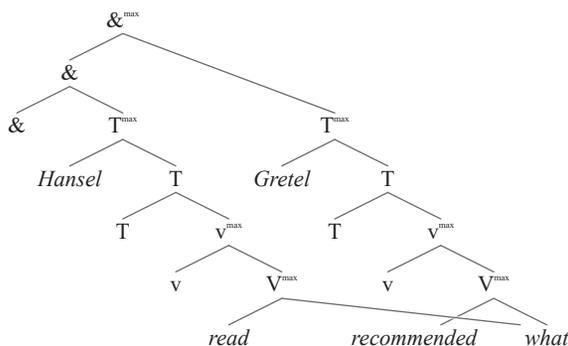
Отметим, что в подобных структурах отсутствует иерархичность, и, как следствие, не должно быть и си-командования и выдвижения участников (среди них нет более или менее подходящих для выноса кандидатов).

Позже, при уточнении подходов к синтаксической структуре в минимализме Ноамом Хомским было предложено так называемое парное или параллельное вставление (Pair / Parallel Merge), см. [Chomsky 2001; 2013; Citko 2005]. Согласно ему, при образовании сочинительных структур возможно (небинарное) соединение двух элементов с общей третьей частью, которое впоследствии дает параллельную деривацию двух одинаковых структур. Ниже приводится часть деривационной истории предложения *Что Гензель прочел и Гретель посоветовала?:*

(27) [Citko 2005: 479]

(28) [Ibid.: 482]

Здесь, как и в некоторых упомянутых выше примерах анализа, проекция сочиненной составляющей разворачивается по отдельным правилам, что помогает преодолеть проблемы с выносом одновременно из двух составляющих и т. п.

В [de Vries 2003] для сочинения предлагается специальное правило разворачивания иерархической структуры, исключающее часть проекции из отношений структурного приоритета. Очевидно, что какой бы подход мы ни выбрали, сочинение всегда будет связано с особыми правилами построения структуры.

Если возвращаться к вопросу категориальной принадлежности сочиненной структуры, необходимо упомянуть подход из [Chomsky 2013]. В данной работе развивается

минималистский взгляд на разворачивание структуры, в соответствии с которым категориальные ярлыки проекций (NP, DP, VP, TP, ...) не необходимы для синтаксиса. Потребность в них возникает тогда, когда какие-либо внешние процессы затрагивают составляющую. Исходно все составляющие из двух фраз {XP, YP} (*[Kmo] [cnum]*) получаются в результате операции вставления (Merge). Если же к подобной составляющей необходимо применить какую-либо внешнюю операцию, вызванную, например, наличием вопросительного признака, ad hoc непонятно, какой именно из элементов должен быть мишенью, т. к. XP и YP находятся в одинаковой «иерархической доступности» для внешних признаков. Для того чтобы можно было обращаться к XP или YP, необходимо вынести, скажем, XP вовне, т. е. создать внешнюю копию. После этого нижняя копия, создающая разрывную структуру, должна быть элиминирована, а весь комплекс [XP, YP] получит категорию той фразы, которая не приводит к «разрывности» [Chomsky 2013: 43–44]:

- (29) а. {XP, YP} {_[DP Kmo] _{[TP cnum]}}
 б. C_{wh} {XP, YP} C {_[DP Kmo] _{[TP cnum]}}
 в. XP_{wh} [C_{wh} [_{YP t} YP]] [Kmo] C _{[TP t_{DP} _[TP cnum]]]}

Похожим образом, согласно [Chomsky 2013: 46], может быть устроено сочинение. На начальном этапе в составляющую β вставляются XP, YP. Затем α , проекция сочинительного союза, и β объединяются. Чтобы присвоить β категориальный ярлык, XP поднимается в составляющую γ . Свойства сочинительного союза таковы, что он не присваивает ярлыка, поэтому составляющую γ можно маркировать только категорией YP (ad hoc в паре { α , YP} нет приоритета):

- (30) [Ibid.: 46]
 а. [α & [β XP, YP]]
 б. [γ XP [α & [_{YP} XP, YP]]]
 в. [_{YP} XP [α & [_{YP} XP, YP]]]

Такая деривационная история сочиненной составляющей опирается на следующие свойства: а) союз & не имеет категориальной (N, V, ...) принадлежности; б) в рамках составляющей β объединяются одинаковые категории (XP=YP). Первое допущение выглядит достаточно естественным. В то же время объяснить второе, особенно принимая во внимание «синтаксическую прозрачность» союза, не так просто. Если сочинительные союзы таковы, что они не образуют структур никакой категории, странно ожидать от них самих синтаксической селекции определенных категорий. При этом, напомним, что этот вид селекции еще и весьма экзотичен, α выбирает не определенный тип, а любые, но совпадающие типы.

Мы, таким образом, наблюдаем широкий спектр структур, предлагаемых для сочиненных групп. Ниже мы представим свой подход, который также будет выделять сочинение в особый класс проекций, разворачивающийся по своим правилам. В случае сочинения нам также кажется чрезвычайно важной идея Н. Хомского об отсутствии необходимости присваивания категориального ярлыка, если того не требует внешний контекст.

3.3. Подходы к анализу вариативного согласования

Напомним факторы, которые, по мнению предыдущих исследователей, влияют на допустимость согласования по единственному числу:

(31) Факторы вариативного согласования:

1. **Числовая форма конъюнктов:** форма мн. ч. имени имплицитно мн. ч. на глаголе
2. **Общее определение во мн. ч.** — только мн. ч. на глаголе
3. **Тип предиката:** симметричные предикаты, реципроки и т. п. никогда не согласуются по ед. ч.
4. **Порядок VS/SV:** при SV не бывает / маловероятно ед. ч. на глаголе
5. **Расстояние между субъектом и глаголом:** предположительно — чем оно больше, тем меньше вероятность ед. ч.
6. **Одушевленность:** ед. ч. глагола предпочтительнее с неодушевленными
7. **Настоящее время глагола:** вероятнее ед. ч.
8. **Совпадение рода существительных в прошедшем времени:** вероятнее ед. ч.

В данной работе мы примем факторы 1 и 2 как не требующие доказательств; фактор 3 не будет объектом рассмотрения¹¹. Относительно правдоподобности 6, 7 и 8 будет сказано несколько слов в разделе, посвященном описанию данных. Основным объектом нашего интереса будет влияние на согласование факторов расположения глагола (4), дистанции (5) и длины составляющих (что прежде не рассматривалось).

В «строго синтаксических» подходах, см. [Munn 1993; Babyonyshev 1997; Krejci 2020] и др., предполагается, что факторы 1–4 (прежде всего — позиционный параметр VS/SV) формируют дихотомическую оппозицию (SV → мн. ч.; VS → ед. ч. и т. д.). Однако, как было показано на корпусных и экспериментальных данных (см. [Подлеская 2012; Пекелис 2013; Паско 2023] и др.), связь между числом на глаголе и его позицией по отношению к сочиненному подлежащему допускает все четыре комбинации признаков мн./ед. ч. и VS/SV. Более того, в работе [Паско 2023] экспериментально установлена приемлемость частичного согласования даже с симметричными предикатами.

А. М. Пешковский считал причиной мн. ч. на глаголе то, что вся сочиненная именная группа мыслится как один сложный объект — это наиболее характерно для порядка SV, но допустимо также и при VS. Предпочтение глагольной препозиции в случае согласования по ед. ч. появляется потому, что «когда сказуемое стоит перед подлежащими, оно склонно согласовываться с ближайшим из них», см. [Пешковский 1928/2001: 450–451]. Чувствительность именно к первому конъюнкту при порядке слов VS показана и в экспериментальных работах, см. [Белова, Давидюк 2022].

В ряде работ отечественных лингвистов, см. [Кодзасов 1987; Санников 2008; Пекелис 2013] и др., предпринимается попытка семантического объяснения выбора числовой стратегии согласования. Предполагается, что на выбор стратегии влияет тип существительного (одушевленное / абстрактное / ...), его референциальный статус, индивидуализированная / объединенная интерпретация субъектной именной группы.

Если говорить о формально-синтаксических подходах, то в работах, предполагающих иерархичность сочинительной проекции (см. предыдущий раздел), согласование по первому конъюнкту объясняется его структурным приоритетом над остальной частью субъекта. В [Citko 2005; Krejci 2020] частичное согласование объясняется тем, что на момент согласования для каждой из двух копий глагола имеется своя именная группа. Такой подход предполагает сочинение (или параллельную деривацию) на уровне VP/TP. Не вполне приятным следствием становится неясность, как объяснить факторы, управляющие вариативностью согласования по ед. либо мн. ч.

В [Benmamoun et al. 2009] для языков с левым ветвлением, которые при VS допускают согласование по первому конъюнкту, а при SV — по второму, предлагается взаимодействие согласования в синтаксисе и на фонологическом уровне. Синтаксическое согласование происходит по мн. ч., если же согласование на PF — наблюдается частичное согласование.

¹¹ См. [Паско 2023] о согласовании в случае симметричных предикатов.

Такой подход созвучен анализу вариативного согласования для русского языка в [Madariaga, Igartua 2017; Лютикова 2023] в терминах распределенной морфологии. В указанных работах предлагается постсинтаксический механизм обеднения признаков, приводящий к появлению неполного набора признаков.

Если говорить о самом синтаксическом феномене частичного / вариативного согласования, необходимо отметить следующее. Для любых иерархически организованных структур ситуация, где мишень согласования получает от контролера не признаки вершины, а признаки вложенной проекции, невозможна:

(32) а. *Изгнание_к первых людей₁ из рая_п произошло_к / *произошли₁ / *произошел_п после того, как совершилось их грехопадение.*

б. *Дом_к его матери₁ на старом шоссе_п стал_к / *стала₁ / *стало_п домом-музеем.*

Единственным исключением из правила «согласуй по вершине» можно считать комитатив, который чередует согласование по ед. и мн. ч., см. [Подлеская 2012]¹². Как, однако, показано в работах, в т. ч. и на русском материале, см. [Архипов 2005] и др., комитатив в конструкциях типа *Петя с Машей пришли* де факто представляет собой сочинение.

Таким образом, сочиненные структуры — единственный тип составляющих, который не препятствует попаданию в мишень признаков «изнутри» проекции¹³.

4. Анализ сочиненных структур в свете новых факторов, влияющих на выбор числа

4.1. Материал из корпуса RuConst

Для составления выборки примеров был взят корпус [Гращенков 2024], в котором был проведен поиск подлежащих (тип — именная группа, возглавляемая существительным, каждый конъюнкт — в ед. ч.) с сочинительной связью и разными характеристиками глагола (мн. ч. / ед. ч., включались примеры в настоящем и прошедшем времени). Данные ограничения дополнялись требованием наличия субъектной связи между сказуемым и подлежащим. После получения поисковой выдачи по запросам была произведена ручная проверка примеров. Удалялись случаи сочиненных групп с более чем двумя конъюнктами¹⁴, а также конструкции, где множественность субъекта наводится синтаксическим контекстом. К последнему случаю относятся предложения с множественным прямым объектом, с реципроком, с общим определением мн. ч. на субъекте, с депиктивом во мн. ч., с адвербиалом совместности и т. п.:

(33) а. *По данным Financial Times, их интересы представляли российские ВЭБ и «Тройка Диалог».*

¹² Отметим, что в работе [Подлеская 2012], где описывается разрешение конфликта при выражении подлежащего личным местоимением и именной группой третьего лица (*Я и Машиа шли / идем / шел / иду*) на основе данных НКРЯ, говорится об отсутствии примеров согласования по ед. ч. при препозиции. Как мы увидим ниже, в представленных нами данных (в которых, впрочем, сочиняются две именные группы третьего лица), такие примеры достаточно регулярны, ср.: *Их тип и количество выясняется* и др.

¹³ Мы оставляем здесь за скобками упомянутые ранее случаи вариативного согласования числительных и других количественных слов, которые находятся внутри одной максимальной проекции с вершиной и способны влиять на распространение признаков внутри именной группы.

¹⁴ Поверхностные наблюдения дают основания полагать, что сочиненные субъекты с более чем двумя конъюнктами ведут себя так же, как и двусоставные сочиненные группы.

- b. Собака и ребенок не расстанутся ни на минуту и все делают вместе.
- c. Тем не менее Киев и ополчение регулярно обвиняют друг друга в нарушениях перемирия.
- d. Ричард Макларен и Денис Освальд выглядят абсолютными идиотами.
- e. Джонни и Эмбер живут вместе уже около двух лет.

После ручного отбора осталось около 2,5 тыс. примеров. Всего согласования по ед. ч. — 18 %. Препозитивных употреблений — 21 % от всех случаев ед. ч. Остановимся на некоторых из упомянутых выше критериев. Согласно корпусным данным, ни постпозиция либо препозиция субъекта, ни даже одушевленность не являются факторами, однозначно определяющими стратегию согласования. Ниже мы видим препозитивные и одушевленные субъекты, согласующиеся по ед. ч.:

- (34) а. *Полиция и ФБР также изучает записи камер уличного наблюдения.*
- b. *Их тип и количество выясняется.*
 - c. *Киносмотр SIFFA основала поэтесса Любовь Балагова и ее муж продюсер Мохий Кандур.*
 - d. *Помимо Коломойского и Боголюбова, в иске фигурирует Александр Ярославский и Павел Овчаренко.*
 - e. *Это далеко не первый случай, когда Александр Дворкин и его Центр религиозно-учебных исследований становится участником сомнительных разбирательств.*
 - f. *Премьер-министр Валерий Стрелец и все правительство утратило право осуществлять внутреннюю и внешнюю политику государства и руководство страной.*

При этом частота глаголов в единственном числе при неодушевленных субъектах более чем в 10 раз выше, чем при одушевленных. Доля примеров с согласованием по ед. ч. в настоящем времени составила 24 %, в прошедшем — 11 %. В прошедшем времени процент глаголов в ед. ч. при совпадении рода у конъюнктов несколько больше, чем при разных родах конъюнктов, и значимо отличается¹⁵. Таким образом, оба сделанных предыдущими исследователями наблюдения подтвердились. Объяснение, предлагаемое, например, в [Санников 2008], состоит в том, что чем меньше разнообразие признаков (род в прошедшем времени совпадает или имеется настоящее время, где род отсутствует), тем скорее выбор будет сделан в пользу ед. ч. Влияние на согласование таких факторов, как доступность / различимость признаков рода, говорит о том, что в случае сочиненных именных групп кроме непосредственно синтаксических принципов согласования начинают играть роль также факторы, связанные с удобством подбора грамматических признаков.

Задачей, которая ставилась при анализе корпусных данных, было определить другие факторы, влияющие на появление ед. ч. на глаголе, прежде всего — размер составляющих и расстояние между ними. Исходных гипотез было две: о влиянии на согласование расстояния от субъекта до глагола и о влиянии длины именных групп. Про возможное влияние фактора расстояния говорилось в работах предыдущих исследователей, см. выше. Что касается размера конъюнктов, здесь можно предполагать два возможных сценария. Первый вкратце сводится к тому, что фонологически «тяжелые» составляющие [Hawkins 1990] могут перемещаться в постпозицию. В постпозиции, как известно, включаются какие-то (отдельный вопрос — какие) механизмы, приводящие к согласованию по ед. ч. Второй

¹⁵ Критерий хи-квадрат, $p < 0.05$.

сценарий не принимает в расчет выдвижения в постпозицию, согласно ему «тяжесть» составляющих может влиять на выбор ед. ч. сама по себе.

Опишем кратко основные полученные результаты, а затем перейдем к их анализу. Для факторов расстояния до глагола и длины составляющей было подтверждено влияние на выбор числовой стратегии¹⁶. Ниже представлены графики зависимости отношения количества случаев согласования по ед. ч. от длины сочиненной группы и от расстояния до глагола:

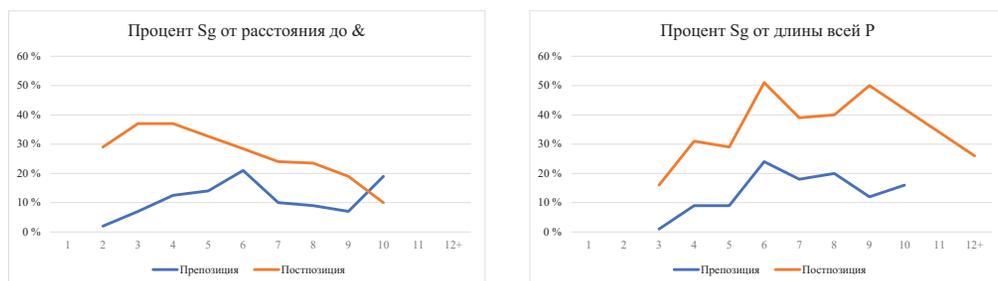

Рис. Зависимость согласования по ед. ч. от расстояния до глагола (слева) и от длины сочиненной группы (справа)

Как можно видеть, в случае препозиции примеров согласования по ед. ч. почти всегда меньше, хотя процент таких случаев все равно значителен. Процент согласования по ед. ч. растет с увеличением дистанции до глагола для препозиции — до 6 словоформ, далее убывает от 6 до 9 словоформ¹⁷. Для постпозиции рост заканчивается на расстоянии 4 словоформы между глагольной вершиной и союзом. Таким образом, мы действительно наблюдаем зависимость согласования от дистанции, однако характер зависимости неоднозначен: первоначально при увеличении расстояния количество случаев ед. ч. растет, а затем падает.

Если говорить о длине составляющих, здесь картина более симметричная для пре- и постпозиции: до длины в 10 словоформ наблюдается определенный рост случаев согласования по ед. ч.¹⁸.

Другим важным результатом корпусного исследования является обнаружение некоторого количества примеров согласования по второму конъюнкту, приведем их все¹⁹:

(35) а. *По словам Пудова, нехватка рабочих мест и дисбаланс ресурсов решался с помощью притока трудовых мигрантов.*

б. *Первый этаж и пространство атриума ЦУМа превратилось в огромный бассейн с дорожками, трамплинами и ныряльщиками.*

¹⁶ Был использован информационный критерий Акаике и подобраны наилучшие модели регрессии с различными комбинациями факторов. Наилучшие результаты показали: 1) модель, учитывающая взаимодействие факторов длины первого и второго конъюнктов, длины всего сочиненного подлежащего и его позиции (AIC = 1939.275) и 2) модель, учитывающая взаимодействие расстояния от глагола до первого, второго конъюнкта и до союза, а также позицию глагола (AIC = 2025.85).

¹⁷ При длине 10 и более словоформ общее количество примеров становится слишком незначительным, чтобы делать выводы.

¹⁸ После 10 отслеживание тенденции становится некорректным в силу уменьшения количества примеров.

¹⁹ Здесь мы исключаем примеры двух конъюнктов при общем аппозитивном определении, которые также регулярно являются источником согласования по последней именной группе: *Об этом в пятницу, 28 октября, в Facebook сообщила режиссер и помощница Угарова Зарема Заудинова.*

- c. *Обрыв троса финишера и задержка с устранением неисправности стала отправной точкой событий.*
- d. *Премьер-министр Валерий Стрелец и все правительство утратило право осуществлять внутреннюю и внешнюю политику государства и руководство страной.*
- e. *В 2013 году концентрация парниковых газов в атмосфере и закисление мирового океана достигло рекордных показателей.*
- f. *Британский адвокат ливанского происхождения и невеста Джорджа Клуни сослалась на высокую загруженность в других проектах.*
- g. *Последний раз перезаключение договоров и конкурсный отбор новых УК проходил в 2008 году.*

Как можно видеть, во всех примерах выше оба конъюнкта осложнены зависимыми, при этом в них подлежащее находится в препозиции.

Наряду с этими примерами, естественно, были обнаружены и случаи согласования по первому конъюнкту, среди них — 3 случая препозиции и 110 — постпозиции субъекта, приведем несколько примеров:

- (36) а. *В некоторых дверях возник затор и давка.*
- б. *После падения произошло возгорание машины и детонация боеприпасов.*
- с. *По предварительным данным, загорелся кабель и прорезиненное покрытие.*
- д. *По окончании каждого испытательного периода внимание и способность к целенаправленной деятельности проверялось в двух тестах...*

По данным ед. ч. в прошедшем времени можно увидеть, что для согласования чаще всего (7 из 7 примеров на второй конъюнкт, 110 из 113 — на первый) выбирается более близкая к глаголу вершина.

4.2. Анализ: сочинение как плоская структура

Суммируем наши наблюдения. Примеров ед. ч. больше в настоящем времени и при совпадении родов в прошедшем. Это свидетельствует о том, что говорящий, скорее всего, решает проблему выбора конкретного набора признаков для глагола, а сделать этот выбор проще там, где меньше конфликтующих признаков. Далее, длина конъюнкта и расстояние до глагола также влияют на выбор числовой формы. Наконец, наблюдение над корпусными данными демонстрирует стратегию согласования по ближней именной вершине: второй — для препозиции и первой — для постпозиции подлежащего. Подтверждено сильное влияние на ед. ч. неодушевленности.

Мы предлагаем следующий подход к сочинению и вариативному согласованию. Сочиненные составляющие не располагают внутренней иерархией и не имеют структуры, где определены отношения доминирования, си-командования и т. д. В частности, сочиненная именная группа не имеет лексических или функциональных проекций, вершин и спецификаторов, связанных с сочинением. Такая именная группа не располагает сама по себе набором грамматических признаков, «собранных» в процессе деривации, а следовательно — не может вступить в отношения синтаксического согласования с предикатом.

Для того чтобы получить значения грамматических категорий на сочиненной группе, некоторый специальный механизм извлечения признаков из плоской проекции должен

перебрать все именные группы в сочиненном подлежащем и «считать» признаки синтаксической категории (N, V, A, ...), числа и рода. Данный механизм сопоставляет значения частеречных категорий и другие грамматические значения на отдельных конъюнктах.

Данная процедура может отрабатывать успешно или неуспешно, второй сценарий наблюдается при повышенной длине сочиненной составляющей или существенной дистанции от нее до глагола.

В случае успешного считывания признаков весь субъект получает признак мн. ч. и категориальные значения (N/D в нашем случае)²⁰. Фактически значения ед. ч. на отдельных составляющих «складываются» (этим сочинение отличается от других типов проекций, ср.: [_{DP{Sg;*Pl}} [_{NP{Sg}} *возгорание*]] [_{DP{Sg}} *машины*])). Далее именные группы с мн. ч. проходят стандартный путь деривации, согласуясь в Срес, TP — в пользу этого говорит тот факт, что процент пре- и постпозиции в таких случаях соответствует аналогичным пропорциям у стандартных именных групп²¹.

Альтернативно, механизм считывания признаков может не давать результата по причине распространенности самих конъюнктов или из-за линейной удаленности субъекта от предиката. Какой бы ни была причина (распространенность конъюнктов, линейная удаленность), получение значения всех признаков со всех конъюнктов требует более серьезных затрат времени и рабочей памяти.

В таких случаях субъект оказывается лишен не только признака числа (и рода), но и значения категориального признака. Как следствие, такие субъекты не могут передвинуться в Срес, TP и остаются in situ. Нахождение в исходной позиции объясняет наблюдаемое предпочтение постпозиции субъекта при ед. ч. на глаголе.

Значения числа и рода глагол получает постсинтаксически, в результате «вторичного зондирования» именной группы с непроверенными признаками в некоторой окрестности, см. подобные предложения в [Madariaga, Igartua 2017; Лютикова 2023]. Ед. ч. на глаголе фактически свидетельствует о том, что означивание признаков сочиненной группы происходит не благодаря стандартному механизму согласования, а на постсинтаксическом уровне. В этом случае выбирается значение ближайшего к глаголу конъюнкта, последнего при препозиции субъекта или первого при его постпозиции:

- (37) а. [_{TP} [*Премьер-министр* и [_{DP{Sg;N}} *правительство*]]] [_T *утратило* [_{VP} *t_V право*]]]
 б. [_{CP} *возник*∅ [_{TP} [_{DP{Sg;M}} *затоп*] и *давка*] *t_{VP}*]]

Доминирование среди примеров ед. ч. случаев с совпадающим значением рода и более частое согласование по единственному в настоящем времени, где рода нет, подтверждает тот факт, что грамматические значения разных конъюнктов действительно сопоставляются между собой. Выбор признака рода из пар {M;Sg} + {F;Sg}; {F;Sg} + {N;Sg}; {M;Sg} + {N;Sg} может разрешаться в сторону более простого варианта {Pl}.

Таким образом, сочиненная группа может приобретать значение мн. ч., и тогда ее признаки проверяются стандартным способом. Если цепочка словоформ, которые надо перебрать «на пути» к нужным вершинам, слишком длинная — можно останавливаться при получении первого ближайшего значения, т. е. выполняется сценарий согласования по ближайшему конъюнкту.

Согласно нашему предположению, сочиненная составляющая представляет собой линейно (а не структурно) упорядоченную цепочку, лишенную вершины и иерархической организации. Об этом свидетельствует упомянутое выше отсутствие си-командования внутри

²⁰ При несовпадении частеречных категорий может включаться механизм разрешения, предполагающий, например, выбор значения ближнего конъюнкта, см. ниже.

²¹ С поправкой на то, что сочиненные подлежащие являются «тяжелыми» и смещаются вправо, общий процент препозитивных субъектов при сочинении составляет 46 %, в то время как в целом по корпусу — 76 %.

сочинения²², а также сам факт вариативности согласования. Именно в случае сочинения описанная выше логика «присваивай грамматические значения, только если необходимо», предлагаемая Н. Хомским, кажется, действительно имеет место.

Принцип совпадения категорий сочиненных составляющих (Coordination of likes) также согласуется с предлагаемым анализом. Если сочиненная структура лишена внутренней иерархии и, как следствие, общего категориального значения (DP, VP, TP, AP, ...), можно предположить, что означивание категориального признака требуется лишь тогда, когда это необходимо для встраивания во внешний контекст. В качестве примеров нарушения данного ограничения чаще всего приводят случаи предикативного или вторичнопредикативного употребления сочиненной группы (*Петя глупый и хам; Петя вырос глупым и к тому же хамом; ...*). Это как раз те случаи, когда внешний контекст позволяет употребление различных категорий (именной группы и группы прилагательного в нашем примере). Стало быть, требование совпадения категорий при сочинении исходит только от внешнего контекста, а не из внутренних ограничений сочиненной структуры. В большинстве случаев внешний контекст однозначно требует, например, DP (VP, TP, AP, ...), и в сочиненной составляющей, «прозрачной» в силу отсутствия собственной структуры, могут появляться только DP (VP, TP, AP, ...).

Отсутствие иерархичности объясняет и запрет на выдвигание любого из конъюнктов. Оба конъюнкта оказываются структурно «равноудалены» по [Chomsky 2013] и выбрать какого-либо одного кандидата для передвижения не представляется возможным²³, см. также разбор подходов²⁴, связанных с равноудаленностью в [Nevins, Weissler 2019]²⁵.

Операцию присваивания категориального ярлыка (Labeling) предлагается считать одной из базовых синтаксических операций наряду с операциями слияния и согласования (Merge и Agree), см. [Hornstein 2009; Chomsky 2013; Rizzi 2016] и др. В минималистской Теории плоской структуры (Bare phrase structure), пришедшей на смену X'-теории, присваивание категориального ярлыка необходимо, т. к. нет иных правил, определяющих вершину составляющей. В то же время, как было указано выше, Labeling сочиненной составляющей, согласно [Chomsky 2013], также (как и другие подходы, предполагающие иерархическую структуру сочинения, см. раздел 3.2) должен происходить по особым правилам и в несколько этапов.

Мы предлагаем иной подход — признать сочинение отдельным типом структуры. Поскольку любой из подходов к сочинению неизбежно приводит к необходимости признания его особого статуса, это не выглядит неоправданным усложнением теоретического аппарата²⁶. Напротив, выбор значения категории (N/D, V/T, ...) наряду с другими грамматическими признаками при помощи одного и того же механизма поиска грамматических

²² Рецензентом отмечено в данном случае: «В более подробном объяснении нуждается утверждение о том, что плоская структура типа (26) исключает отношение си-командования, поскольку последнее, в соответствии с обычным пониманием, возникает между узлами-сестрами».

Несмотря на то, что стандартное определение действительно предполагает си-командование между узлами-сестрами, отношение структурного приоритета определено только на иерархических структурах. Как только мы признаем возможность плоской (= небинарной) структуры, си-командование перестанет быть применимо. В числе причин можно назвать, например, недетерминированность фразового передвижения вверх по структуре, если уровень проекции, на который происходит передвижение, имеет более двух си-командующих следом сестер.

²³ Мы оставляем объяснение смягчения или снятия ограничений на выдвигание из сочинительного острова (засвидетельствованные в глагольной группе) для будущих исследований.

²⁴ Примечательно, что в некоторых случаях, как и у нас, постулируется *in situ* положение сочиненного субъекта.

²⁵ Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на эту работу.

²⁶ Рецензентом проведена параллель между предлагаемым нами подходом и анализом сочинения в [Goodall 1987]. Как представляется, наш подход кажется более традиционным, не требует

значений на иерархически неупорядоченном сете представляется более экономным. Отдельные работы, подтверждающие важность линейного порядка для некоторых случаев сочинения, уже появляются, см., например, [Gold et al. 2018]. Точные выводы о структуре необязательно совпадают с нашими, однако указанная работа также рассматривает случаи сочинения по ближайшему конъюнкту, причем объектом исследования становятся южнославянские языки.

Заключение

Мы предприняли анализ свойств сочиненных проекций, взяв в качестве материала сочиненные подлежащие в русском языке. Данный тип проекций демонстрирует вариативность грамматических свойств, проявляющуюся в разных стратегиях согласования с глаголом-сказуемым. Был проведен анализ корпусных данных, который позволил установить, что в русском языке на выбор числовой стратегии влияют удаленность от глагола и размер сочиненной группы. Кроме этого, корпусный материал показывает, что в русском допустима стратегия согласования по ближайшему (а не просто первому, как часто утверждается) конъюнкту. Мы предложили анализ, при котором сочиненная структура стоит особняком в числе проекций других типов (DP, VP, TP, AP, ...): она лишена иерархичности, на ней не определено отношение доминирования, в ней отсутствуют лексические или функциональные вершины. Для получения категориальных и грамматических значений, определяющих дистрибуцию сочиненных проекций, используется отдельный механизм считывания признаков с плоской структуры, что и объясняет такие свойства, как вариативное согласование, отсутствие си-командования и т. д.

Естественно, что некоторые важные свойства сочиненных групп остались незатронутыми. Мы оставляем такие свойства (более тесную связь союза и второго конъюнкта, структуру бессоюзного сочинения, случаи присваивания союзом собственного падежного признака и т. д.) для будущих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I — первое лицо
 ABS — абсолютив
 ATR — атрибутив
 DAT — датив
 DEF — определенность
 ERG — эргатив
 FEM — женский род

GEN — генитив
 I, II — первый, второй классы
 LOC — локатив
 MASC — мужской род
 PERF — перфект
 PL — множественное число
 SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архипов 2005 — Архипов А. В. *Типология комитативных конструкций*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Arkhipov A. V. *Tipologiya komitativnykh konstrukttsii* [Typology of comitative constructions]. Cand. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2005.]

особых допущений о характере плоских структур и противопоставлен анализу с параллельным вставлением в духе [Goodall 1987; Citko 2005].

- Белова, Давидюк 2022 — Белова Д. Д., Давидюк Т. И. Предикативное согласование с сочиненным подлежащим в русском языке. *Типология морфосинтаксических параметров*, 2022, 5(1): 13–34. [Belova D. D., Davidyuk T. I. Predicate agreement with coordinated subjects in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2022, 5(1): 13–34.]
- Гращенко 2024 — Гращенко П. В. RuConst: Синтаксический корпус русского языка с разметкой по составляющим. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*, 2024, 3: 94–112. [Grashchenkov P. V. RuConst: A treebank for Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2024, 3: 94–112.]
- Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который*. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. Николаева Т. М. (ред.). М.: Наука, 1979, 289–329. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. Syntactic properties of the pronoun *kotoryj* 'which'. *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Nauka, 1979, 289–329.]
- Казенин 2011 — Казенин К. И. Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций. *Вопросы языкознания*, 2011, 4: 46–60. [Kazenin K. I. The issue of conjuncts' «size» in Russian: Some types of coordinative constructions. *Voprosy Jazykoznanija*, 2011, 4: 46–60.]
- Кодзасов 1987 — Кодзасов С. В. Число в сочинительных конструкциях. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. Кибрик А. Е., Нариньяни А. С. (ред.). М.: Наука, 1987, 204–219. [Kodzasov S. V. Number in coordinate constructions. *Modelirovanie yazykovoï deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh*. Kibrik A. E., Narin'yani A. S. (eds.). Moscow: Nauka, 1987, 204–219.]
- Лютикова 2023 — Лютикова Е. А. О согласовательной вариативности в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2023, 2(46): 200–219. [Lyutikova E. A. On agreement variation in Russian. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 2(46): 200–219.]
- Лютикова, Герасимова 2021 — Лютикова Е. А., Герасимова А. А. *Русские острова в свете экспериментальных данных*. М.: Буки Веди, 2021. [Lyutikova E. A., Gerasimova A. A. *Russkie ostrova v svete eksperimental'nykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Moscow: Buki Vedi, 2021.]
- Паско 2023 — Паско Л. И. Против АТВ-анализа частичного согласования в русском языке: экспериментальное исследование. *Рема. Rhema*, 2023, 2: 89–103. [Pasko L. I. Against ATV analysis of partial agreement in Russian: An experimental study. *Rema. Rhema*, 2023, 2: 89–103.]
- Пекелис 2013 — Пекелис О. Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей. *Вопросы языкознания*, 2013, 4: 55–86. [Pekelis O. E. Partial agreement with subjects linked by a correlative conjunction: A corpus-based study of main regularities. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 4: 55–86.]
- Пешковский 1928/2001 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. 8-е изд. М.: Языки славянских культур, 2001. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. 8th edn. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2001.]
- Подлеская 2012 — Подлеская В. И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке. *Вопросы языкознания*, 2012, 1: 42–65. [Podlesskaya V. I. Structural, linear and prosodic integrity of NPs: Coordinate and comitative constructions with 1st sg personal pronouns in Russian (a corpus-based study). *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 1: 42–65.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 2 М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980.]
- Санников 2008 — Санников В. З. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in a semantic-pragmatic aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008.]
- Студеникина 2018 — Студеникина К. А. Синтаксис сочинения русских именных групп: эллиipsis или малые конъюнкты? *Типология морфосинтаксических параметров*, 2018, 1(2): 115–133. [Studenikina K. A. The syntax of coordination of Russian noun phrases: Ellipsis or small conjuncts? *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2018, 1(2): 115–133.]

- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testelecs Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Babyonyshev 1997 — Babyonyshev M. Covert feature checking and conjunction agreement in Russian. *Paper presented at 1997 Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL), Univ. of Connecticut, Storrs, 1997.*
- Benmamoun et al. 2009 — Benmamoun E., Bhatia A., Polinsky M. Closest conjunct agreement in head final languages. *Linguistic Variation Yearbook*, 2009, 9: 67–88.
- Camacho 1997 — Camacho J. A. *The syntax of NP coordination*. Doctoral diss. Los Angeles: Univ. of Southern California, 1997.
- Camacho 2000 — Camacho J. On the structure of conjunction. *Ellipsis in conjunction*. Schwabe K., Zhang N. (eds.). Tübingen: Newmeyer, 2000, 23–50.
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Beyond explanatory adequacy. *MIT Occasional Papers in Linguistics*. Iss. 20. Cambridge (MA): MIT, 2001.
- Chomsky 2013 — Chomsky N. Problems of projection. *Lingua*, 2013, 130: 33–49.
- Citko 2005 — Citko B. On the nature of merge: External merge, internal merge, and parallel merge. *Linguistic Inquiry*, 2005, 36(4): 475–496.
- Gold et al. 2018 — Gold J. W., Arsenijević B., Batinić M., Becker M., Nermina Č., Kresić M., Leko N., Marušić F. L., Miličević T., Miličević N., Mitić I., Peti-Stantić A., Stanković B., Šuligoj T., Tušek J., Nevins A. When linearity prevails over hierarchy in syntax. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2018, 3(115): 495–500.
- Goodall 1987 — Goodall G. *Parallel structures in syntax. Coordination, causatives and restructuring*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Harizanov, Gribanova 2015 — Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society*, 2015, 49: 115–129.
- Hawkins 1990 — Hawkins J. A. A parsing theory of word order universals. *Linguistic Inquiry*, 1990, 21(2): 223–261.
- Hornstein 2009 — Hornstein N. *A theory of syntax: Minimal operations and UG*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Hudson 1980 — Hudson R. A. Constituency and dependency. *Linguistics*, 1980, 18(3–4): 179–198.
- Hudson 1987 — Hudson R. A. Zwicky on heads. *Journal of Linguistics*, 1987, 23: 109–132.
- Jackendoff 1977 — Jackendoff R. *X⁰ syntax: A study of phrase structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1977.
- Johannessen 1998 — Johannessen J. B. *Coordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Krejci 2020 — Krejci B. *Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian*. Doctoral diss. Stanford: Stanford Univ., 2020.
- Madariaga, Igartua 2017 — Madariaga N., Igartua I. Idiosyncratic (dis)agreement patterns: The structure and diachrony of Russian paucal subjects. *Scando-Slavica*, 2017, 63(2): 99–132.
- Munn 1993 — Munn A. *Topics in the syntax and semantics of coordinate structures*. Ph.D. diss. College Park (MD): Univ. of Maryland, 1993.
- Nevins, Weisser 2019 — Nevins A., Weisser P. Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*, 2019, 5(1): 219–241.
- Progovac 1998a — Progovac L. Structure for Coordination. Part I. *Glott International*, 1998, 3(7): 3–6.
- Progovac 1998b — Progovac L. Structure for Coordination. Part II. *Glott International*, 1998, 3(8): 3–9.
- Rizzi 2016 — Rizzi L. Labeling, maximality and the head — phrase distinction. *The Linguistic Review*, 2016, 33(1): 103–127.
- Ross 1967 — Ross J. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): MIT, 1967.
- Sag et al. 1985 — Sag I. A., Gazdar G., Wasow T., Weisler S. Coordination and how to distinguish categories. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1985, 3: 117–171.
- te Velde 2005 — te Velde J. *Deriving coordinate symmetries. A phase-based approach integrating Select, Merge, Copy and Match*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.

- de Vries 2003 — de Vries M. Hierarchy in coordinate structures. *Germania et alia: A linguistic webschrift for Hans den Besten*. Koster J., Riemsdijk H. V. (eds.). 2003, 1–15.
- Wilder 1994 — Wilder C. Coordination, ATB and ellipsis. *Minimalism and Kayne's antisymmetry hypothesis. Groningen Arbeiten zur germanistischen Linguistik*, 1994, 37: 291–329.
- Wilder 1997 — Wilder C. Some properties of ellipsis in coordination. *Studies on universal grammar and typological variation*. Alexiadou A., Hall T. A. (eds.). Amsterdam: Benjamins, 1997, 59–107.
- Zoerner 1995 — Zoerner E. *Coordination: The syntax of &P*. Doctoral diss. Irvine: Univ. of California, 1995.
- Zwicky 1985 — Zwicky A. M. Heads. *Journal of Linguistics*, 1985, 21: 1–29.

Получено / received 11.11.2023

Принято / accepted 12.03.2024

Toward a historical grammar of elevation in Kartvelian

© 2024

Alexander A. Rostovtsev-Popiel

Johannes Gutenberg University Mainz, Mainz, Germany; rostovts@uni-mainz.de

Merab J. Chukhua

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia; mchukhua@yahoo.com

Abstract: This paper in detail addresses and, for the first time in the field, presents linguistic evidence related to the expression of elevational semantics in the Kartvelian languages. The domains of its expression include a wide range of parts of speech, such as adverbs, adjectives, postpositions, and verbs. Provided with a broad synchronic illustrative base, as well as with respective diachronic commentaries, the material under discussion is meant to lay the groundwork for the establishment of a diachronic grammar of elevation in Kartvelian.

Keywords: diachrony, elevation, Kartvelian, spatial semantics

Acknowledgements: This paper is based on our talk presented at and designed for the purposes of the Zoom Workshop “Typology and Diachrony of Elevational Spatial Deixis” (23–24.11.2020; convenors: Gilles Authier, Antoinette Schapper). We are indebted to the participants thereof and to Timur Maisak and Yakov Testelefs for their valuable comments. Sofia Ovchinnikova and Michael Ireton deserve special thanks for their assistance in the refinement of the pilot questionnaire. We would also like to credit our native consultants: Sopo Berulava, Maia Memišiši, Natia Poniava, Lile Tandilava (Laz); Lik’a Žalayo-nia (Megrelian); Rusudan Ioseliani, Medea Sayliani and Nat’o Šavrešiani (Svan). The rest goes to the anonymous reviewers who made their comments on the previous versions of the paper.

For citation: Rostovtsev-Popiel A. A., Chukhua M. J. Toward a historical grammar of elevation in Kartvelian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 31–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.31-59

На пути к созданию исторической грамматики элевации в картвельских языках

Александр Александрович Ростовцев-ПопельМайнцский университет имени Иоганна Гутенберга, Майнц, Германия;
rostovts@uni-mainz.de**Мераб Джумберович Чухуа**Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, Грузия;
mchukhua@yahoo.com

Аннотация: В статье подробно рассматриваются и впервые вводятся в научный обиход сведения, касающиеся выражения семантики элевации в картвельских языках. Сферы ее выражения включают в себя широкий частеречный спектр: наречия, прилагательные, послелоги, глаголы. Материал, обеспеченный и снабженный как широким синхронным контекстом, так и диахроническим комментарием, призван лечь в основу исторической грамматики элевации в картвельских языках.

Ключевые слова: вертикальный дейксис, диахрония, картвельские языки, пространственная семантика

Для цитирования: Rostovtsev-Popiel A. A., Chukhua M. J. Toward a historical grammar of elevation in Kartvelian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 31–59.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.31-59

Introduction

This paper descriptively explores the semantic domain of elevation in Kartvelian from both synchronic and diachronic perspectives. The expressions involved are spatial adverbs, nominal postpositional constructions, adjectives, verbal valency derivatives, and preverbed verbs. We also present the findings of our pilot fieldwork research which feature a substantial amount of our first-hand data and place emphasis on particular patterns that characterize the trajectory of motion and the type of position. Furthermore, the paper provides a number of observations concerning diverse conventionalization paths travelled by the expressions in issue over the traceable history of Kartvelian.

1. Kartvelian languages

The Kartvelian languages, also called South Caucasian, represent an indigenous language family spoken in Transcaucasia, primarily in Georgia, Northeastern Turkey, and Northwestern Iran [Deeters 1930; Harris (ed.) 1991; Boeder 2005; Testelets 2021], namely Georgian (G), Megrelian (M), Laz (L), the latter two often referred to as one Zan language (Z), and Svan (S).

Kartvelian languages are well-known in typological literature for their capacity to express spatial semantics in great detail, both in the verbal and non-verbal domains. This paper focuses on the elevational component of the system, its arrangement, and further conventionalization traits.

2. Elevation

By elevational semantics, we understand here any kind of spatial semantics that is associated with upward motion along the vertical axis, upstairs position, and placing/being on a surface that is above the ground level.

With Levinson [2003] rather entirely ignoring this phenomenon in his study on space in language, the domain of elevation *per se*, apart from a rather psychologically-oriented paper [Carlson-Radvansky, Irwin 1993], has hardly been addressed elsewhere as a central topic of a dedicated study either. Among the lexical sources for the expressions meaning ‘above’, ‘on top’, and ‘overhead’, Svorou [1994: 72, 80, 252] mentions such terms as ‘head’ (Abkhaz, Abkhaz-Adyghean/Northwest Caucasian, and Tigre, Ethiopian Semitic), ‘upper back, top surface’ (Shuswap, Interior Salish), ‘heaven’ (Guaymi, Chibchan), and ‘sky’ (Ewe, Gbe). None of these, apart from ‘head’ in Megrelian and Laz, is paralleled in Kartvelian.

In Kartvelian studies, much attention has been paid to the expression of spatial semantics. The sources being either dedicated ones (e.g., [Gabunia 1988; Kobalava 2002; Kutscher 2003; 2011] or those dealing with space in language as a domain adjacent to the major focus of grammar under investigation (e.g., [Asatiani 1952/2015; Mart'irosovi 1953; 1956; Vašap'ize 1967; Rostovtsev-Popiel 2012b; Reseck 2014], no special work, either synchronic or diachronic, has been devoted to the grammar of elevation in Kartvelian. This paper therefore aims to fill in this gap and establish a frame of reference for further research.

3. Major grams expressing elevational semantics

The major grams associated with the expression of elevational semantics in Kartvelian are:¹

(i) adverbs and verbal prefixes:

CK **z₁e-* ‘up(ward), atop’

(paradigmatic counterpart (henceforth PC)²) **kwe-* ‘down(ward), low(er)’

G *ze-* (PC OG *kue-*, G *k(v)e-*)

Z *ži-* (PCs *ko-*, *tu-* (resp. G *tav-* ‘head’))

S *ži-* (PC *ču-*, *kw-*)

(ii) verbal prefixes:

GZ **aγ-* ‘up(ward)’ (PC **da-* ‘down(ward) on surface’)

OG *aγ-* (PC *da-*)

G *a-* (PC *da-*)

Z (*g)e-* (< **o-*), ?*o-* (PC *do-*)

(iii) verbal prefixes:

Z *ge-* ‘up(ward), upright’, *e-* ‘idem’

M *ge-* ‘up(ward), upright’, *e-* ‘idem’

L *ge-* ‘up(ward), upright’, *e-* ‘idem’

(iv) valency markers:

CK **a-* ‘on(to)’

G *a-*

Z *o-*

S *a-*

Although both types (i) and (ii) can be involved in the expression of elevational semantics at the same time, there is a crucial difference between them. The former are relative, whereas the latter express absolute values of orientation in space.

4. Domains of the grams’ use

The grams in issue have conventionalized as (parts of) diverse parts of speech including (a) adverbs, (b) postpositions, (c) adjectives, and (d) verbs. Type (c) represents the most lexicalized stage of the grams’ conventionalization, whereby type (d) is the least grammaticalized one, with the highest degree of PCs’ range and variation.

¹ For etymological references, see [Klimov 1998; Fähnrich, Saržvelaže 2000; Fähnrich 2007].

² Considering that there is no entire symmetry between upward and downward motion, this term is rather technical and taken here for granted.

4.1. Adverbs

Adverbs featuring conventionalized grams with elevational semantics include, but are not limited to the following list:

- G *ze-d(a)* ‘on top’, *ze-mo-t* ‘up(ward)’, *ze-v-it* ‘idem’, *ze(-mo)-re* ‘a bit upward’, *ze-ze* ‘upright’
 S *ži(:)-b* ‘up(ward)’, *ži-ba-w* ‘idem’, *žü-b* ‘idem’, *le-ža-w* ‘idem’, *ži-ka:-w* ‘idem’, *ži-xi* ‘higher than *ži(:)b*’
 Z *ži-n* ‘up’, *ži-mo(-le)* ‘a bit upward’
 M *ži-do* ‘up(ward)’
 L *ži-ndo* ‘up(ward)’, *ži-le(-n)* ‘idem’, *ži-le-ndo-n* ‘idem’, *(le-)ž-a:n* ‘idem’, *ži-b(-aw)* ‘idem’

Their PCs are:

- G *kve-mo-t* ‘down(ward)’, *kve-v-it* ‘idem’, *kve(-mo)-re* ‘a bit downward’
 S *čwä:-b* ‘down(ward)’, *čwi-b* ‘idem’, *(le-)kw-a:n* ‘idem’
 M *tu-do(-le)* ‘down(ward)’
 L *tu-de(-le-ndo-n)* ‘down(ward)’, *c’a-le* ‘idem’

The absolute reference item is:

- G *m-ay-l-a* ‘atop, upstairs; above the ground level’³
 (PC G *dab-l-a* ‘downstairs; on the ground level’)

Thus, the Georgian sentence (1a) has two basic readings: ‘Gio is on a **higher** ground’ and ‘Gio is **upstairs**; Gio is **on top** (of the mountain)’, whereby the construction in (1b) can only have the latter meanings. The same applies to their PCs *kvemot* vs. *dabla*, respectively.

- (1) G a. *Gio zemot aris.*⁴
 Gio:NOM atop X_is
 ‘Gio is **on a higher ground / upstairs.**’
 b. *Gio mayla aris.*
 Gio:NOM atop X_is
 ‘Gio is **on top / upstairs.**’

Further examples contribute to the understanding of the issue:

- (2) G ... *u-txra gatamamebul-ma režisor-ma mk’lav-ši xel-i*
 VAL:O-X_told_Y_Z overconfident-ERG director-ERG arm-ILL hand-NOM
ga-mo-s-do da zevit c’a-i-q’vana.
 PRV-PRV:PROX-IO3-X_put_Y and upward PRV-VAL:S-X_took_Y
 ‘The overconfident director told her (...), drew her hand through his arm and took her away upstairs.’ [Soso P’aič’aze. “The Last Take”, 1973]⁵

³ The component *ay-* was already mentioned above among preverbs, but here it functions as a root. The same applies to the expression *dab-* right below.

⁴ This paper applies a simplified glossing convention. Respective techniques of more sophisticated glossing for Kartvelian can be found in, e.g., [Harris (ed.) 1991; Tuite 1998; Rostovtsev-Popiel 2012b; 2020].

⁵ The non-elicited Georgian examples were retrieved from the Ilia Uni Georgian Corpus (http://corpora.iliauni.edu.ge/search_words).

An optional use of *mayla* instead of *zevit* in this context, beside the ‘upstairs’ reading, would have meant ‘He took her sky-high to God’, i.e. to the ultimate place at the top of the world.

- (3) G *ra cocxl-eb-i*, — *ga-i-oca* *ciala-m da c'arb-eb-i*
 what live-PL-NOM PRV-VAL:S-X_got_amazed Ciala-ERG and brow-PL-NOM
mayla a-zida.
 atop FACT-X_lifted_Y
 ‘‘What on Earth the quick?’’ Ciala got amazed and raised her eyebrows.’
 [Levan Malazonia. ‘‘Self-Flagellation’’, 1972]

In the above example, a substitution of *mayla* by *zemat/zevit* would have read as ‘She [cut off somebody’s eyebrows and] lifted/took them upward’.

4.2. Postpositions

The postpositions in issue only feature the CK archetype’s descendants:

- G *-ze-d* ‘on(to)’, *-ze* ‘idem’ (PC *kve-š* ‘beneath, below’)
 S *-ži* ‘on(to)’, *-ži-ka:-n* ‘idem’ (PC *-ču* ‘down(ward)’)

4.3. Adjectives

The elevational semantics is also expressed in the domain of dedicated spatial adjectives:

- G *ze-mo* ‘upper’, *ze-da* ‘idem’, *ze-na* ‘high’, *ze-mo-ur-* ‘one living in the upland’
 M *ži-n(-o)* ‘upper’, *ži-mo-le-n-* ‘one living in the upland’, *ži-do-le-n-* ‘idem’
 L *ži-ndo-le-n-* ‘upper’, *ži-le-ndo-n-* ‘one living in the upland’
 S *ži-be(-š)* ‘upper’, *le-ža:-w-iš* ‘one living in the upland’

Their PCs include:

- G *kve-mo* ‘low(er)’, *kve-da* ‘idem’, *kve-mo-ur-* ‘one living in the downland’
 M *tu-do* ‘low(er)’
 L *tu-de* ‘low(er)’, *c'a-le* ‘idem’
 S *ču-b-eš* ‘low(er)’, *ču-b-e* ‘one (INANM) from below’

The absolute reference item is:

- G *m-ay-al-* ‘high, tall’ (PCs: OG *m-da-b-al-* ‘downward, dishonorable’, G *da-b-al-* ‘low, short (in stature)’, *m-da-re* ‘low-quality’)

4.4. Verbs

The expressions of elevation occur as (quasi-)preverbs of distinct degree of grammaticalization throughout Kartvelian.⁶ The Old Georgian data feature quasi-preverbs that used to wander around the clause and never became preverbs *proper*. The Svan data, conversely, demonstrate

⁶ On preverbs in Kartvelian, see [Asatiani 1952/2015; Hewitt 2004: 284–315; Rostovtsev-Popiel 2012b; 2016; 2017a; 2020: 553–556; Reseck 2014].

items that entered a firm system of detachable preverbs, whereby Laz features perfectly grammaticalized preverbs.

- OG *ze-* ‘upright’, *ze-da-(da-)* ‘onto, down(ward) from above’, *ze-na-(da-)* ‘idem’
ze-mo- ‘onto, upward hither’, *ze-da-mo-* ‘onto, down(ward) from above hither’, *ze-na-mo-* ‘idem’
- L *mo-ža-* ‘hither over’, *me-ža-* ‘thither over’, *e-ža-* ‘up(ward)’
- S *ži-* ‘onto, upward’, *ži-la-* ‘up(ward) hither (slowly, constrainedly)’,
ž-a(d)- ‘onto, up(ward) thither, PFV’, *ž-es-* ‘idem, IPFV’, *ž-an-* ‘onto, up(ward) hither’

The PCs are:

- OG *kue-* ‘down(ward)’, *kue-da-* ‘idem’, *kue-na-* ‘idem’, *kue-mo-* ‘down(ward) hither’,
kue-da-mo- ‘idem’, *kue-na-mo-* ‘idem’
- S *ču-* ‘down(ward)’, *ču-la-* ‘down(ward) (slowly, constrainedly)’, *čw-a(d)* ‘down(ward)
thither, PFV’, *čw-es-* ‘idem, IPFV’, *čw-an-* ‘down(ward) hither’

4.4.1. Verbs of motion

In Georgian and Svan, verbal prefixes that express spatial semantics typically attach to verbs of motion (including verbs of movement, the prototypical instance of motion, cf. *go* vs. *wave one’s hand*). Preverbs in Zan can do this, too, and, as we shall see, in a much more sophisticated way.

- OG *aγ-* ‘up(ward)’, *aγ-mo-* ‘up(ward) hither’, *aγ-mi-* ‘up(ward) thither’
- G *a-* ‘up(ward) thither’, *a-mo-* ‘up(ward) hither’ (from the VII-IXth centuries A. D. on)
- Z *ge-* ‘up(ward), upright’, *e-* ‘idem’, (< **o-*), ?*o-* ‘idem’

The PCs are represented by:

- OG *da-* ‘down(ward) on surface (thither)’, *da-mo-* ‘down(ward) on surface hither’
- G *da-* ‘down(ward) on surface’
- Z *do-* ‘down(ward)’

Preverbs in Kartvelian, while used in verbs of motion, are most often (albeit with certain reservations with respect to Zan) sensitive to the expression of spatial deixis (e.g., *hither* vs. *thither*), which circumstance is not affected by the compatibility with distinct elevational adverbs (cf. Section 4.1 above):

- (4) G a. {*a-/a-mo-*}*vida* *zemat*
{PRV-/PRV-PRV:PROX-}X_{went} up(ward)
‘X {went/came} **up(ward)**’
- b. {*a-/a-mo-*}*vida* *mayla*
{PRV-/PRV-PRV:PROX-}X_{went} atop
‘X {went/came} **upstairs**’

In certain instances, Georgian *a-* functions both as a spatial and an aspectual operator (cf. Section 6.3):

- (5) G a. *dgeba*
 X_stands_up
 ‘X stands up’
- b. *a-dga*
 PRV-X_stood_up
 ‘X stood **up** (PFV)’

Compare with its semantic counterpart:

- (6) G a. *ždeba*
 X_sits_down
 ‘X sits down’
- b. *da-žda*
 PRV-X_sat_down
 ‘X sat **down** (PFV)’

The cited verbal roots, viz. *stand* and *sit*, while producing further lexical items through the recruitment of grams that are not originally associated with elevation, such as *c’a-mo* ‘hither away’ (cf. G *c’a-mo-vida* ‘X came **hither away**’), yield specific nuances of *standing up* and *sitting*:

- (7) G *c’a-mo-dga* (*zeze*)
 PRV-PRV:PROX-X_stood_up upright
 ‘X stood **up** (upright) (from a position either on one’s knees or on one’s all fours)’
- (8) G *c’a-mo-žda* (*zeze*)
 PRV-PRV:PROX-X_sat_up upright
 ‘X sat **up** (from a lying position)’

The examples below illustrate the actual use of these preverbed verbs:

- (9) G *muxl-eb-ma u-mt’q’una, sak’vale-ši ča-e-k’eca*
 knee-PL-ERG VAL:O-X_betrayed_Y drainpipe-ILL PRV-VAL:REL-X_fell
da žlivs c’a-mo-dga.
 and hardly PRV-PRV:PROX-X_stood
 ‘Her knees betrayed her, she fell down into the drainpipe (on her fours) and (later) managed with endeavour to stand up.’ [Egnat’e Ninošvili. “Our Treasury”, 1961]
- (10) G *bič’-i... i-c’va, mere ertbašad gada-i-xada saban-i,*
 boy-NOM VAL:S-Y_lay then suddenly PRV-VAL:S-X_took_off_Y blanket-NOM
sac’ol-ze c’a-mo-žda, grzel,
 bed-SUPERL PRV-PRV:PROX-X_sat long
daluržebul-daxok’il pex-eb-ze c’a-mo-i-marta.
 blued-scratched foot-PL-SUPERL PRV-PRV:PROX-X_stood_straight
 ‘The boy ⟨...⟩ lay, then he suddenly took off his blanket, sat **upright** on the bed, (and) stood up on his blued-scratched legs.’ [Irine Bakanize. “Bright, Bright You”, 1993]

Zan proves to distinguish diverse ways of vertical movement, see Section 5.2, such as step-by-step, e.g., up the slope or stairs, and upright, e.g., up the ladder:

- (11) M *ek’o-rtu gola-ša*
 PRV-X_went mountain-ALL
 ‘X went **up** the mountain’
- L *ek’o-xt’u day-iša*
 PRV-X_went mountain-ALL
 ‘idem’

- (12) M a. *eša-rtu cxvrin-ša*
 PRV-X_went attic-ALL
 ‘X went **up** to the attic’
- L b. (*g*)*eša-xt’u ocxone-ša*
 PRV-X_went attic-ALL
 ‘idem’

4.4.2. Verbs of position

Before we proceed to the verbs dealt with in our questionnaire (Section 5), we would like to briefly touch upon a typologically unusual phenomenon that is characteristic of Zan (on the system of the expression of spatial relations via preverbs in the Artašen variety of Laz, see [Kutscher 2003; 2011]). It involves expression of spatial semantics, including that related to elevation, i.e. upright posture or being upstairs, in verbs of position.

- (13) M a. *re(n)*
 X_is
 ‘X is’
- b. *ge-re(n)*
 PRV-X_is
 ‘X stands (**upright**)’
- (14) M a. *žanu(n)*
 X_lies
 ‘X lies’
- b. *cxvrin-s ama-žanu(n)*
 attic-DAT PRV-X_lies
 ‘X lies **upstairs** in the attic’
- (15) L a. *žans*
 X_lies
 ‘X lies’
- b. *otva-s gela-žans*
 roof-DAT PRV-X_lies
 ‘X lies **atop** on the roof’

In Megrelian (but not in Laz), verbs of position that attach complex spatial prefixes (see, e.g., [Reseck 2014; Rostovtsev-Popiel 2020: 553–556]) can also be sensitive to spatial deixis (e.g., *here* vs. *there*) and reflect this in the first syllable of the complex prefix. A front vowel, typically *i*, marks distal deixis, whereas a back vowel, typically *u*, marks proximal deixis:

- (16) M a. *gima-re(n)*
 PRV-X_is
 ‘X is/stands upstairs **there**’
- b. *guma-re(n)*
 PRV-X_is
 ‘X is/stands upstairs **here**’

Note that such preverbs occasionally attached to verbs of position in Old Georgian as well.

- (17) OG *ze-zis* *igi* *k'icu-s=a* *vir-s=a*.
 QPRV-X_sits DEM.DIST:NOM colt-DAT=DEF.ART donkey-DAT=DEF.ART
 ‘He sits **on** a donkey’s colt.’ (John 12.15)

However, with the formation of the present-day system of preverbs that marked the end of the Old Georgian period around the XIth century A. D. (cf. [Rostovtsev-Popiel 2012a: 305–307], and references therein), such instances disappeared from extant texts.

4.4.3. Double exponence

In explicit constructions featuring both the verb of motion and the goal, Georgian and Svan usually tend to encode both of them with the relevant marking, thus providing evidence for double exponence of dedicated spatial grams:

- (18) G *mta-ze* *a-vida*
 mountain-SUPERL PRV-X_went
 ‘X went **up on** the mountain’
- (19) S *lic-te-čü* *ču-a-čäd*
 water-ALL-INFRA PRV-PRV:DIST-X_went
 ‘X went **down into** the water’

In (18), there is a preverb *a-* on the verb that underscores upward movement, while the postposition *-ze* on the noun marks the goal as the *top of the mountain*. Likewise, (19) demonstrates the same strategy of double exponence: the preverb *ču-* contributes to the expression of downward motion, and the same looking postposition highlights coming in contact with the goal.

At the same time, certain conventionalized constructions do not require double exponence, thus expressing elevational semantics only by means of the lexical adverb:

- (20) G *mayla* *c'a-vida*
 atop PRV-X_went
 ‘X went **away upstairs**’⁷
- (21) S *leža:n* *a-čäd*
 upward PRV-X_went
 ‘X went **upward/uphill** (lit. went **away upward**)’

4.5. Superessive / superlative

Applicatives in Kartvelian⁸ feature several values, one of which is the so-called locative, or superessive/superlative applicative.⁹ To put it briefly, the locative applicative obligatorily marks the venue, either position of the state or goal of the action, which is usually represented as an indirect object of the clause, cross-referenced on the verb and marked by the dative case in the NP.

⁷ Note that the construction *mayla a-vida* ‘X went **upstairs**’ is also available. However, it has a different implication from that cited in (18). The one with the preverb *c'a-* ‘away’ reads as ‘X went away upstairs (, so don’t bother X)’, while the one with the preverb *a-* entails such additional readings as ‘X will do something important there’ or ‘X will come down soon’.

⁸ On the notion of applicative (also known as *version*) in Kartvelian, see [Boeder 1968; Mač’avariani 1980; Harris 1981: 87ff.; Hewitt 2004: 118ff.].

⁹ For more details, cf. [Tuite 2024].

The respective inventory found in Kartvelian features:

- CK **a-*
 G *a-*
 M *o-*
 L *o-*
 S *a-*

This marker is a valency operator that controls an obligatory dative argument which refers to an object having an upper side or surface on which the referent of either the subject of a monovalent verb or the direct object of a bivalent verb either resides (superessive) or lands/ is placed (superlative), respectively. This operator functions with verbs of both motion and position throughout the whole family. (In the elicited examples below, the dative argument is the *cow*, resp. G *zroxá*, s *pwir-*, whereas its *back*, resp. G *zurg-*, s *č'eč'är-*, is an adjunct and coded postpositionally.)

- (22) G a. *buz-i zroxá-s zurg-ze a-ždeba*.¹⁰
 fly-NOM cow-DAT back-SUPERL VAL:SUP-X_sits_down
 ‘The fly is sitting down **on** the cow’s back.’
 b. *buz-i zroxá-s zurg-ze da-a-žda*.
 fly-NOM cow-DAT back-SUPERL PRV-VAL:SUP-X_sat_down
 ‘The fly sat down **on** the cow’s back.’
- (23) G a. *buz-i zroxá-s zurg-ze a-zis*.
 fly-NOM cow-DAT back-SUPERESS VAL:SUP-X_sits
 ‘The fly is sitting **on** the cow’s back.’
 b. *buz-i zroxá-s zurg-ze e-žda*.
 fly-NOM cow-DAT back-SUPERESS VAL:REL¹¹-X_sat
 ‘The fly was sitting **on** the cow’s back.’
- (24) s a. *mer pwir-s č'eč'är-ži x-e-gni*.
 fly:NOM cow-DAT back-SUPERL IO3-VAL:REL-X_stands¹²_(DYN)
 ‘The fly is sitting down **on** the cow’s back.’
 b. *mer pwir-s č'eč'är-ži es-a-gan*.
 fly:NOM cow-DAT back-SUPERL PRV:DIST-VAL:SUP-X_stood_(DYN)
 ‘The fly sat down **on** the cow’s back.’
- (25) s a. *mer pwir-s č'eč'är-ži x-a-g*.
 fly:NOM cow-DAT back-SUPERESS PRV-VAL:SUP-X_stand_(STAT)
 ‘The fly is sitting **on** the cow’s back.’
 b. *mer pwir-s č'eč'är-ži x-a-gan*.
 fly:NOM cow-DAT back-SUPERESS PRV-VAL:SUP-X_stood_(STAT)
 ‘The fly was sitting **on** the cow’s back.’

¹⁰ Not to mix up with the preverb *a-* (cf. Section 4.4.1), cf. G *a-bams* ‘X hangs Y **on** Z’ vs. *a-a-bams* ‘X will hang Y **on** Z’.

¹¹ The VAL marker *e-* is a distinct prefix of the same slot, but in certain instances, such as this one featuring the VAL-prefixed past vs. VAL-prefixed present, it substitutes *a-*.

¹² For particular reasons of lexical compatibility, a *fly* in Svan *stands* on a surface, not *sits*.

The similar pattern is found in Hopa Laz, whereby the *cow*, HL *puži*, receives dative marking (-s), albeit the adjunct *back*, HL *k'ap'ula*, is coded by the genitive case (-š):

- (26) HL a. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-š žin n-o-xedun.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-GEN on_top IO3-VAL:SUP-X_sits_down
 'The fly is sitting down on the cow's back.'
- b. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-š žin n-o-xedu.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-GEN on_top IO3-VAL:SUP-X_sat_down
 'The fly sat down on the cow's back.'
- (27) HL a. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-š žin n-o-xen.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-GEN on_top IO3-VAL:SUP-X_sits
 'The fly is sitting on the cow's back.'
- b. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-š žin n-o-xet'u.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-GEN on_top IO3-VAL:SUP-X_sat
 'The fly was sitting on the cow's back.'

In Sarpi Laz and in Megrelian, both the *cow*, resp. SL *puži*, M *čxou*, and its *back*, resp. SL *k'ap'ula*, M *oč'iš-*, are coded by the dative case (-s), whereby it is the indirect object dative in the former instance and the locative dative¹³ in the latter:

- (28) SL a. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-s n-o-xedun.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-DAT IO3-VAL:SUP-X_sits_down
 'The fly is sitting down on the cow's back.'
- b. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-s n-o-xedu.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-DAT IO3-VAL:SUP-X_sat_down
 'The fly sat down on the cow's back.'
- (29) SL a. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-s n-o-xen.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-DAT IO3-VAL:SUP-X_sits
 'The fly is sitting on the cow's back.'
- b. *mč'až-i puž-i-s k'ap'ula-s n-o-xet'u.*
 fly-NOM COW-B-DAT back-DAT IO3-VAL:SUP-X_sat
 'The fly was sitting on the cow's back.'
- (30) M a. *č'and-i čxou-s oč'iš-i-s gi-tmi-o-doxodu(n).*
 fly-NOM COW-DAT back-B-DAT PRV-PROGR-VAL:SUP-X_sits_down
 'The fly is sitting down on the cow's back.'
- b. *č'and-i-k čxou-s oč'iš-i-s ki-gi-o-doxod(u).*
 fly-B-ERG COW-DAT back-B-DAT AFF-PRV-VAL:SUP-X_sat_down
 'The fly sat down on the cow's back.'
- (31) M a. *č'and-i čxou-s oč'iš-i-s gi-a-xe(n).*
 fly-NOM COW-DAT back-B-DAT PRV-VAL:REL-X_sits
 'The fly is sitting on the cow's back.'
- b. *č'and-i čxou-s oč'iš-i-s gi-a-xed(u).*
 fly-NOM COW-DAT back-B-DAT PRV-VAL:REL-X_sat
 'The fly was sitting on the cow's back.'

Finally, in Artašen Laz, there is no case-marking on the goal (due to the loss of core case markers such as dative -s, cf., e.g., [Harris 1985: 385–389; Kutscher 2001: 149–151]) and the

¹³ On the locative dative, see, e.g., [Rostovtsev-Popiel 2020: 542].

genitive marking on the possessee (*-iši*) persists. Nevertheless, the superessive prefix *o-* appears on the verb:

- (32) AL a. *k'amk'ul-i p'už-iši k'ap'ula n-o-xedun.*
 fly-NOM cow-GEN back IO3-VAL:SUP-X_sits_down
 'The fly is sitting down **on** the cow's back.'
- b. *k'amk'ul-i p'už-iši k'ap'ula ko-n-o-xedu.*
 fly-NOM cow-GEN back AFF-IO3-VAL:SUP-X_sat_down
 'The fly sat down **on** the cow's back.'
- (33) AL a. *k'amk'ul-i p'už-iši k'ap'ula n-o-xen.*
 fly-NOM cow-GEN back IO3-VAL:SUP-X_sits
 'The fly is sitting **on** the cow's back.'
- b. *k'amk'ul-i p'už-iši k'ap'ula ko-n-o-xertt'u.*
 fly-NOM cow-GEN back IO3-VAL:SUP-X_sat
 'The fly was sitting **on** the cow's back.'

5. Our study

In order to avoid the usage of exhaustive consistency- and context-deficient data often represented in grammatical descriptions, we compiled a questionnaire which dealt with diverse aspects of motion events related to elevation.

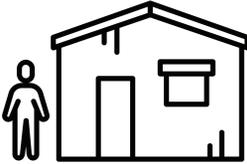
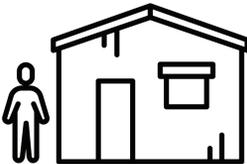
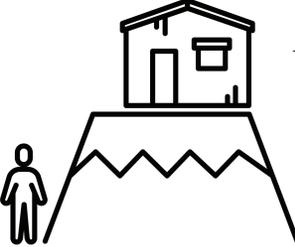
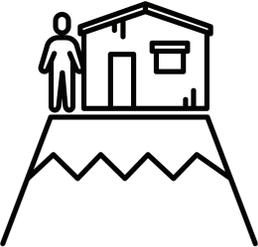
5.1. Questionnaire

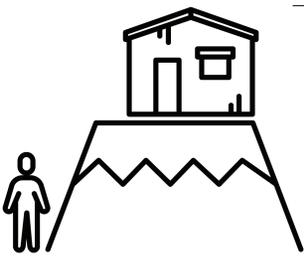
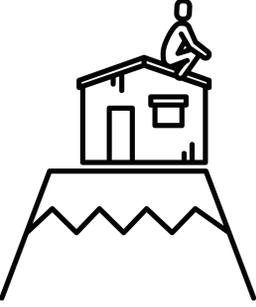
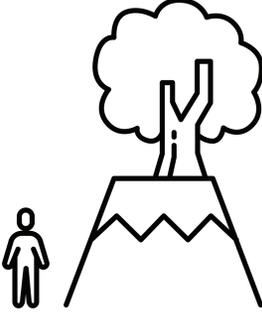
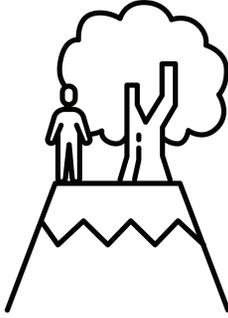
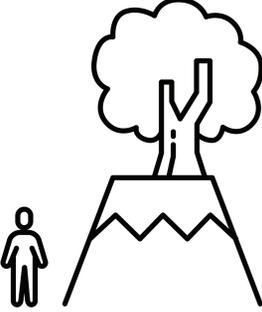
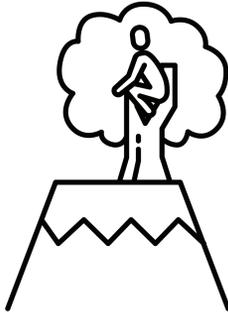
The questionnaire consisted of a number of picture stimuli. Table 1 specifies the exact events described. The pictures and respective actions were presented to the native speakers of Georgian, Megrelian, Laz, and Svan. The basic task for the native speakers was to describe the action that took place between the "initial state" and the "resulting state" represented in the table.

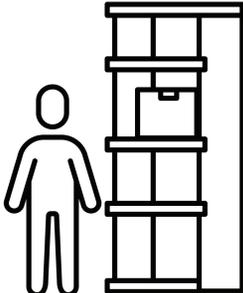
Table 1

Stimuli			
No.	Initial state	Resulting state	Legend
i		→ 	'X looked up at the sky.'

No.	Initial state	Resulting state	Legend
ii		→ 	'X moved their head up.'
iii		→ 	'X raised their hand.'
iv		→ 	'X lifted up their arm.'
v		→ 	'X extended their foot up.'
vi		→ 	'X extended their leg up.'

No.	Initial state	Resulting state	Legend
vii			'X climbed up the tree.'
viii			'X climbed the ladder to get onto the roof of the house.'
ix			'X hiked up to the top of the mountain.'
x			'X climbed up onto the roof of the house.'
xi			'X went up the mountain to get to the house.'

No.	Initial state	Resulting state	Legend
xii			'X went up the mountain in order to climb up onto the roof of house.'
xiii			'X went up the mountain to see the tree.'
xiv			'X climbed up into the tree on top of the mountain.'
xv			'X picked up the box.'

No.	Initial state	Resulting state	Legend
xvi		→ 	'X picked up the box and raised it above their head.'
xvii		→ 	'X picked up the box and put it onto the shelf.'

5.2. Remarkable findings

A number of contexts that we checked with our native speaker consultants proved to demonstrate crucial differences — in the domain of verbal prefix choice for the conceptualization of spatial events — between Georgian and Svan, on the one hand, and Megrelian and Laz, on the other. Furthermore, in certain instances, Megrelian stood out from the whole family in terms of the degree of detail it provides when it comes to the expression of spatial semantics.

5.2.1. Underscoring starting position

In contexts (iii) and (iv), Georgian, Svan, and Laz exhibited uniform encoding, that is, both events in each language were described by the same verb featuring the same prefix(es):

(34) G *a-s-c'ia*¹⁴
PRV-DO3-X_raised_Y

(35) S *ž-an-k'ače* (<žī-an-)
PRV-PRV:PROX-X_raised_Y

(36) L *j-o-nč'u* (<e-) // *ge-o-nč'u*
PRV-VAL:SUP-X_raised_Y

On the other hand, Megrelian turned out to encode contexts (iii) and (iv) diversely. For (iii), we found:

¹⁴ Here and henceforth we cite the third person singular of the aorist indicative.

- (37) M *ge-u-č'opu* // *e-u-k'inu*
 PRV-VAL:O-X_{lifted // raised}_Y

Context (iv) was rendered as follows:

- (38) M *at-u-č'opu* (< *a-to-*) // *eš-u-č'opu* (< *e-ša-*)
 PRV-VAL:O-X_lifted_Y

5.2.2. Underscoring posture

Similarly, in both contexts (v) and (vi), Georgian, Svan, and Laz appeared to use the same expressions:

- (39) G *a-s-c'ia*
 PRV-DO3-X_raised_Y
- (40) S *ž-an-k'ače* (< *ži-an-*)
 PRV-PRV:PROX-X_raised_Y
- (41) L *gj-o-nč'u* (< *ge-*)
 PRV-VAL:SUP-X_raised_Y

Megrelian, in its turn, demonstrated distinct treatments of (v) and (vi). For context (v), we received one response:

- (42) M *ge-u-k'inu*
 PRV-VAL:O-X_lifted_Y

Context (vi) was rendered in five distinct, but relatively synonymous, ways:

- (43) M *git-u-k'inu* (< *gi-to-*)
et-u-k'inu (< *e-to-*)
eš-u-k'inu (< *e-ša-*)
giš-u-k'inu (< *gi-ša-*)
geš-u-k'inu (< *ge-ša-*)
 PRV-VAL:O-X_raised_Y

Furthermore, once uncovering such abundance in this domain, we tested an additional context featuring lifting up one's leg from the lying position:

Table 2

		Additional Stimulus		
No.	Initial state	→	Resulting state	Legend
vi+		→		'X lifted up their leg.'

Surprisingly, Megrelian appeared to choose yet another preverb for this type of motion:

- (44) M *e-u-k'inu*
 PRV-VAL:O-X_lifted_Y

5.2.3. Underscoring trajectory type

In contexts (vii), (viii), and (ix), Georgian and Svan respondents chose the same verbs:

- (45) G *a-vida*
PRV-X_went
- (46) s *ž-a-čäd* (<ž*i-ad-*)
PRV-PRV:DIST-X_went

Note that the Georgian expression is deictically unmarked, whereas its Svan counterpart is (cf. preverb *-ad-*). Both therefore denote distal deictic values. Their proximal deictic counterparts are *a-mo-vida* and *ž-an-qäd* (<ž*i-an-*), respectively.

Conversely, both Laz and Megrelian proved to have a specific way of coding each of these three contexts. Thus, context (vii) was rendered as:

- (47) L *k-e-xt'u*¹⁵
AFF-PRV-X_went
- (48) M *eš-i:-lu* // *eš-e:-lu* (<*e-ša-*)
PRV-VAL:S-X_went

Context (viii) was distinctly worded by our consultants as:

- (49) L *je-xt'u* (<*ge-*)
PRV-X_went
- (50) M *geša-rtu*
PRV-X_went

For context (ix), the following renditions were provided:

- (51) L *eša-xt'u*
PRV-X_went
- (52) M a. *ko-ma-dirtu*
AFF-PRV-X_return
- b. *ek'i:-lu* (<*e-k'o-*)
PRV-VAL:S-X_went
- c. *gek'o-rtu*
PRV-X_went

5.2.4. Underscoring reference point

Contexts (xv) and (xvi) appeared to be diversely coded in all of the languages of the family. In Georgian and Svan, both contexts required the same prefix, whereby the verbal roots turned out to be distinct.

- (53) G *a-i-γo*
PRV-VAL:S-X_took_Y
- (54) G *a-s-c'ia*
PRV-DO3-X_raised_Y

¹⁵ On the nowadays non-spatial prefix *ko-* in Zan, see [de Jong 1989; Rostovtsev-Popiel 2012b; 2017b].

(55) s *ž-en-k'id* (< *ži-an-*)
 PRV-PRV:PROX-X_picked_Y

(56) s *ž-en-k'o:de* (< *ži-an-*)
 PRV-PRV:PROX-X_raised_Y

In Laz, on the contrary, the verbal root involved in the expression of both (xv) and (xvi) was the same, whereby the difference lay in the choice of the prefix:

(57) L *je-zdu* (< *ge-*)
 PRV-X_raised_Y

(58) L *ec'a-zdu*
 PRV-X_raised_Y

Finally, Megrelian demonstrated distinct roots and, to some extent, variation in prefixes:

(59) M *e-č'opu* // *ge-č'opu*
 PRV-X_picked_Y

(60) M *e-u-k'inu*
 PRV-VAL:O-X_lifted_Y

6. Semantic shifts and conventionalization of spatial grams

Over the history of the Kartvelian languages, which can be traced thanks to the uninterrupted literary tradition of Georgian that goes back to the Vth century A. D., the grams expressing spatial values have undergone diverse semantic shifts, thus yielding a number of conventionalizations. The grams expressing values of elevational semantics are here no exception. These conventionalizations include specific instances of lexicalization—either in compounds or via affixation,—blending with specific (verbal) roots, development of derivational affixes, and grammaticalization resulting in the semantic shift of postpositional functions.

6.1. Lexicalization

The usual word in Georgian for ‘the day after tomorrow’ is *zeg*, an expression of unclear origin but suspiciously containing the component *ze*, dialectal speech preserves other items as well. The first one involves the element *zevit* ‘up(ward) (see Section 4.1): *xval-zevit* ‘the day **after** tomorrow’, lit. ‘**above** tomorrow.’ The second one, viz. dialectal *dyei-ze* (from *dye* ‘day’), has the same meaning.

Svan features the blend of the basic wh-expression *im* ‘what’ with the spatial marker *ži* (cf. Section 4.2), which yields the expression *im-ži?* ‘how?’ that most probably has to be analyzed as purpose-oriented ‘what **for?** / [based] **on** what?’ (cf. Section 6.4).

Another pattern of lexical semantic shift can be illustrated by the Svan expressions *(le-)ž-a:b* ‘upward’ and *(le-)kw-a:b* ‘downward’:

(61) s *leža:n* *a-čäd*
 upward PRV:DIST-X_went
 ‘X went (toward the) **East** (lit. went away upward)’

(62) s *lekwa:n* *a-čäd*
 downward PRV:DIST-X_went
 ‘X went (toward the) **West** (lit. went away downward)’

As the above translations suggest, these items have acquired new specific meanings related to the expression of cardinal directions.¹⁶ (Note that the terms for the North and South in Svan are not diachronically connected with spatial grams.)

6.2. Blending with verbal roots

The locative applicative marker (cf. Section 4.5) can be traced back to the CK level. Already then, the marker in question demonstrated the potential to blend with certain verbal roots, thus yielding finite verbs, such as the copula *be*, and nouns often built by means of superessive prefixation (and sometimes either participial or locative suffixation). We shall begin with the latter, for the grammaticalization path of the former is somehow more complicated.

Throughout the family, we observe expressions featuring the superessive vowel in nouns, derived from (most often verbal) roots, which denote a specific locality the root's semantics is associated with [Fähnrich, Saržvelaže 2000: 73; Fähnrich 2007: 27]:¹⁷

- G *a-dg-il-i* 'place' (< *dg-/deg-* 'stand', *-il* PTC), *a-ban-o* 'bath' (< *ban-* 'bathe', *-o* LOC),
a-lag-i 'position' (< *lag-* 'place, arrange')
- M *o-bed-i* 'tinder, touchwood'
- S *a-q'b-a* 'jaw' (< *q'ab-* 'beard')

The verbal root *r-* 'be', according to the etymologists of Kartvelian [Klimov 1998: 153; Fähnrich, Saržvelaže 2000: 374; Fähnrich 2007: 336], attached the superessive applicative marker already at the CK level, which resulted in the blend that is now viewed as a whole, separately unanalyzable root **ar-* [Klimov 1998: 3]:

OG	<i>a-r-s</i>	[VAL:SUP-be-s3SG]	'X is (Y)'
G	<i>a-r-i-s</i>	[VAL:SUP-be-EV-s3SG]	'idem'
M	<i>o-r-e(n)</i>	[VAL:SUP-be-SM]	'idem'
L	<i>o-r-en</i>	[VAL:SUP-be-SM]	'idem'
S	<i>a-r-i</i> // <i>ä-r-i</i>	[VAL:SUP-be-SM]	'idem (temporary state)'

Consequently, a similar process could have been undergone by another verb, namely *x-* 'sit' in Zan, which, similarly to the copula, features the pre-radical vowel in finite forms only:

- M *o-x-e(n)* [VAL:SUP-sit-SM] 'X sits'
- L *o-x-en* [VAL:SUP-sit-SM] 'idem'

The copula expressions have developed a specific form of an enclitic as well, albeit, as it happened, from distinct morphological sources. Thus, the enclitic in Georgian is the copy of the originally applicative marker from what was left of the verb, whereby its Megrelian counterpart is a replica of the series marker that attaches to the copula; in Laz, the enclitic is a merger of the superessive from the anlaut and the series marker consonant auslaut:

¹⁶ Similarly, in Georgian, *ay-mo-* 'up(ward) hither' is found in *ay-mo-savlet-i* 'East', while *da-* 'down(ward) on surface' is found in *da-savlet-i* 'West', both expressions being old participial derivations of the verb with the meaning 'go'.

¹⁷ On the involvement of another pre-radical vowel, viz. the objective applicative marker, in the formation of comparatives in Georgian, resp. Kartvelian, see [Gippert 2000].

G	<i>k'arg-i</i> good-NOM	<i>aris</i> X_is	=	<i>k'arg-i=a</i> good-NOM=COP
	'X is good'			
M	<i>žgiri</i> good-NOM	(o)-r-e(n) X_is	=	<i>žgir-i=e</i> good-NOM=COP
	'idem'			
L	<i>k'ai</i> good-NOM	(o)-r-en X_is	=	<i>k'ai-on</i> good-NOM=COP
	'idem'			

6.3. Development of derivational grams

In Georgian, both *ze-* and *ay-*, alongside their PCs, viz. *kve-* and *da-*, respectively (see Sections 4.1, 4.4), prove to have developed into derivational grams with abstract semantics originally associated with height.

G	<i>ze-nič'ieri</i> 'super talented'	<	<i>nič'ieri</i> 'talented'
	<i>ze-c'armat'ebuli</i> 'super successful'	<	<i>c'armat'ebuli</i> 'successful'

The corresponding PCs are:

G	<i>kve-cnobiereba</i> 'subconsciousness'	<	<i>cnobiereba</i> 'consciousness'
	<i>kve-dargi</i> 'subfield'	<	<i>dargi</i> 'field'

The productivity of this derivational model, however, is not to be overestimated, whereby the number of items attaching both prefixes remains scarce (cf., e.g., *ze-mdgomi* 'superior' vs. *kve-mdgomi* 'subordinate').

The above examples with *ze-* illustrated the marking of a high degree of a scalar feature, whereby the gram also proves to be involved in the derivation of items lexically marked as expressing a meaning beyond (i.e. above) the domain of the source:

G	<i>ze-p'art'iuli</i> 'non-partisan' (lit. "above-")	<	<i>p'art'iuli</i> 'partisan'
---	---	---	------------------------------

The second diachronically eminent element, viz. *ay-*, along with its PC *da-* (see Section 3), appears to be less productive, once not a gram representing a verbal prefix on verbs *proper*, and can be detected in such expressions as *ay-marti* 'upward slope, ascent' (vs. *da-γ-marti*¹⁸ 'downward slope, descent') (< *marti* 'direct').

6.4. Semantic shift of postpositional functions

In their seminal "World Lexicon of Grammaticalization", Heine and Kuteva [2002/2004: 305–308] point at three major grammaticalization paths that the expression *up* takes cross-linguistically: these are (i) additive (numeral linker) (Kono, Romanian); (ii) comparative (Indo-European, Basque, Swahili); and (iii) concern (Sino-Tibetan, Abkhaz-Adyghean, Chukchee, Tamil, etc.). The latter two are also attested throughout Kartvelian. Apart from those,

¹⁸ The spirant γ in *da-γ-marti* is most likely the remains of *ay-* from *ay-marti* by analogy, due to the semantic bleaching of *ay-*, superseded by its recent counterpart *a-*.

a number of further functions have turned out to be identifiable in Kartvelian as well. Five of them were outlined by Žorbenaze et al. [1988: 174–175], and five additional ones will be discussed here.

These semantic developments undergone by the respective postpositions can roughly be classified as old semantic shifts and recent semantic shifts, the borderline being drawn somewhere in the Middle Georgian period (XII–XVIIth centuries A. D.). The primed examples are respective Svan parallels elicited from native speakers of Svan, as long as they have a native command of Georgian, too, and can provide adequate renditions of the respective Georgian sources. These prove either long-contact phenomena, or parallel developments, or, possibly, ancient traits traceable back to CK.

6.4.1. Old semantic shifts

The functions yielded by the relevant elevational postposition *-ze* in Georgian (alongside its etymological counterpart in Svan, viz. *-ži*) back in the past include (i) location and direction:

- (63) G *sk'am-ze zis.*
 chair-SUPERESS X_sits
 'X is sitting **on** the chair.'
- S *sk'äm-ži sgur.*
 chair-SUPERESS X_sits
 'idem'
- (64) G *sk'am-ze da-žda.*
 chair-SUPERL PRV-X_sat_down
 'X sat down **on** the chair.'
- S *sk'äm-ži es-sgu.rda.*
 chair-SUPERL X_sat_down
 'idem'

(ii) location in time:

- (65) G *dila-ze¹⁹ c'a-vida.*
 morning_SUPERESS PRV-X_went
 'X left **in** the morning.'
- (66) G *or saat-ze da-brunda.*
 two hour-SUPERESS PRV-X_returned
 'X returned **at** two "hours" o'clock.'
- S *je:ru sa:t-ži an-t'ax.*
 two hour-SUPERESS PRV:PROX-X_returned
 'idem'

¹⁹ Parallel with: *dila-s* [morning-DAT] and *dil-it* [morning-INS], with historically dative and instrumental case-marking, respectively. Some of our consultants expressed their views with respect to *dil}{a-s/-it/ a-ze}* *mogc'er* 'I'll text you (SG) **in** the morning' in the following way: the dative marking *-s* highlights the middle of the morning time, the instrumental marking *-it* draws attention to the very time of dawn, whereas the postpositional marking by means of *-ze* rather underscores the end of the morning time, thus taking us back to the lexicalization patterns mentioned in Section 6.1. Other native speakers claimed that they associated the expression *dila-ze* with the sphere of the future: *dila-ze = xval dil}{a-s/-it}* 'tomorrow morning.'

(iii) standard of comparison:

- (67) G *čem-ze axalgazrda=a.*
 1SG-SUPERESS young=COP
 ‘X is younger **than** me.’

(iv) purpose:

- (68) G *p'ur-ze ga-vida.*
 bread-SUPERL PRV-X_went
 ‘X went out **for** (resp. **to buy** some) bread.’

and (v) concern:

- (69) G *ra-ze pikrob?*
 what-SUPERESS you(SG)_think
 ‘What are you (SG) thinking **about**?’
- S *ime-ži xač'k'väri?*
 what-SUPERESS you(SG)_think
 ‘idem’
- (70) G *mot'an-is taoba-ze g-i-rek'avt.*
 delivery-GEN subject-SUPERESS IO2-VAL:O-I_call_you(SG)
 ‘I am calling you (HNR) **in connection with** the delivery.’
- S *liqde-ži ž-i-rek'ävi.*
 delivery-SUPERESS IO2-VAL:O-I_call_you(SG)
 ‘idem’

6.4.2. Recent semantic shifts

Relatively recent developments of postpositional functions include: (vi) superseding the function of *-ši* ‘in’ (and its etymological counterpart in Svan, viz. *-isga*):

- (71) G *saburtalo-ze v-cxovrob.*
 Saburtalo-SUPERESS s1-I_live
 ‘I live **in** (lit. “**on**”) Saburtalo.’²⁰
- S {*saburtalo-ži // saburtalo-s*} *xw-i-zge.*
 {Saburtalo-SUPERESS Saburtalo-DAT} s1-VAL:S-live
 ‘idem’

Here also belong such expressions attested in the Ažarian dialect of Georgian as *ag-ze* (< *ak* ‘here’ + SUPERESS *-ze*) and *ig-ze* (< *ik* ‘there’ + SUPERESS *-ze*) [Žorbenaze et al. 1988: 175] which represent clear instances of spatial reinforcement.

(vii) extension of spatio-temporal conceptualization (very likely, under Russian influence, cf. the use of the preposition *na* in *na lekcii* ‘at a lecture’, lit. “**on**”):

- (72) G *lekcia-ze v-i-q'avi.*
 lecture-SUPERESS s1-VAL:S-I_was
 ‘I was **at** a lecture.’

²⁰ Saburtalo is a district in the city of Tbilisi, the capital of Georgia; the expected expression would be *Saburtalo-ši* ‘in Saburtalo’.

S *lekcia-ži* *xw-ard.*
 lecture-SUPERESS s1-II_was
 ‘idem’

(viii) reason:

(73) G *ra-ze* *q'viri?*
 what-SUPERESS you(SG)_shout
 ‘Why (lit. “what **on**”) are you (SG) shouting?’

(ix) means (possibly a Russian influence as well, cf. the preposition *na* in *jazyk, na kotorom ja dumaju* ‘the language I think **in**’, lit. “**on**”):

(74) G *ena,* *romel-ze(da)=c* *v-pirkrob*
 language:NOM which-SUPERESS=REL s1-I_think
 ‘the language **in** (lit. “**on**”) which I think’

S *nin,* *xedvāj-ži* *xv-ač'k'vāri*
 language:NOM which-SUPERESS s1-I_think
 ‘idem’

(x) circumstantial recipient:

(75) G *es* *q'vel-i* *k'argad* *iq'ideba* *ucxoel-eb-ze.*
 DEM.PROX:NOM cheese-NOM well X_is_sold foreigner-PL-SUPERESS
 ‘This cheese sells well **to** foreigners.’

S *al* *ta:š* *xoč'a:md* *ihwdi* *ucxoel-a:r-ži.*
 DEM.PROX cheese:NOM well X_is_sold foreigner-PL-SUPERESS
 ‘idem’

(xi) adverbial reading:

(76) G *gabrazebul-ze* *nu* *u-rek'av.*
 angry-SUPERESS PRHB VAL:O-you(SG)_call
 ‘Don’t call X when {X is // you (SG) are} angry.’

S *laxrina-ži* *nom* *x-o-rsk'əne.*
 angry-SUPERESS PRHB IO3-VAL:O-you(SG)_call
 ‘idem’

6.5. Development of the perfectivizing function

Since the beginning of the Middle Georgian period in the XIIth century A. D., nearly all preverbs in Georgian have been attested as perfectivizers (for the literature on the issue, see [Rostovtsev-Popiel 2012a: 305–307]), including *a-* and *a-mo-*:

(77) G a. *bargdeba*
 X_packs_Y
 ‘X is preparing to depart’ (IPFV)

b. *a-bargdeba*
 PRV:PFV-X_packs_Y
 ‘X **will** prepare to depart’ (PFV)

- (78) G a. *k'reps*
 X_picks_Ys
 'X picks Ys (from a surface)' (IPFV)
- b. *a-mo-k'reps*
 PRV-PRV:PROX:PFV-X_picks_Ys
 'X **will** pick Ys (from a surface)' (PFV)

However, it is the preverb *a-* that has become very productive in the marking of the perfective aspect in inchoatives and has become their dedicated perfectivizer:

- (79) G a. *t'irdeba*
 X_begins_to_cry
 'X begins to cry' (IPFV)
- b. *a-t'irdeba*
 PRV:PFV-X_begins_to_cry
 'X **will** begin to cry' (PFV)
- (80) G a. *m'yerdeba*
 X_begins_to_sing
 'X begins to sing' (IPFV)
- b. *a-m'yerdeba*
 PRV:PFV-X_begins_to_sing
 'X **will** begin to sing' (PFV)

The PC of *a-*, viz. *da-*, on the contrary, has become a default perfectivizer that usually takes part in the derivation of perfectives from recently borrowed and accommodated verbs:

- (81) G a. *u-laikebs*
 VAL:O-X_likes_Y
 'X likes Y's Z (e.g., on social media)' (IPFV)
- b. *da-u-laikebs*
 PRV:PFV-VAL:O-X_likes_Y
 'X **will** like Y's Z (e.g., on social media)' (PFV)
- (82) G a. *g-tagav*
 DO2-tag
 'I tag you (SG) (e.g., on social media)' (IPFV)
- b. *da-g-tagav*
 PRV:PFV-DO2-tag
 'I **will** tag you (SG) (e.g., on social media)' (PFV)

In Megrelian and Laz, *a-*'s possible diachronic cognate *o-* appears as a dedicated neutral perfectivizer in a small group of verbs, cf. (83) and (84a)–(84b) in contrast to, e.g., (84c):

- (83) M a. *č'k'omuns*
 X_eats_Y
 'X eats Y' (IPFV)
- b. *o-č'k'omuns*
 PFV-X_eats_Y
 'X **will** eat Y' (PFV)

- (84) L a. *č'opums*
 X_catches_Y
 'X catches Y' (IPFV)
- b. *o-č'opums*
 PFV-X_catches_Y
 'X will catch Y' (PFV)
- c. *e-č'opums*
 PRV:PFV-X_catches_Y
 'X will pick Y up' (PFV)

While the distribution of aspectual functions of preverbs in Svan still awaits in-depth research, it has turned out that preverbs containing the component *ži-* 'up(ward)' operate as perfectivizers in inchoatives:

- (85) s a. *bepš igwa:ni.*
 child:NOM X_begins_to_cry
 'The child begins to cry.' (IPFV)
- b. *bepš ž-en-gwa:na:n.*
 child:NOM PRV-PRV:PROX:PFV-X_began_to_cry
 'The child began to cry.' (PFV)
- (86) s a. *ma:re liyra:l-s i-bne.*
 man:NOM singing-DAT VAL:S-X_begins_Y
 'The man begins to sing.' (IPFV)
- b. *ma:re ž-en-bria:la:n.*
 man:NOM PRV-PRV:PROX:PFV-X_began_to_sing
 'The man began to sing.' (PFV)

7. Conclusions

In this survey, we have shown that the grams related to elevation in Kartvelian, in terms of their paradigmaticity, prove to be highly integrated into subsets of expressions that spread across such domains of use as adjectives, adverbs, postpositions, and verbs. With few exceptions, the majority of the expressions in issue have paradigmatic counterparts within the respective domains.

Compared to its sisters, Zan demonstrates a typologically significant feature in a sense that it expresses elevational semantics not only in verbs of motion, but also in verbs of position. The grammatical means of this mechanism are verbal prefixes. These prove to be sensitive to spatial deixis.

Surprisingly, Zan and, in particular, Megrelian which is primarily spoken in the lowlands appears to demonstrate higher linguistic complexity in terms of expressing elevational semantics than, e.g., Georgian and especially Svan which is spoken in the highlands. In synchronic terms, the semantic domains of this complexity include detailed treatment of such parameters as posture, trajectory type, and starting and reference points of movement.

Further conventionalization of elevational grams, being constrained both by the number of languages it occurs in and the spheres of use, calls for further research. Nonetheless, we observe high degrees of context generalization and potential for further development.

In place of a post scriptum

It is well-known that Laz is the self-designation of the Laz people, *laz-* being the stem for human beings and *laz-ur-* for the rest of what belongs to Laz. At the same time, there is another term referring to Laz, viz. *č'an-*, and to their belongings, viz. *č'an-ur-*, attested already in Georgian medieval chronicles.

In Turkey and elsewhere outside of Georgia, the basic term being Laz, in the Georgian scholarly tradition the term *Č'an*²¹ has gained prominence, whereby both designations are most often viewed as synonyms. A question arises now what this matter has to do with the expression of elevational semantics in Kartvelian.

The fact is that these terms do not turn out to be entirely synonymous. The term “*Č'an*” represents an instance of an elevation-marked lexical item.

Despite living primarily along the seashore, traditional Laz communities are rather highland-er-like, as their settlements are usually located on the mountain slopes that stretch uphill almost directly from the shore of the Black Sea. With that borne in mind, some settlements have a lower ground, whereas some other a higher one. All Laz considering themselves “Laz,” the term “*Č'an*” is used among them to refer to those Laz who live on a higher ground than the speaker. That is, if there are three localities on the same slope, “*Č'an*” is going to be used to refer to a person living in the highest locality by the people living in two lower ones, while the dwellers of the lowest place (consequently, closest to the sea) would apply this term to those who live in two higher localities on the slope. For the rest of the usage, the term “Laz” is preferred.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — person markers	GZ — Georgian-Zan	PROGR — progressive
AFF — affirmative	HL — Hopa Laz	PROX — proximal
AL — Artašen Laz	HNR — honorific	PFV — perfective
ALL — allative	ILL — illative	PRV — preverb
ART — article	INFRAL — infralative	PTC — participle
B — base	INS — instrumental	REL — relative/relativizer
CK — Common Kartvelian	IO — indirect object	S — Svan; subject (marker)
COP — copula	IPFV — imperfective	SG — singular
DAT — dative	L — Laz	SL — Sarpi Laz
DEF — definite	LOC — locative	SM — series marker
DEM — demonstrative	M — Megrelian	SUP — superessive/superlative
DIST — distal	NOM — nominative	SUPERESS — superessive
DO — direct object	NP — noun phrase	SUPERL — superlative
EV — euphonic vowel	O — object (marker)	VAL — valency operator
ERG — ergative	OG — Old Georgian	X, Y, Z — participants of the
FACT — factitive	PC — paradigmatic counterpart	event
G — Georgian	PL — plural	Z — Zan
GEN — genitive	PRHB — prohibitive	

²¹ An unfortunate coincidence with the term *č'an-* in Georgian and Megrelian which means ‘half-castrated, impotent (e.g. stallion, bull, etc.)’ must not be viewed as decisive in the choice of self-designation, for the majority of Laz speak neither Georgian nor Megrelian. At the same time, we find in Georgia a number of surnames derived from this term, e.g. *Č'ania*, *Č'anaiia*, *Č'anišvili*, that refer to the Laz origin of their bearers.

REFERENCES

- Asatiani 1952/2015 — Asatiani I. *C'indebulebi zanur (megrul-č'anur) enaši* [Prepositions in the Zan (Megrelian-Č'an) language]. Tbilisi: Tbilisi Univ. Press, 2015 (first publ. 1952).
- Boeder 1968 — Boeder W. Über die Versionen des georgischen Verbs. *Folia Linguistica*, 1968, 2: 82–252.
- Boeder 2005 — Boeder W. The South Caucasian languages. *Lingua*, 2005, 115: 5–89.
- Carlson-Radvansky, Irwin 1993 — Carlson-Radvansky L. A., Irwin D. E. Frames of reference in vision and language: Where is above? *Cognition*, 1993, 46: 223–244.
- Deeters 1930 — Deeters G. *Das khartwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der süskaukasischen Sprachen*. Leipzig: Markert & Petters, 1930.
- Fähnrich 2007 — Fähnrich H. *Kartwelisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden; Boston: Brill, 2007.
- Fähnrich, Saržvelaže 2000 — Fähnrich H., Saržvelaže Z. *Kartvelur enata et'imologiuri leksik'oni* [Etymological dictionary of the Kartvelian languages]. Tbilisi: Pedagogical Univ. Press, 2000.
- Gabunia 1988 — Gabunia K'. *Sivrcul da droul mimartebata asxavis giritadi taviseburebani kartvelur enebši* [Major characteristics of the expression of spatial and temporal relations in Kartvelian]. Ph.D. diss. Tbilisi: Academy of Sciences Press, 1988.
- Gippert 2000 — Gippert J. The formation of comparatives in the history of Georgian. Part I: The prehistory of synthetic comparatives. *Enatmecnierebis sak'itxebi*, 2000, 1: 37–45.
- Harris 1981 — Harris A. *Georgian syntax. A study in relational grammar*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Harris 1985 — Harris A. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. Orlando: Academic Press, 1985.
- Harris (ed.) 1991 — Harris A. (ed.). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 1: *The Kartvelian languages*. Delmar; New York: Caravan Books; Orlando: Academic Press, 1991.
- Heine, Kuteva 2002/2004 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004 (first publ. in 2002).
- Hewitt 2004 — Hewitt G. *Introduction to the study of the languages of the Caucasus*. München: Lincom Europa, 2004.
- de Jong 1989 — de Jong T. A. The morphology of the pre-root elements in the Laz verb form, and the meaning of *ko-*. *Revue des études géorgiennes et caucasiennes*, 1989, 5: 79–105.
- Klimov 1998 — Klimov G. *Etymological dictionary of the Kartvelian languages*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998.
- Kobalava 2002 — Kobalava I. *ge- zmnisc'inis mnišvnelobisatvis megrulši* [On the semantics of the pre-verb *ge-* in Megrelian]. *Enatmecnierebis sak'itxebi*, 2002, 4: 166–174.
- Kutscher 2001 — Kutscher S. *Nomen und nominales Syntagma im Lasichen: Eine deskriptive Analyse des Dialekts von Ardeşen*. München: Lincom Europa, 2001.
- Kutscher 2003 — Kutscher S. Raumkonzeptionen im lasischen Verb: Das System der deiktischen und topologischen Präverbien. *Kaukasische Sprachprobleme. Caucasicca Oldenburgensia I*. Boeder W. (ed.). Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2003, 223–245.
- Kutscher 2011 — Kutscher S. On the expression of spatial relations in Ardeşen-Laz. *Linguistic Discovery*, 2011, 9(2): 49–77.
- Levinson 2003 — Levinson S. *Space in language and cognition. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Mač'avariani 1980 — Mač'avariani G. *Kcevis k'ategoriis sak'itxvisatvis* [On the question of the category of version]. *Iberul-k'avk'asiuri enatmecniereba*, 1980, 22: 39–66.
- Mart'irosovi 1953 — Mart'irosovi A. *Zmnisc'inebis šedgeniloba da mati p'irveladi punkciebi zvel kartulši* [The organisation of preverbs and their primary functions in Old Georgian]. *Iberul-k'avk'asiuri enatmecniereba*, 1953, 5: 77–96.
- Mart'irosovi 1956 — Mart'irosovi A. *C'indebulis da tandebulis ist'oriuli urtiertobisatvis kartulši* [On the historical relation between prepositions and postpositions in Georgian]. *Iberul-k'avk'asiuri enatmecniereba*, 1956, 8: 39–46.
- Reseck 2014 — Reseck T. *Präverbien im Megrelischen*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2014.
- Rostovtsev-Popiel 2012a — Rostovtsev-Popiel A. Stanovlenie kategorii aspekta v gruzinskom yazyke [The development of the category of aspect in Georgian]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 8(2): 290–310.
- Rostovtsev-Popiel 2012b — Rostovtsev-Popiel A. *Grammaticalized affirmativity in Kartvelian*. Ph.D. diss. Ms. Frankfurt: Frankfurt Univ., 2012.

- Rostovtsev-Popiel 2016 — Rostovtsev-Popiel A. Kartvelian preverbs in cross-linguistic perspective. *A talk presented at the VII International Symposium on Kartvelian Studies: Georgia in the context of European civilization. Oct., 17–22, 2016, Tbilisi.*
- Rostovtsev-Popiel 2017a — Rostovtsev-Popiel A. Review of Tamar Reseck. *Präverbien im Megrelischen*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer. *Georgica*, 2017, 37: 105–121.
- Rostovtsev-Popiel 2017b — Rostovtsev-Popiel A. Zan prefixation challenging the theory of grammaticalization. *Historical linguistics of the Caucasus: Book of abstracts*. Authier G., Gérardin H., Magomedov M., Maisak T. (eds.). Makhachkala: Russian Academy of Sciences Press, 2017, 178–182.
- Rostovtsev-Popiel 2020 — Rostovtsev-Popiel A. Megrelian. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 529–569.
- Testelets 2021 — Testelets Y. Kartvelian (South Caucasian) languages. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2021, 491–528.
- Svorou 1994 — Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Tuite 1998 — Tuite K. *Kartvelian morphosyntax. Number agreement and morphosyntactic orientation in the South Caucasian languages*. München: Lincom Europa, 1998.
- Tuite 2024 — Tuite K. Applicative constructions in Kartvelian. *Applicative constructions in the world's languages*. Zúñiga F., Creissels D. (eds.). Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2024, 913–942.
- Vašap'iže 1967 — Vašap'iže I. *Zmnisc'ini zvel kartul enaši* [The preverb in Old Georgian]. Tbilisi: Tbilisi Univ. Press, 1967.
- Žorbenaze et al. 1988 — Žorbenaze B., K'obaize M., Beriže M. *Kartuli enis morpemebisa da modaluri element'ebis leksik'oni* [Dictionary of the morphemes and modal elements of the Georgian language]. Tbilisi: Mecniereba, 1988.

Получено / received 21.01.2024

Принято / accepted 30.01.2024

Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки)

© 2024

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;

timur.maisak@gmail.com

Аннотация: В работе дается обзор грамматикализованных глагольных конструкций с континуативным значением ('все еще делать, продолжать делать'), отмечаемых в ряде языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, однако до сих пор не привлекавших должного внимания исследователей. Особенностью четырех лезгинских языков является наличие стативного глагола, описывающего продолжение существования или нахождения в определенном месте ('все еще быть, оставаться'), именно этот глагол выступает в качестве вспомогательного в континуативных конструкциях восточнолезгинских языков и рутульского; еще в одном языке (арчинском) аналитические континуативные формы включают специальное континуативное деепричастие, а вспомогательным глаголом является обычная связка. Далее обсуждаются результаты анализа употребления континуативных конструкций и других средств выражения континуативного значения в параллельных контекстах на материале переводов Евангелия от Луки (семь переводов на шесть лезгинских языков), а именно в 17 континуативных контекстах, выделенных в работах А. Б. Пановой (2021, 2023) по типологии континуатива. Показано, в каких из континуативных контекстов чаще всего использовались средства выражения континуатива (и какие именно из них), а также в каких языках эти средства использовались наиболее регулярно. В целом более чем в половине случаев континуативное значение не выражалось специальным образом и передавалось, как правило, имперфективными формами глагола (чаще всего деепричастными). Тем не менее, в восточнолезгинских языках и рутульском было отмечено использование специализированных средств — глаголов со значением 'все еще быть, оставаться' и континуативных конструкций, а также наречий; в цахурском и удинском языках, не обладающих грамматикализованными континуативными формами, было отмечено лишь использование наречий, причем в большем объеме, чем в языках с континуативными формами.

Ключевые слова: континуатив, лезгинские языки, нахско-дагестанские языки, Новый Завет, параллельные корпуса, фазовость

Благодарности: Выражаем искреннюю признательность А. Бабалиевой, М. А. Даниэлю, С. Р. Мердановой, А. Б. Пановой, Н. Р. Сумбатовой и М. Э. Чумакиной за обсуждение конкретно-языковых данных и типологии выражения континуатива, а также двум анонимным рецензентам за замечания к первому варианту статьи.

Для цитирования: Майсак Т. А. Континуативные конструкции в лезгинских языках и их употребление в параллельных контекстах (на материале переводов Евангелия от Луки). *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 60–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.60-98

Continuative constructions in the Lezgc languages and their use in parallel contexts (in the Gospel of Luke translations)

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia;
timur.maisak@gmail.com

Abstract: The paper presents an overview of grammaticalized constructions expressing the continuative meaning ‘still do, continue doing’, attested in a number of languages of the Lezgc branch (< Nakh-Daghestanian), although enjoying very little attention from researchers. A peculiarity of four Lezgc languages is the existence of a stative verb describing continuation of existence or staying in a certain place (‘still be, remain’). It is this verb that is found as an auxiliary in continuative constructions of East Lezgc languages and Rutul; in Archi, periphrastic continuative forms are based on dedicated continuative converbs, while the auxiliary is a simple copula. In addition, I discuss the use of continuative constructions, as well as other means of expressing the continuative meaning, in parallel contexts from the Gospel of Luke translations (seven translations into six Lezgc languages were taken into account). According to cross-linguistic studies of the continuative by Panova (2021, 2023), the continuative meaning is unambiguously present in 17 contexts in the Gospel of Luke. The present paper demonstrates in which of these contexts the means of expressing the continuative meaning were most frequently used and which particular means were employed, as well as which languages explicitly express the continuative meaning more often than others. On the whole, in more than a half of all cases the continuative meaning is not expressed by an explicit grammatical or lexical means other than imperfective verb forms. At the same time, the three East Lezgc languages, as well as Rutul, make use of stative verbs meaning ‘still be, remain’, both as a lexical verb and as an auxiliary, and also of adverbs. Tsakhur and Udi, which lack dedicated continuative constructions, only use adverbs in the respective contexts, the use of adverbs in these two languages being more frequent than in languages possessing continuative constructions.

Keywords: continuative, Lezgc, Nakh-Daghestanian, New Testament, parallel corpora, phase

For citation: Maisak T. A. Continuative constructions in the Lezgc languages and their use in parallel contexts (in the Gospel of Luke translations). *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 60–98.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.60-98

1. Введение

Категория ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ, или ФАЗОВОСТИ, характеризует «сам факт существования/несуществования описываемой ситуации по отношению к более раннему моменту времени» [Плунгян 2011: 420]. Название этой категории отражает тот факт, что ее значения описывают отношения между двумя упорядоченными во времени фазами, которые противопоставляются с точки зрения разных значений полярности: одна из ситуаций (или «фаз») имеет место, тогда как другая — нет (см. подробнее обсуждение в работах [van der Auwera 1993; 1998; van Vaar 1997; Plungian 1999; Kramer 2017] среди прочих). Таким образом, всего значений категории фазовости четыре, ср. *Машиа уже дома* (не была, а теперь есть), *Машиа больше не дома* (была, а теперь нет), *Машиа все еще дома* (и была, и продолжает быть), *Машиа еще не дома* (и не была, и продолжает отсутствовать). Далее в этой работе нас будет интересовать одно из фазовых значений, а именно КОНТИНУАТИВНОЕ (или КОНТИНУАТИВ), т. е. значение продолжения ситуации, утверждение о ее (непрерывном) существовании как в момент времени, о котором идет речь в данной клаузе, так и в более ранний момент времени.

Фазовые значения могут выражаться как лексическими (наречия, глаголы), так и грамматическими средствами (глагольные формы, специальные частицы), и в фокусе нашего рассмотрения будут именно последние. Обсуждая грамматическое выражение фазовости в системе глагола, В. А. Плунгян [2011: 421] отмечает, что «морфологический континуатив типичен для дагестанских языков (в частности, он имеется в лезгинском и в арчинском языках)». Действительно, особенностью ряда языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи является наличие специальных глагольных конструкций с континуативным значением ‘все еще делать, продолжать делать’. Предварительно использование таких конструкций показано в примерах (1) из лезгинского и (2) из рутульского языков; оба примера взяты из оригинальных текстов. В лезгинском континуативная форма на *-ma* исходно являлась аналитической конструкцией с вспомогательным глаголом *ama* ‘оставаться, все еще быть’; в рутульском представлена собственно аналитическая форма, состоящая из имперфективного деепричастия и формы настоящего времени вспомогательного глагола *maba* с тем же значением ‘оставаться, все еще быть’.

- (1) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ганиева (сост.) 2011: 65–66]¹

Гъа икI, къени кыфер Мастахъай кичIла зурзама.

ha i-k', q:e=ni q'if-er mast:an.a-q-aj

PTCL этот-MNR сегодня=ADD мышь-PL Мастан-POST-EL

kič'ela zurza-z-ma

от.страха дрожать-IPFV.CVB-CNT

‘До сих пор, говорят, при появлении Мастана мышь дрожат от страха (букв. «продолжают дрожать»)’.

- (2) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Дашлай, Дашлай 2021: 50]

Видж ихды джыбраа хьуIджувчIур, ехда хьуна гывгъаIре маба.

w-iž ix-di žibra: qu^h-ž-u(w)č'u-r;

3-сам мы-ATTR сзади PV-NEG-цепляться<3>.PFV-CVB

je-χda qu-na g-i(w)va^h-re ma(b)a

мы-POST POST.быть-CVB PV-ходить<3>.IPFV-CVB оставаться<3>.PRS

‘Но нет же, Рыжик по-прежнему не отходил от нас ни на шаг (букв. «за нами продолжает ходить»)’.

Первой задачей настоящей работы является обобщение представленных в литературе данных о специализированных континуативных формах лезгинских языков — насколько нам известно, ранее подобный обзор никогда не составлялся.

Всего в лезгинскую группу входят девять языков, внутри нее выделяются восточнолезгинская подгруппа (ее составляют лезгинский, агульский и табасаранский языки), западнолезгинская подгруппа (рутульский и цахурский языки) и южнолезгинская подгруппа (крызский и будухский языки), отдельные положение занимают арчинский и удинский языки, первыми выделившиеся из пралезгинского (о генеалогическом древе лезгинских языков см. [Алексеев 1985; Касьян 2014]). К лезгинской группе относится и кавказско-албанский, или агванский, язык, вымерший более тысячи лет назад, однако сохранившийся

¹ В оформлении примеров действуют следующие конвенции: сначала указывается язык и его вариант, а также источник примера; затем следует пример в оригинальной орфографии в соответствии с источником; далее идет стандартное «трехстрочное» представление с глоссированием, следующим Лейпцигским правилам, при этом перевод приводится по оригинальной публикации, при необходимости с уточнениями, раскрывающими языковую структуру оригинала.

К примерам из словарей, сборников текстов и библейских переводов, а также работы [Гайдаров и др. 2009], транскрипция и глоссы добавлены автором настоящей статьи. Транскрипция и глоссы примеров из ряда работ, в т. ч. [Мерданова 2004; Alekseev 1994; Babaliyeva 2013; Chumakina 2012], незначительно модифицированы с целью унификации.

в письменных памятниках, представляющих собой фрагменты переводов библейских книг (см. издание [Gippert et al. 2008], а также недавний обзор [Gippert 2023])².

Особенностью лезгинских языков, во многом обусловившей и развитие в них конструкций с континуативным значением, является наличие специального глагола со значением ‘оставаться’ или, скорее, ‘все еще быть’, учитывая, что данный глагол описывает именно продолжение существования или нахождения в определенном месте (и, в частности, не имеет форм с перфективным значением). Во всех четырех лезгинских языках, в которых подобный лексический глагол отмечается: агульском, лезгинском, табасаранском и рутульском, — он выступает и в роли вспомогательного глагола в континуативной конструкции. Однако для развития континуативных форм существования именно такого глагола не обязательно — так, в арчинском языке континуативные формы имеют другую структуру, а глагольного корня со значением ‘все еще быть’ не существует. Строго говоря, в языках других групп нахско-дагестанской семьи глагольные формы с континуативным значением также могут встречаться³, однако, насколько нам известно, только в лезгинской группе они отмечаются в большинстве языков (пять из девяти) и имеют, по всей видимости, когнатные между собой показатели (о чем см. обсуждение далее).

Второй задачей работы является анализ употребления средств выражения континуативного значения в параллельных контекстах, а именно в переводах Евангелия от Луки. Этот анализ дополняет обобщение данных из опубликованных грамматических описаний и позволяет проверить, во-первых, действительно ли специализированные континуативные формы используются в выделенных континуативных контекстах и, во-вторых, каким образом континуативное значение выражается (и выражается ли) в тех лезгинских языках, где специальной континуативной формы, по крайней мере согласно описаниям, не существует. Именно поэтому в этой части работы мы привлекали к рассмотрению не только «континуативный бытийный глагол» и соответствующую аналитическую форму, но и другие средства, а именно наречия типа ‘все еще’ и собственно лексический глагол со значением ‘продолжать’.

Использование параллельных корпусов в типологических исследованиях имеет уже длительную историю (ср. обзор [Cysouw, Wälchli 2007]) и представлено десятками работ по различным языковым явлениям. Наряду с переводами классических произведений мировой литературы, Библия играет в исследованиях на основе параллельных корпусов не последнюю роль, являясь самой переводимой книгой в истории. Так, на библейских переводах основаны типологические исследования семантики основных глаголов движения [Wälchli, Cysouw 2012], парных слов [Wälchli 2005], категорий перфекта и ямитива [Dahl, Wälchli 2016] и др.; ср. также недавний сборник [Хомченкова (ред.) 2023], представляющий результаты проекта по построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале переводов Нового Завета.

К сожалению, метод параллельных корпусов не так просто применить к языкам нахско-дагестанской семьи, многие из которых остаются бесписьменными или же используют письменность лишь ограниченно. Трудно назвать хотя бы несколько произведений мировой литературы, переведенных на значительное число языков этой семьи. Однако именно

² Кавказско-албанский может являться либо предком удинского языка, либо же языком «удинской подгруппы», ближайшим родственником которого был непосредственный предок удинского.

³ Так, в ицаринском даргинском описана серия континуативных аналитических форм, образуемых от деепричастий при помощи вспомогательного глагола *b-iğal* ‘оставаться, продолжать’ (с начальным классно-числовым показателем), см. [Sumbatova, Mutalov 2003: 113]. Неизвестно, насколько в языках даргинской группы подобные конструкции распространены. Так или иначе, даргинский глагол ‘оставаться’ используется и в конструкциях другого типа — например, в тантыньском даргинском аналитическая форма с вспомогательным глаголом *kalg-* ‘оставаться’ имеет значение косвенной засвидетельствованности [Сумбатова, Ландер 2014: 373–374], а континуативная конструкция отсутствует.

текст Библии является здесь исключением благодаря деятельности российского Института перевода Библии и родственных организаций: за последние 20–30 лет одна или несколько книг Библии были переведены на целый ряд нахско-дагестанских языков (причем в некоторых случаях такой перевод становился первым или же самым объемным произведением, опубликованным на данном языке). Наиболее часто переводимым из всех книг Библии оказалось Евангелие от Луки: оно, по нашим подсчетам, по состоянию на 2024 г. имеется в переводе на 12 языков семьи. Помимо доступности на наибольшем числе языков семьи, библейские переводы обладают важным достоинством. В отличие от переводов художественной литературы, над каждым из которых, как правило, трудится один переводчик, в процесс библейского перевода вовлечена целая группа переводчиков и редакторов, а сам перевод проходит ряд стадий проверки и апробации⁴. По словам М. Е. Алексеева [2011: 98], возможность использования библейских переводов для сравнительного анализа обеспечивается «тем, что переводчики (исключая, впрочем, синодальный перевод) ориентировались на передачу смысловой структуры оригинала, не копируя способы ее поверхностной реализации». Таким образом, в переводах Евангелия от Луки на лезгинские языки влияние языка-оригинала можно оценивать как незначительное.

Прецеденты использования библейских переводов на нахско-дагестанские языки для внутригенетических типологических — пусть и «микротипологических» — исследований уже имеются: так, ряд сопоставительных исследований на материале нахско-дагестанских языков, с одной стороны, и русского и некоторых европейских языков, с другой, рассмотрены в книге [Алексеев 2011: 98–144], а статья [Майсак 2021] содержит анализ переводов значения ‘сделать вид, что’ (а именно, стиха Лк. 24:28) в 15 переводах Евангелия от Луки.

Выбор Евангелия от Луки для сравнения переводов континуативных контекстов обусловлен также тем, что дистрибуция континуативных показателей в тексте данной книги обсуждается в работе [Панова 2023] (изначально, в более кратком виде, — в диссертации автора [Panova 2021: 27–29]). Задачей этого исследования было выделить в тексте Евангелия от Луки набор «наилучших» контекстов, передающих континуативное значение (а именно, контекстов, «удовлетворяющих условиям, необходимым для употребления континуативного показателя»). Эти контексты отбирались автором вручную в ходе чтения Евангелия от Луки на русском и английском языках. Каждая предикация была проанализирована с точки зрения того, присутствует ли в контексте информация о том, что соответствующая ситуация имела место и в какой-то предшествующий момент времени. Таким образом были найдены ситуации, соответствующие определению значения континуатива, — всего 17. В работе А. Б. Пановой также рассмотрены особенности употребления в континуативных контекстах конкретно-языковых континуативных показателей на материале типологической выборки: эта выборка включает 33 языка различных семей и ареалов; из числа нахско-дагестанских языков в ней представлен лезгинский.

Континуативные контексты, выделенные в работе [Панова 2023], приведены в таблице 1 вместе с двумя русскими переводами, Синодальным и современным переводом Российского библейского общества (далее РБО). Как легко заметить и как отмечает А. Б. Панова, среди 17 контекстов лишь в двух (в стихах 14:22 и 18:22) континуатив модифицирует предикат главного предложения, в остальных случаях континуативное значение выражено в составе зависимой адвербиальной клаузы. Укажем, что «контекст» не равен стиху библейского текста, а всегда меньше него: чаще всего контекст представляет собой клаузу (простую предикацию), но иногда он может задаваться, например, именной или предложной группой. В таблице собственно континуативный контекст в этом узком понимании выделен полужирным. Далее в случае цитирования контекста в основном тексте работы

⁴ О современных стандартах организации процедуры перевода Библии см., в частности, [де Вард, Найда 1998: 228–253], об особенностях библейского перевода на языки России см. [Алексеев 2011: 74–92].

будет приводиться номер главы и стиха (без сокращения «Лк.»), а также перевод соответствующего фрагмента по изданию РБО.

Дальнейшее изложение в статье построено следующим образом. В разделе 2 описываются наиболее грамматикализованные средства выражения континуативности, которые отмечены в пяти лезгинских языках, — это (как правило, аналитические) континуативные формы глагола. В разделе 3 мы кратко характеризуем основные лексические средства с континуативным значением — наречия со значением ‘(все) еще’, глаголы со значением ‘продолжаться’ и континуативные бытийные глаголы со значением ‘оставаться, все еще быть’. В разделе 4 рассмотрены континуативные контексты в переводах Евангелия от Луки (здесь мы обсуждаем, какие средства выражения были использованы в семи переводах (на шесть лезгинских языков) 17 континуативных контекстов, выделенных А. Б. Пановой. В разделе 5 содержится обобщение данных о том, в каких из континуативных контекстов чаще всего использовались средства выражения континуатива, а также в каких языках эти средства использовались наиболее регулярно. В кратком виде выводы представлены в Заключение.

Таблица 1

Континуативные контексты в Евангелии от Луки (по [Панова 2023])

Стих	Синодальный перевод	Перевод РБО
3:21	Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился : отверзлось небо,	После того, как омылся весь народ, Иисус тоже принял омовение. И когда Он молился , раскрылось небо
8:49	Когда Он ещё говорил это , приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя.	Иисус не успел договорить , как пришел человек из дома старейшины и сказал: — Умерла твоя дочь. Не утруждай больше Учителя.
9:34	Когда же он говорил это , явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако.	И он еще не успел договорить , как появилось облако и покрыло их своей тенью. Ученики, оказавшись в облаке, испугались.
9:42	Когда же тот ещё шёл , бес поверг его и стал бить; но Иисус запретил нечистому духу, и исцелил отрока, и отдал его отцу его.	Когда мальчик подходил , бес повалил его в припадке на землю. Но Иисус усмирил нечистого духа, исцелил мальчика и отдал его отцу.
9:43	И все удивлялись величию Божию. Когда же все дивились всему, что творил Иисус , Он сказал ученикам Своим:	И все поражались величию Бога. В то время как все дивились делам , которые делал Иисус, Он сказал ученикам:
12:58	Когда ты идёшь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привёл тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не верг тебя в темницу.	Ведь когда идешь с истцом в суд, лучше тебе приложить все старания, чтобы помириться с ним по дороге , иначе он отведет тебя к судье, а судья отдаст тюремщику, а тюремщик бросит в тюрьму.
14:22	И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и ещё есть место .	Слуга сказал ему: «Господин мой, твое приказание исполнено, но еще остались свободные места ».
14:32	Иначе, пока тот ещё далеко , он пошлёт к нему посольство просить о мире.	И если нет, то пошлет послов просить о мире, пока тот еще далеко .

Стих	Синодальный перевод	Перевод РБО
15:20	Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко , увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.	И он немедленно пошел к отцу. Он был еще далеко , когда отец увидел его, и ему стало жалко сына. Он побежал, бросился к сыну на шею и поцеловал его.
18:22	Услышав это, Иисус сказал ему: ещё одного недостаёт тебе : всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.	Иисус, услышав это, сказал: — Одного тебе не хватает . Все, что есть у тебя, продай и раздай бедным. Тогда богатство будет у тебя на небесах. А потом приходи и следуй за Мной.
19:33	Когда же они отвязывали молодого осла , хозяева его сказали им: зачем отвязываете ослёнка?	Когда они отвязывали осленка , его хозяева спросили их: «Вы почему отвязываете осленка?»
22:47	Когда Он ещё говорил это , появился народ, а впереди его шёл один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошёл к Иисусу, чтобы поцеловать Его.	И вот, когда Он это говорил , появилась толпа, и впереди шел тот, кого звали Иудой, один из двенадцати. Он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его.
22:60	Но Пётр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда ещё говорил он , запел петух.	— Послушай, я не знаю, о чем ты говоришь, — возразил Петр. И когда он это говорил , запел петух.
24:06	Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был ещё в Галилее ,	Его здесь нет, Он воскрес. Вспомните, что Он вам говорил, еще будучи в Галилее .
24:41	Когда же они от радости ещё не верили и дивились , Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища?	Они от радости никак не могли поверить и удивлялись . Тогда Он спросил их: — Есть у вас здесь какая-нибудь еда?
24:44	И сказал им: вот то, о чём Я вам говорил, ещё быв с вами , что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах.	Потом Иисус сказал им: — Вот что значат Мои слова, которые Я говорил вам, еще когда был с вами : все, что написано обо Мне в Законе Моисея, у Пророков и в Псалмах, должно исполниться.
24:51	И, когда благословлял их , стал удаляться от них и возноситься на небо.	И, благословляя , стал удаляться от них и возноситься на небо.

2. Континуативные формы глагола в лезгинских языках

Глагольные формы с континуативным значением упоминаются в грамматических описаниях пяти из девяти лезгинских языков: лезгинского, агульского, табасаранского, рутульского и арчинского. В большинстве случаев такие формы представляют собой аналитические конструкции с вспомогательным глаголом ‘оставаться’ (или восходят к такой конструкции)⁵.

⁵ Заметим, что путь развития из ‘оставаться’ в континуативный показатель типологически распространён: так, в «Лексиконе грамматикализации» отмечается путь REMAIN (‘to remain, to stay’) > DURATIVE (‘keep doing’) с примерами из таких языков, как немецкий (глагол *bleiben*), португальский (глагол *ficar*), турецкий (глагол *dur-*), и ряда других [Kuteva et al. 2019: 367–368]; лезгинский язык, упомянутый в «Лексиконе» несколько десятков раз, в данном словарном входе не фигурирует. Другими источниками континуатива (в терминах авторов, «дуратива»), по данным

2.1. Лезгинский язык

В лезгинском языке континуативные формы традиционно включаются в ядро глагольной парадигмы индикатива как минимум начиная с работ 1960-х гг., ср. [Талибов 1966: 580]. В грамматике [Гайдаров и др. 2009: 185] (раздел о системе глагола написан Б. Б. Талибовым) в составе форм настоящего времени выделяются настоящее простое на *-awa / -wa* и настоящее длительное на *-ama / -ma*. Первая форма образуется от деепричастия несовершенного вида⁶ на *-z* в сочетании с постпозитивным вспомогательным глаголом *awa* ‘быть, находиться’, ср. *fi-z* [идти-IPFV.CVB] > *fi-z-wa*. Вторая форма образуется от того же деепричастия в сочетании с вспомогательным глаголом *ama* ‘все еще быть, оставаться’, ср. *fi-z* [идти-IPFV.CVB] > *fi-z-ma*. Как отмечает автор описания, «настоящее и настоящее длительное время различаются только по модальности»: «форма настоящего времени выражает действие, происходящее в момент речи или совпадающее с моментом речи, а настоящее длительное — такое действие, которое началось и продолжается в момент речи» [Гайдаров и др. 2009: 184], при этом «на русский язык данное настоящее длительное можно переводить глаголом настоящего времени со словами *еще, все еще*» [Там же: 187–188]. Пример (3) показывает употребление формы настоящего длительного (ср. также (1) выше); об употреблении *ama* в качестве лексического глагола см. раздел 3.3.

(3) Лезгинский (литературный) [Гайдаров и др. 2009: 188]

Ада фу незма.

a.da fu ne-z-ma

топ(ERG) хлеб есть-IPFV.CVB-CNT

‘Он все еще ест’.

В системе прошедших времен выделяются две формы «прошедшего результативного», образуемые от деепричастия совершенного вида на *-na* при помощи тех же двух вспомогательных глаголов, ср. *fe-na* [идти-PFV.CVB] > *fe-n-wa* с глаголом *awa* и *fe-na-ma* с глаголом *ama* [Там же: 190]. Если первая форма имеет значение перфекта и результатива, то вторая «указывает на такое совершившееся действие или движение, результаты которого продолжают еще проявляться», ср. (4). С глаголами, которые в форме перфекта имеют результативное значение и описывают состояние в настоящем, форма на *-ma* указывает «на состояние, продолжающееся в течение продолжительного времени», ср. (5).

(4) Лезгинский (литературный) [Гайдаров и др. 2009: 190]

Машиндихь прицеп акалнама.

mašin.di-q p.ricep akal-na-ma

машина-POST прицеп привязывать-PFV.CVB-CNT

‘Прицеп еще прицеплен к машине’.

«Лексикона», являются единицы со значением GO ‘идти’, IN ‘в, внутри’, KEEP ‘сохранять’, LIE ‘лежать’, SIT ‘сидеть’, STAND ‘стоять’.

⁶ В традиционных описаниях лезгинского языка форма на *-z*, как правило, называется «целевой формой», поскольку она совмещает функции инфинитива (употребляясь в том числе в целевых зависимых) и деепричастия несовершенного вида (употребляясь в обстоятельственных клаузах одновременности или образа действия, а также образуя аналитические формы с имперфективным значением). Учитывая значение, вносимое данной формой в аналитические конструкции, мы используем применительно к ней ярлык «деепричастие несовершенного вида» (или имперфективное деепричастие).

- (5) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гайдаров и др. 2009: 190]

Буба ксанама (ацукьнама).

buba ksa-na-ma / ac:iq'-na-ma

отец засыпать-PFV.CVB-CNT садиться-PFV.CVB-CNT

‘Отец еще спит / еще сидит’.

Во всех указанных выше формах вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени. В случае использования формы прошедшего времени вспомогательного глагола, соответственно *awa-j* или *ama-j*, временная референция ситуации переносится в план прошедшего или предпрошедшего. Так, аналог презенса на *-z-wa* в прошедшем времени выступает в роли имперфекта, перфект на *-n-wa* в прошедшем времени функционирует как плюсквамперфект, обе континуативные формы также имеют значение прошедшего времени с сохранением своего базового аспектуально-фазового значения, ср. континуативный результатив в (6).

- (6) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гайдаров и др. 2009: 196]

Буба кIвалахал фидайла, чун ксанмай.

buba k'walaχ.a-l fi-da-j-la, čun ksa-n-ma-j

отец работа-SUPER идти-НАВ-ПТСР-ТЕМП мы засыпать-PFV.CVB-CNT-ПСТ

‘Когда отец собирался на работу, мы еще спали’.

Описание М. Хаспельмата эксплицитно характеризует формы, образуемые при помощи *ama*, как континуативные, в парадигму глагола включается континуативный имперфектив (Continuative Imperfective) на *-zma* и континуативный перфект (Continuative Perfect) на *-nma*, а также их эквиваленты в прошедшем времени [Haspelmath 1993: 127, 130–131]. Указывая, что континуативные формы содержат семантический элемент ‘все еще’ (‘still’), автор также отмечает, что иногда предложения с данными формами могут дополнительно содержать наречия со значением ‘все еще’ *hele*, *helelig* или *gilani* (< *gila=ni* ‘сейчас=ADD’) [Ibid.: 145, 210]. Об этих и аналогичных наречиях лезгинских языков см. далее раздел 3.1.

Отметим, что, будучи исторически аналитическими, континуативные формы лезгинского языка (так же, как и формы с глаголом *awa* ‘быть, находиться’) в настоящее время морфологизовались и могут рассматриваться как синтетические. Начальное *a-* обоих вспомогательных глаголов регулярно опускается в позициях, требующих синкопирования гласного в многосложных словах, на письме вспомогательный глагол всегда пишется слитно с лексическим⁷.

В диалектах лезгинского языка континуативные формы образуются аналогично и имеют значения, соответствующие описанным для литературного языка, ср. данные по джабинскому диалекту в [Ганиева 2007: 120–125], курушскому говору в [Ганиева 2008: 122–126], мазинскому и гутумскому диалектам в [Ганиева 2011: 115–119, 280–283], яргунскому говору кубинского наречия в [Babaliyeva 2007: 74]. Небольшие различия наблюдаются лишь в правилах синкопирования начального гласного вспомогательного глагола, см. также [Мейланова 1964: 65].

2.2. Табасаранский язык

В табасаранском языке основными вспомогательными глаголами являются связка *wi* и локативный глагол *a* ‘быть, находиться’. Так, от деепричастия несовершенного вида

⁷ В [Гайдаров и др. 2009: 325] указывается на то, что «редкие, ставшие архаическими примеры» раздельного написания смыслового и вспомогательного глагола можно обнаружить в произведениях лезгинского поэта Етима Эмина и в литературе 1930–40-х гг., однако «такие случаи очень редки» и «нормой литературного языка» стало слитное написание с опущением начальной гласной вспомогательного глагола.

на *-ri* в сочетании с постпозитивным вспомогательным глаголом ‘быть, находиться’ настоящего времени образуется аналитическая форма презенса, ср. *lixu-ri a* [работать.PFV-CVB IN.быть.PRS] ‘работает’. Глагол ‘оставаться’ в настоящем времени имеет форму *imi* (в южном диалекте и литературном варианте) либо *ami* (в северном диалекте). Далее эти две формы мы рассматриваем как эквивалентные.

В грамматических описаниях табасаранского языка, опубликованных в XX в. (ср. [Жирков 1948; Магомедов 1965; Услар 1979]⁸), континуативные конструкции с глаголом *imi/ami* не отмечаются. В кратком очерке [Курбанов 2001: 446] и грамматике [Загиров и др. 2014: 258] (раздел о системе глагола написан К. К. Курбановым) упоминается, что параллельно с основной формой презенса в современном табасаранском языке «изредка» употребляется также «настоящая остаточная» форма, ср. *lixuri a* ‘работает’ (презент), но *lixuri ami* ‘все еще работает’.

В качестве серии аналитических форм континуативный презент, имперфект, перфект и плюсквамперфект рассмотрены в работах А. Бабалиевой [Babaliyeva 2013; 2023]: первые две формы образованы от имперфективного деепричастия на *-ri* (7)–(8), две другие — от перфективного деепричастия на *-ni*. Соответственно, в континуативном презенте и перфекте вспомогательный глагол имеет форму настоящего времени, в континуативном имперфекте и плюсквамперфекте — форму прошедшего времени.

- (7) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 191]
hamus=ra dumu žak'w gak'wlar — t'ul-ar.i-в
 сейчас=ADD этот воробей дерево.PL ветка-PL-INTER
li(b)c-uri imi
 ходить<N>-IPFV.CVB IN.оставаться.PRS

‘И сейчас этот воробей продолжает рыться в сухих ветках’ (“Et même maintenant, ce moineau continue de fouiller dans les branchages secs”).

- (8) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 192]
Šahib=na Širin milicija.ji-n hajat.di-? ulx-uri imi-ji
 Шахиб=и Ширин милиция-GEN двор-IN разговаривать-IPFV.CVB IN.оставаться-PST
 ‘Шахиб и Ширин все еще спорили во дворе милиции’ (“Chahib et Chirin se disputaient toujours dans la cour de la police”).

Как и в лезгинском языке, континуативный перфект используется в результативном значении, ср. пример (9), аналогичный лезгинскому (5) и описывающий пребывание в состоянии сна в момент речи.

- (9) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Babaliyeva 2013: 190]
dumu da-?ax-nu imi
 этот PFV-sleep-PFV.CVB IN.оставаться.PRS
 ‘Он все еще спит’ (“Il dort toujours”).

2.3. Агульский язык

Как и в табасаранском языке, в агульской видо-временной системе индикатива основная роль принадлежит аналитическим по происхождению формам, в которых вспомогательными глаголами являются связка *i* (по диалектам, *e/ wi*) либо бытийный глагол *a* ‘быть,

⁸ Грамматика П. К. Услара была написана в первой половине 1870-х гг., однако ее рукопись долгое время считалась утерянной, поэтому подготовлена к печати и издана она была лишь 100 лет спустя.

находиться внутри'. Так, от имперфективного деепричастия при помощи связки образуется форма хабитуалиса настоящего времени (ср. *aq'aje* 'обычно делает' < *aq'aj e* 'делая есть'), а при помощи бытийного глагола — основная форма презенса (ср. *aq'aja* 'делает' < *aq'aj a* 'делая находится'). От перфективного деепричастия при помощи связки образуется форма аориста, или перфективного прошедшего (это наиболее сильно морфологизованная из исходно аналитических форм, ср. *aq'une* 'сделал' < **aq'una e* 'сделав есть'), а при помощи бытийного глагола — форма перфекта (ср. *aq'unaa* 'уже сделал' < *aq'una a* 'сделав находится'). От инфинитива при помощи связки образуется будущее время, ср. *aq'ase* 'сделает' < *aq'as e* 'сделать есть' (примеры даны из хпюкского диалекта, по описанию [Мерданова 2004]).

В ранних грамматиках агульского языка, таких как [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магомедов 1970], а также в более поздних описаниях [Тарланов 1994; 2013] формы с континуативным значением не отмечаются. Однако в диалектологическом обзоре Н. Д. Сулейманова в качестве одного из вспомогательных глаголов упоминается *ame* (по диалектам, *ati / atija*) 'оставаться' и две образуемые с его помощью аналитические формы. От имперфективного деепричастия образуется «настоящее продолжающееся время», которое «указывает на действие, которое проходило в прошлом, но продолжается и в настоящее время» (ср. *daɗa maɗtaɓiɓ kar aɾkɔɓaj ame* 'отец продолжает работать в школе'), от инфинитива — «будущее время, которое указывает, что действие протекало в прошлом и продолжится в будущем» (ср. *zun kiɗaɓ xuɾas ame* 'я буду продолжать читать книгу') [Сулейманов 1993: 147, 189].

Более подробное описание представлено на материале хпюкского говора в работе С. Р. Мердановой [2004: 115, 121–122, 182], где конструкции с глаголом *amea* 'оставаться' названы континуативными. Сочетание имперфективного деепричастия с вспомогательным глаголом настоящего времени обозначает продолжение ситуации в момент наблюдения в настоящем (10); если вспомогательный глагол имеет форму прошедшего времени, речь идет о продолжении в момент наблюдения в прошлом (11).

- (10) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 115]

dad.a k:azit ruɣa-j ame-a
отец(ERG) газета читать.IPFV-CVB IN.оставаться-PRS
'Отец все еще читает газету'.

- (11) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 115]

zun qaɟ.i-guna=ra, (a)luɥ.a-j am-ij ge-wur
я возвращаться.PFV-TEMP=ADD ругаться.IPFV-CVB IN.оставаться-PST TOT-PL
'Даже когда я пришла, они все еще ругались'.

Семантика «будущего континуативного», а именно сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом 'оставаться', менее однозначна: эта форма указывает на «действие, которое, возможно, уже осуществляется в момент речи (или было осуществлено до него) и которое еще предстоит осуществлять в будущем» (12), при этом в некоторых случаях акцент делается скорее на неосуществлении ситуации в прошлом (13) [Там же: 121]. Эта конструкция не полностью грамматикализована в качестве аналитической формы глагола, поскольку падежное кодирование субъекта может определяться не смысловым глаголом, а глаголом 'оставаться' (в последнем случае субъект кодируется дативом: 'ему остается сделать') [Там же: 122].

- (12) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 121]

zun waɾɣa-s ame-a.
я спать.IPFV-INF IN.оставаться-PRS

{A.: Сколько же ты уже спишь! B.:} 'Я еще [и дальше] буду спать' (≈ 'Мне еще спать и спать!').

- (13) Агульский (хпюкский) [Мерданова 2004: 122]

hal=la qu-ŕ^{na}-s ame-a.
сейчас=ADD RE-идти.IPFV-INF IN.оставаться-PRS
‘[Он] все еще не приехал’.

Сочетание вспомогательного глагола ‘оставаться’ с перфективным деепричастием в качестве грамматикализованной аналитической формы Н. Д. Сулеймановым и С. Р. Мердановой не рассматривается. Тем не менее, в текстах можно встретить сочетания с такой структурой, имеющие значение продолжения результирующего состояния: так, в примере (14) из хпюкского диалекта описывается продолжение состояния ‘быть закрытым’.

- (14) Агульский (хпюкский; корпус текстов)

rak:-ar=ra qik'.i-na ame-a,
дверь-PL=ADD запирать.PFV-CVB IN.оставаться-PRS
sa kas=ra a-dawa.
один человек=ADD IN.быть-PRS.NEG
{Он вышел на балкон и посмотрел:} ‘и ворота по-прежнему закрыты, никого нет’.

Все три сочетания — с двумя деепричастиями и инфинитивом — в качестве серии форм продолжающегося действия или, в терминологии автора, «остаточностного» наклонения выделяются в работе [Рамазанов 2014: 236–238] (строго говоря, не являющейся научным описанием агульского языка). Ср. приводимые автором примеры с имперфективным деепричастием *gedaii хурай аме* ‘мальчик (сын, юноша) продолжает учиться’ (букв. «читая остается»), с перфективным деепричастием *хуруна аме* ‘только что прочитав, проучившись остается’ (букв. «прочитав остается»), с инфинитивом *gedaii хурас аме* ‘мальчику (сыну) читать, учиться (дочитать, доучиться) еще осталось’ (букв. «читать остается») [Там же: 270, 289].

Таким образом, особенностью агульского по сравнению с лезгинским и табасаранским является наличие конструкции третьего типа с вспомогательным глаголом ‘оставаться’ — не только с двумя деепричастиями, но и с инфинитивом. При этом наиболее грамматикализованной формой является континуатив с имперфективным деепричастием, выражающий продолжение процесса, синхронного моменту наблюдения.

2.4. Рутульский и цахурский языки

Видо-временная система индикатива рутульского языка в целом устроена сходно с восточнолезгинскими видо-временными системами. Так, основными вспомогательными глаголами также являются связка *i* или ее более полный вариант *ji?i* (с начальным показателем классно-числового согласования), а также стативный глагол *a / ?a* ‘быть, находиться’. Основные формы индикатива являются по происхождению аналитическими и образованы от перфективного и имперфективного деепричастий и инфинитива. Аорист имеет структуру «перфективное деепричастие + связка настоящего времени», ср. *kixir-i* ‘написал’; основной презенс имеет структуру «имперфективное деепричастие + глагол ‘быть, находиться’ в настоящем времени», ср. *kirxere ?a* ‘пишет’; футурум имеет структуру «инфинитив + связка настоящего времени», ср. *kixis-i* ‘напишет’ и т. п. (примеры из мухадского диалекта, по [Махмудова 2001]).

В наиболее полных на сегодня грамматических описаниях рутульского языка, таких как [Дирр 1912; Ибрагимов 1978; 2004; Alekseev 1994; Махмудова 2001], конструкции с континуативным значением не отмечаются. По нашим данным, однако, во всех рутульских диалектах имеется по крайней мере континуативная аналитическая форма с имперфективным

деепричастием и стативным глаголом *ma<ɖa* (с инфиксальным классно-числовым показателем)⁹. Для кининского диалекта (15) эта конструкция кратко описана в [Maisak 2020: 25], однако примеры ее употребления встречаются, хотя и без соответствующего описания, в других диалектах, ср. пример (16) из очерка лучекского диалекта, близкого кининскому.

- (15) Рутульский (кининский) [Maisak 2020: 25]

χinɣ-i-s *ubl-ešij-la* *gič'e-ra* *ma<ɖa*
 ребенок-OBL-DAT волк-OBL.PL(SUPER)-EL бояться.IPFV-CVB оставаться<1>.PRS
 ‘Ребенок все еще боится волков’ (“The child is still afraid of wolves”).

- (16) Рутульский (лучекский) [Alekseev 1994: 251]

ha-d *ža-r-arga-r* *ma<ɖa*
 тот-ATTR NEG-2-разговаривать.IPFV-CVB оставаться<2>.PRS
 ‘Она по-прежнему не разговаривает’ (“She continues not to speak”).

По данным кининского говора, перфективное деепричастие и инфинитив в сочетании с глаголом ‘оставаться’ не образуют аналитических форм: в обоих сочетаниях оба компонента интерпретируются как лексические вершины в полипредикативной конструкции (‘остается здесь, сделав’ или ‘остается здесь, чтобы сделать’). Тем не менее, как и в восточнолезгинских языках, в рутульском мы находим примеры сочетания вспомогательного глагола с перфективным деепричастием, имеющие результативное значение и описывающие состояние в настоящем, ср. (17) из словаря литературного рутульского, в основу которого положен мухадский диалект.

- (17) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 306]

хыных сахыр мара
χiniɣ *saxi-r* *ma<ɖa*
 ребёнок 1.спать.PFV-CVB оставаться<1>.PRS
 ‘ребёнок ещё спит’

Что касается цахурского языка, который входит с рутульским в одну подгруппу, то его видо-временная система устроена существенно иначе и отличается как от рутульской, так и от систем других лезгинских языков. Континуативная конструкция в цахурском не засвидетельствована, как и когнат глагола ‘оставаться’ с *mV*-образным корнем (по данным грамматических описаний [Ибрагимов 1990; Кибрик, Тестелец 1999] и словаря [Ибрагимов, Нурмамедов 2010]).

2.5. Крызский и будухский языки

В близкородственных крызском и будухском языках ни когнат глагола ‘оставаться’ с *mV*-образным корнем, ни какая-либо специализированная конструкция с континуативным значением не засвидетельствованы (по данным крызской грамматики [Authier 2009] и словаря [Hümmətov, Rind-Pawłowski 2020], будухской грамматики [Талибов 2007] и словаря [Мейланова 1984]).

⁹ Существование конструкции «имперфективное деепричастие + глагол ‘оставаться’ в настоящем времени» со значением ‘продолжает делать’ было подтверждено в 2022 г. в ходе диалектологического исследования, охватившего 12 рутульских сел Рутульского и Ахтынского районов Дагестана (данные собраны студенткой НИУ ВШЭ А. Д. Ивановой и автором настоящей статьи).

2.6. Арчинский язык

Общая структура глагольной парадигмы индикатива арчинского языка напоминает структуру парадигмы восточнолезгинских языков: за исключением нескольких синтетических форм, ее ядро составляют аналитические формы. Вместе с тем, противопоставление связки и стативного глагола со значением ‘быть, находиться’ в арчинском отсутствует, так что все основные аналитические формы образуются при помощи связки *i* (с начальным классно-числовым показателем). Так, основной презенс представляет собой сочетание имперфективного деепричастия и связки (ср. *arɣar-ši i* ‘ложится’), основной перфект представляет собой сочетание перфективного деепричастия и связки (ср. *aɣu-li i* ‘лег, лежит’), проспектив, или «инцептив», представляет собой сочетание футурального деепричастия и связки (ср. *aɣuqi-ši i* ‘собирается лечь’) и т. п.; подробнее об устройстве арчинской глагольной парадигмы см. [Кибрик 1977а: 83–87; Chumakina 2012]. Использование связки прошедшего времени переносит временную референцию соответствующих форм в план прошлого.

Континуативные формы арчинского языка выделяются в фундаментальной грамматике А. Е. Кибрика и др. [1977а] и последующих описаниях, хотя в более ранних работах (в частности, [Дирр 1908; Микаилов 1967]) о них не говорится. Система континуативных форм и их значения в арчинском таковы же, как и, например, в лезгинском языке, однако их структура принципиально отличается. Дело в том, что за континуативный компонент в арчинском отвечает не особый «континуативный» вспомогательный глагол ‘все еще быть’, как в восточнолезгинских языках и в рутульском, а континуативные деепричастия, от которых при помощи связки образуются аналитические формы. Континуативных (в терминах А. Е. Кибрика, «континуальных») деепричастий два, они производны от перфективной и имперфективной основ при помощи суффикса *-mat*. Имперфективное континуативное деепричастие обозначает второстепенную ситуацию, продолжающуюся в момент осуществления главной, ср. *ba:ʼbur-mat* ‘продолжая разговаривать’. Перфективное же континуативное деепричастие обозначает второстепенную ситуацию, имевшую место ранее, однако результат которой продолжает иметь место в момент осуществления главной, ср. *qʼowdi-mat* ‘продолжая сидеть’ (т. е. продолжая находиться в состоянии ‘быть севшим’), см. [Кибрик 1977а: 258–260].

От каждого из двух континуативных деепричастий образуются континуативные аналитические формы со связкой настоящего или прошедшего времени. Форма, образуемая от имперфективного деепричастия в сочетании со связкой настоящего времени, означает ‘V началось до момента речи и продолжается в момент речи’ [Там же: 189], ср. (18). В сочетании со связкой прошедшего времени конструкция имеет значение ‘V началось и длительно продолжало иметь место до момента речи’ [Там же: 191], ср. (19). М. Э. Чумакина отмечает, что конструкция выражает более длительное, чем ожидалось, продолжение ситуации (“the situation goes on longer than anticipated”):

- (18) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

to-r ***vʼaʒa-r-mat*** *d-i*
 тот-2 косить-IPFV-CVB.CNT 2-COP

‘Она все еще косит траву [хотя предполагалось, что должна была уже закончить]’
 (“She is [still] hay cutting [although she was supposed to stop some time ago]”).

- (19) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

zon *noklʼi-ši* *d-eqʼa-t:a* *to-r* ***vʼaʒa-r-mat*** *e(r)-di*
 я дом-ALL 2-приходить-ТЕМП тот-2 косить-IPFV-CVB.CNT COP<2>-PST

‘Когда я шла домой, она все еще косила’ (“When I was going home she was [still] hay cutting”).

В описании А. Е. Кибрика имперфективная континуативная конструкция носит название «презент 2», а ее эквивалент в прошлом — «имперфект 2». В работе [Chumakina 2012: 40] для данной конструкции предлагается ярлык «персистив» (persistentive) по аналогии с близкими по значению глагольными формами в языках банту.

Форма, образуемая от перфективного деепричастия в сочетании со связкой настоящего времени, означает ‘V завершено; начал иметься и в момент речи продолжает иметься результат этого V’ [Кибрик 1977а: 195], ср. (20). В сочетании со связкой прошедшего времени конструкция имеет значение ‘V завершено; начал иметься и до момента речи продолжал иметься результат этого V’ [Там же: 197], ср. (21). М. Э. Чумакина подчеркивает, что результат ситуации имеет место в неизменном виде дольше, чем ожидалось, а ожидаемое изменение состояния не происходит (“this result continues to be there longer than anticipated; some change of state was expected but did not happen”) [Chumakina 2012: 40], ср. [Chumakina 2020: 303].

(20) Арчинский [Chumakina 2012: 40]

buwa-n oʻnt etʻni-mat i
 мать-GEN голова 4.завязывать.PFV-CVB.CNT 4.COP

‘Голова мамы все еще перевязана (ожидалось, что повязка будет снята раньше)’
 (“Mother’s head is still bandaged”).

(21) Арчинский [Chumakina 2012: 42]

to-t jaʃʻu-mat e-di
 тот-4 4.копать.PFV-CVB.CNT 4.COP-PST

‘[Они вырыли яму.] Яма была все еще вырыта [оставалась вырытой дольше, чем предполагалось]’ (“The pit had been dug out”).

В описании А. Е. Кибрика перфективная континуативная конструкция носит название «перфект 2», а ее эквивалент в прошлом — «плюсквамперфект 2». В работе [Chumakina 2012: 40–42] для данной конструкции предлагается ярлык «инерциал» (inertial).

Заметим, что в отличие от «канонических» аналитических форм глагола, в континуативных конструкциях агенса переходного глагола выражается не эргативом, а абсолютивом (номинативом) [Кибрик 1977а: 189], что указывает на неполную степень грамматикализации данного типа аналитических форм.

Что же касается компонента ‘ситуация продолжается дольше, чем ожидалось’, то у нас нет уверенности в том, что он является неотъемлемой частью значения соответствующих арчинских конструкций, а не просто одной из возможных интерпретаций. Действительно, в семантической типологии показателей фазовой полярности одним из важных различий является противопоставление нейтральных и «контрфактических» показателей: последние описывают именно противоречие ожиданиям говорящего, а контрфактическим этот тип назван потому, что в данном случае сопоставляются не две упорядоченные по времени фазы, а две одновременные фазы — имеющая место и ожидаемая (см. обсуждение в работах [van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997: 27–40; Kramer 2017: 6–9] и др.). Так, говоря ‘она еще косит траву’, мы можем иметь в виду как то, что агенс действия косила траву до этого и продолжает косить сейчас, так и то, что она косит траву в тот момент, когда она, как предполагалось, уже должна была закончить осуществлять это действие. Арчинская конструкция, как и континуативные формы других лезгинских языков, судя по всему, совместимы с обеими интерпретациями: так, в переводах примеров континуативных форм в грамматике [Кибрик 1977а: 189, 191, 195, 197] специальным образом не подчеркивается противоречие ожиданиям говорящего.

Этимология суффикса континуативного деепричастия не обсуждается А. Е. Кибриком, однако можно обратить внимание на то, что близкую форму имеет локативный показатель *-ta*, который используется с одушевленными именами, образуя форму

со значением ‘там, где живет данный объект’ [Там же: 58]. Этот же суффикс образует локативные деепричастия от любых финитных глагольных форм и способен присоединять показатели направления, ср. *wirχ^wni-ma* ‘там, где работал’, *wirχ^wni-ma-k* ‘туда, где работал’ (от формы аориста) [Там же: 105, 108]. Можно предположить, что континуативный суффикс — это исторически тот же самый локативный показатель, а *-t* — суффикс локализации SUPER ‘сверху’¹⁰; эта гипотеза ослабляется тем, что синхронно засвидетельствованы только сочетания локативного показателя *-ma* с показателями направления, но не локализации.

2.7. Удинский язык

В удинском языке представлена синтетическая парадигма глагольных форм. Связка *bi* совмещает функции собственно связки идентификации и локативного глагола ‘быть, находиться’ (при этом в ниджском диалекте *bi* используется только в последней функции), однако в аналитических формах не используется. Имеются периферийные аналитические формы с морфологически регулярным глаголом *bakes* ‘быть, стать’. Глагол *mandes* ‘оставаться’ не образует аналитических форм или каких-либо видо-временных конструкций с континуативным значением.

2.8. Выводы

Итак, аналитические конструкции с континуативным значением обнаруживаются в пяти из девяти лезгинских языков, см. таблицу 2. В четырех случаях (три восточнолезгинских языка и рутульский) это конструкции с имперфективным деепричастием, иногда также с перфективным деепричастием и инфинитивом, и стативным глаголом ‘оставаться’ в роли вспомогательного глагола. В одном случае (арчинский язык) это сочетание особого континуативного деепричастия, образуемого от имперфективной или перфективной основы, со связкой. В случае сочетания с имперфективной формой смыслового глагола конструкция описывает продолжение ситуации в момент наблюдения, в случае сочетания с перфективной формой — продолжение результирующей ситуации в момент наблюдения; при сочетании с инфинитивом (в агульском) — продолжающееся ожидание ситуации в будущем.

Только в лезгинском языке, а отчасти также в арчинском языке (начиная с грамматики А. Е. Кибрика 1977 г.) континуативные формы указываются в числе форм глагольной парадигмы наравне с каноническими аналитическими формами, образуемыми от простых деепричастий при помощи «обычных» вспомогательных глаголов; в агульском, табасаранском и рутульском языках континуативные конструкции по данным описаний относятся к периферии глагольной системы.

В остальных четырех лезгинских языках континуативные конструкции не отмечаются. В них отсутствует как стативный глагол ‘оставаться’ с *mV*-образным корнем, так и континуативные деепричастия (впрочем, последние представляют собой исключительную особенность арчинского языка).

¹⁰ Данная гипотеза предложена М. Э. Чумакиной; автор также благодарит М. А. Даниэля за обсуждение структуры и возможной этимологии арчинских форм.

Таблица 2

**Континуативные конструкции и глагол ‘оставаться, все еще быть’
в лезгинских языках**

	Континуативная конструкция	Стативный глагол ‘оставаться’
Агульский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ INF + ‘оставаться’ (PFV.CVB + ‘оставаться’)	<i>ami, ame, amija, amea / amēja</i>
Табасаранский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ PFV.CVB + ‘оставаться’	<i>ami, imi</i>
Лезгинский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ PFV.CVB + ‘оставаться’	<i>ama</i>
Рутульский	IPFV.CVB + ‘оставаться’ (PFV.CVB + ‘оставаться’)	<i>ma(r)a (ma(b)a, ma(d)a)</i>
Цахурский	нет	нет
Будухский	нет	нет
Крызский	нет	нет
Удинский	нет	нет
Арчинский	PFV.CVB.CNT + связка IPFV.CVB.CNT + связка	нет

3. Лексические средства: глаголы и наречия

Кратко суммируем сведения об основных лексических средствах с континуативным значением, характерных для лезгинских языков, — это наречия со значением ‘все еще’, глаголы со значением ‘продолжаться’ (занимающие, однако, периферийное положение в лексической системе) и уже упоминавшиеся выше стативные глаголы со значением ‘оставаться, все еще быть’.

3.1. Наречия со значением ‘(все) еще’

В большинстве лезгинских языков имеется наречие *hala, hele* или *hālā* со значением ‘все еще’, ‘пока еще’; см. сводные данные в таблице 3. Единственным исключением является арчинский, в котором данная лексема не отмечена¹¹. Это наречие — арабизм, заимствованный либо непосредственно из арабского, либо уже из азербайджанского языка (в последнем случае отсутствие слова в арчинском неудивительно, поскольку его контакты с азербайджанским были минимальны). В качестве континуативного наречия лезгинского языка оно обсуждается в работе [van der Auwera 1998: 67, 126–127], в том числе с точки зрения происхождения (так, Й. ван дер Аувера отмечает, что возможным источником заимствования является кумыкский язык, однако это менее вероятно).

¹¹ В качестве наречия со значением ‘все еще’ в словаре [Чумакина и др. 2007] упоминается *ansaw / onsaw* (также *jansaw / jonsaw*), по всей видимости, не имеющее параллелей в других языках группы.

- (22) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 99]

эчбыр гъала хьикъыр адиш
eč-bir hala qiq'i-r a-diš
 яблоко-PL еще NPL.СОЗРЕВАТЬ.PFV-CVB IN.БЫТЬ-PRS.NEG
 ‘яблоки пока еще не поспели’

- (23) Будухский [Мейланова 1984: 39]

заз гъала ад ирхъа дар
za-z hala a-d irqa-dar
 я-ДАТ еще тот-1 1.ВИДЕТЬ.AOR-NEG.1
 ‘я еще его не видел’

- (24) Удинский (ниджский) [Гукасян 1974: 80]

БеъшI гъаляв хьо усенебу
beš' hālū qo usen=e=bu
 впереди еще пять год=3SG=COP
 ‘впереди [перед нами] еще пять лет’

В агульском статус наречия *halla* не вполне ясен: хотя оно и по форме, и по значению напоминает соответствующие наречия родственных языков, в самом агульском данное слово членился как *hal=la* [сейчас=ADD] ‘и сейчас’. Ассимиляция аддитивной клитики *=ra* после /l/ происходит регулярно, хотя не является обязательной во всех агульских говорах: так, словарь [Рамазанов 2010] отмечает вариант *гъалра (halra)* наряду с *гъалла (halla)*. Таким образом, *halla*, скорее всего, является лексикализацией наречия ‘сейчас’ (также арабизма) в сочетании с аддитивом ‘и, тоже’, возникшей уже на агульской почве.

- (25) Агульский [Рамазанов 2010: 188]

а. гъалла киркIуна адава
hal-la kirk'u-na a-dawa
 сейчас=ADD заканчиваться.PFV-CVB IN.БЫТЬ-PRS.NEG
 ‘до сих пор еще не кончилось’

б. гъалра гьетиса аме
hal-ra he-ti-sa ame
 сейчас=ADD EMPH-ТОТ-LOC(IN) IN.ОСТАВАТЬСЯ.PRS
 ‘и поныне [и сейчас] там остался’

В лезгинском, табасаранском, цахурском и будухском в качестве синонимичного наречия отмечается *helelig / halalik*, явно заимствованное из азербайджанского (поскольку оно содержит тюркский суффикс *-lig*). В рутульском, цахурском и удинском имеется еще одно семантически близкое наречие с конечным компонентом *-ki* (вероятно, азербайджанским, а исходно персидским показателем зависимой предикации *ki*). В табасаранском наречии *mehel* ‘еще, пока что’ также можно выделить компонент, восходящий к *hele*.

- (26) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 127]

узу гъелелиг дурхну ккудукIнадарза
uzu helelig d-urχ-nu k:uduk'-na-dar=za
 я еще PFV-УЧИТЬСЯ-PFV.CVB Н.ЗАКАНЧИВАТЬ-PRF-COP.NEG=1SG
 ‘я еще не закончил учиться’

- (27) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ибрагимов, Нурмамедов 2010: 133]

Гъалаки/гъалеки ишбы югда водонбы алгъааI
halaki / haleki iš-bi jug-da wo-d-on-bi alha:š
 еще еще дело-PL хороший-ADV.NPL COP-NPL-ATTR-PL ИДТИ.IPFV
 ‘Пока дела идут хорошо’.

Интересно, что в ряде лезгинских языков отмечается наречие ‘еще’, имеющее корень типа *ma* или *me*, напоминающий корень континуативного глагола, см. таблицу 3. Это наречие, однако, передает значение ‘еще’ в смысле большего количества — ‘еще раз, больше, опять’ (28). Хотя исторически оно может быть когнатом континуативного глагола, синхронно наречие с данным корнем не используется как континуативное. (См., однако, раздел 4.2 о случаях использования наречий типа ‘еще, больше’ в континуативных контекстах Евангелия от Луки.)

(28) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Талибов, Гаджиев 1966: 227]

а. садра мад ахлад

sadra mad aχχlad

один.раз еще <RE>идти.IMP

‘еще раз сходи’

б. мад хтанач

mad χ-t:a-na-č

еще RE-уходить-AOR-NEG

‘больше не возвращался’

Таблица 3

Наречия со значением ‘еще’, ‘все еще’ в лезгинских языках

	Наречие типа <i>hala / hele</i>	Наречие типа <i>ma / me</i>	Источник
Агульский	<i>гьалла</i> ‘все еще, пока еще; до сих пор еще, и теперь еще, сейчас тоже’ <i>гьалра</i> ‘и теперь; и сейчас; и поныне; и до сих пор’	—	Рамазанов 2010
	<i>гьала</i> ‘все еще’		Мазанаев 2014
Табасаранский	<i>гьеле</i> ‘пока, пока еще, пока что’ <i>гьелелиг</i> = <i>гьеле</i>	(<i>мегьел</i> ‘еще, пока что’)	Ханмагомедов, Шалбузов 2001
Лезгинский	<i>гьеле</i> ‘пока еще’ <i>гьелелиг</i> ‘пока, пока что’	<i>мад</i> ‘еще; больше’	Талибов, Гаджиев 1966
Рутульский	<i>гьала</i> ‘пока еще’ <i>гьалаки</i> ‘до сих пор, пока; все еще’	<i>маа, маад, маада</i> ‘опять, снова; еще; еще раз’	Алисултанов, Сулейманова 2019
Цахурский	<i>гьала / гьале</i> ‘еще’ <i>гьалаки / гьалеки</i> ‘пока, еще’ <i>гьалалик / гьалелик</i> ‘еще, пока’	—	Ибрагимов, Нурмамедов 2010
	<i>hale</i> ‘еще; пока’ <i>haleki</i> ‘еще; пока’	<i>me-d</i> ‘еще; снова; еще раз; впрдь’	Кибрик, Тестелец 1999
Будухский	<i>гьала</i> ‘пока, еще’ <i>гьалалик</i> ‘пока’	<i>ма</i> ‘еще, еще раз’	Мейланова 1984
Крызский	<i>hələ</i> ‘still, (not) yet’	<i>ma</i> ‘again, once more’	Hümmətov, Rind-Pawłowski 2020
Удинский	<i>hələ</i> ‘пока, пока что; еще, даже’ <i>hələki</i> ‘пока что, на время, временно’ <i>hala</i> ‘still’	—	Мобили 2010 Schulze 2001
Арчинский	—	—	Чумакина и др. 2007

3.2. Глаголы со значением ‘продолжать(ся)’

В лезгинских языках, как правило, отсутствует лексический глагол со значением ‘продолжать’ или ‘продолжаться’. Так, в существующих словарях рутульского, цахурского, арчинского и удинского языков не встречается глагольных словарных входов с соответствующими русскими переводами¹². Единственным исключением является сложный глагол с первым компонентом *dawam* (*davam*) и служебным глаголом ‘делать’ (для агентивного значения ‘продолжать’) или ‘быть, стать’ (для неагентивного значения ‘продолжаться’). Так, в агульском словаре [Рамазанов 2010: 248] отмечаются глаголы *dawam aq'as* (*давам акъас*) ‘продолжать, не прерывать что-л. (действие или бездействие)’ и *dawam xas* (*давам хас*) ‘продолжаться, не прерываться’: здесь *dawam* — неизменяемый компонент, а *aq'as* ‘делать’ и *xas* ‘быть, стать’ — глаголы, несущие все словоизменительные показатели.

Сложные глаголы с компонентом *dawam* — их может быть два или один, в последнем случае это сочетание с ‘делать’, — зафиксированы в словарях агульского, лезгинского, табасаранского, будухского и крызского языков. Приводимые в словарных статьях немногочисленные примеры иллюстрируют использование переходного глагола ‘продолжать’ с пациентной именной группой (29); об употреблении соответствующих сложных глаголов с сентенциальным актантом или в качестве вспомогательного глагола сведений нет.

(29) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 138]

ихъ рякъ давам аплухъа

ix *ra'q:* *davam* *ap'u=xa*
мы(INCL).GEN дорога <продолжение> делать.HORT=1PL.INCL

‘продолжим наш путь’

Компонент *dawam* в указанных языках, как правило, является связанным и не используется как самостоятельная лексема. Согласно работе [Селимов 2010: 210], это арабское заимствование. При этом копирование непосредственно в лезгинские языки могло произойти и через посредство азербайджанского, учитывая наличие азербайджанских суффиксальных производных типа (в табасаранском) *dawam-lu* ‘продолжительный, длительный, долгий’ и *dawam-suz* ‘непродолжительный, краткий, короткий’ [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 138], содержащих тюркские адъективные суффиксы.

3.3. Глаголы с корнем ‘оставаться, все еще быть’

Наличие стативного глагола со значением ‘оставаться, все еще быть’ является особенностью нескольких лезгинских языков, ср. лезгинское *ama*, табасаранское *ami / imi*¹³, агульское *ame / amea / ami / amija*, рутульское *ma'r'a* (*ma'a*, *ma'<d>a*). Все эти глаголы описывают

¹² Заметим, что в достаточно большом по объему русско-рутульском словаре [Исмаилова 2011] вход «продолжать» или «продолжаться» в принципе отсутствует; то же верно относительно русско-агульского словаря [Мазанасев 2014], имеющего, правда, меньший объем.

¹³ В словаре [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 177] имеется словарный вход глагола *ими* ‘оставаться’, в котором форма *ами* не упоминается; эта форма, однако, фигурирует в нескольких примерах в других словарных статьях, хотя и намного реже, чем форма *ими*. В диалектологическом словаре табасаранского языка [Генко 2005: 76] также встречается форма *ими* ‘остаётся’, однако наряду с ней упоминаются также отрицательные формы настоящего времени этого глагола с другими основами — *амдар* ‘не остаётся’ (этегский говор) и *мидар* ‘не остаётся’ (кандикский говор) [Там же: 18, 119] (показателем отрицания является суффикс *-дар*).

продолжение существования или нахождения в определенном месте. Они являются **стативными** в том смысле, что описывают состояние во всех своих видо-временных формах, то есть могут выражать состояние в настоящем или прошедшем времени ('остается', 'оставался'), но, например, не вхождение в состояние ('остался', 'останется'). Другими примерами стативов в соответствующих языках является собственно связка, а также бытийный глагол 'быть, находиться': семантически 'оставаться, все еще быть' можно назвать континуативным эквивалентом статива 'быть, находиться'¹⁴.

(30) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Талибов, Гаджиев 1966: 46, 128]

а. багъда ичер ама

bav.d-a ič-er ama

сад-IN яблоко-PL IN.оставаться.PRS

'в саду ещё остались яблоки, ещё есть яблоки'

б. адахъ затІни амач

a.da-q zat'ni ama-č

тот-POST вещь=ADD IN.оставаться-PRS.NEG

'ничего у него не осталось'

(31) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 81, 265]

а. гьелелиг бегьем вахт ами

helelig behem waχt ami

еще достаточный время IN.оставаться.PRS

'еще осталось достаточно времени'

б. сабпарадар сарун амдар

sabpara-d-ar sarun am-dar

некоторый-SUBST-PL PTCL IN.оставаться-PRS.NEG

'иных уж нет'

(32) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Гасанова и др. 2020: 56]

Гьал хІур андава лисаь, амма са пир аме гисаь гьалра, шихдис акьунаеф.

hal ħur an-dawa lisa-ʔ, amma sa pīr

сейчас село IN.оставаться-PRS.NEG там.наверху-IN но один пир

ame gisa-ʔ hal=ra, šix.dī-s aq'u-naje-f

IN.оставаться.PRS там.внизу-IN сейчас=ADD шах-DAT делать.PFV-PTCP.PRF-SUBST

{Чуть выше села Дуруштул, в сторону Хореджа, располагалось старое село.} 'Сейчас его уже нет, но остались развалины, и там же стоит пир [святылище] святому шейху'.

(33) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ) [Алисултанов, Сулейманова 2019: 306]

а. гьанийды дид гьалаки сагна мара

ha-nij-dī did halaki sav-na ma(ɾ)a

тот-OBL.N-ATTR отец еще здоровый-ADV оставаться<1>.PRS

'его отец до сих пор здоровствует'

б. ер мабдиш

jer ma(b)-diš

место оставаться<3>-PRS.NEG

'не осталось места'

¹⁴ Так, в описании лучекского диалекта рутульского языка М. Е. Алексеев переводит глагол *ma(ɾ)a* как 'continues, remains' [Alekseev 1994: 230], а С. М. Махмудова [2001: 130] дает перевод 'до сих пор есть, находится'; М. Хаспельмат переводит лезгинский глагол *ama* как 'be still, remain', называя его континуативным вариантом локативной связки *awa* 'be in' [Haspelmath 1993: 136–137, 322–323].

Стативы в указанных лезгинских языках являются особым морфологическим классом глаголов с **дефектной** парадигмой: они имеют лишь финитные синтетические формы настоящего и прошедшего времени, но, например, не обладают формами инфинитива, императива, будущего времени и т. п. Для связки и бытийного глагола эквивалентом, используемым в семантически или синтаксически недоступных им контекстах, является морфологически регулярный (обладающий полной парадигмой) глагол ‘быть, стать’, ср. лезгинский *xin*, табасаранский *xub* (*šub*), агульский *xas*, рутульский *hikis*. Для континуативного статива морфологически регулярным аналогом может выступать глагол с близким значением, имеющий другой корень, либо сложный глагол, включающий начальный компонент ‘оставаться’¹⁵.

Отметим, наконец, что в восточнолезгинских языках глагол ‘оставаться, все еще быть’ типа *ama / ame / ami* является **префиксальным** глаголом и содержит локативный префикс *a-* (< *ʔa-*) ‘внутри’. В этих языках имеется ряд однокоренных глаголов с различными локативными префиксами (ср. лезгинские глаголы *ala-ma* ‘оставаться сверху’, *ku-ma* ‘оставаться под’, *gala-ma* ‘оставаться сзади’ и др.), однако беспрефиксальная основа не используется. В рутульском отмечен как беспрефиксальный глагол (собственно *ma(r)a*), так и префиксальные производные (ср. *va-ma(r)a* ‘оставаться сверху’, *gi-ma(r)a* ‘оставаться под’, *qi-ma(r)a* ‘оставаться сзади’ и др.). В роли вспомогательного глагола в континуативной конструкции в восточнолезгинских языках используется глагол с префиксом ‘внутри’, в рутульском — беспрефиксный глагол.

Иногда в описаниях конечный компонент основы континуативных глаголов рассматривается как суффикс, следующий за корнем стативного глагола ‘быть, находиться’ (ср. такую точку зрения применительно к табасаранскому *-mi* в [Магомедов 1965: 242; Курбанов 2001: 446]). По нашему мнению, для такого анализа нет оснований, и в глаголах ‘все еще быть, оставаться’ следует выделять корень *-mV* (*-ma*, *-me*, *-mi*), которому может предшествовать локативный префикс либо (как в случае рутульского) не предшествовать ничего.

Несмотря на его сохранность лишь в части языков лезгинской группы, представляется, что корень может быть восстановлен и для пралезгинского, хотя его категориальная принадлежность и семантика не вполне ясны. С. Л. Николаев и С. А. Старостин реконструируют пралезгинский глагольный корень **ʔima(n)-* ‘to stay’ на основе данных лезгинского, табасаранского, агульского и рутульского, но включают в то же гнездо и арчинское *imm(a)-eχ:as* [Nikolayev, Starostin 1994: 210]. Однако в арчинском первым компонентом сложных глаголов *imm(a)-eχ:as* ‘оставаться’ и *imm(a)-aq’:as* ‘оставлять’ является форма локативного деепричастия связки *i*, т. е. ‘там же будучи’¹⁶. Таким образом, если данный пралезгинский корень сохранился в арчинском, то лишь в виде суффиксального показателя континуативного деепричастия *i*, предположительно, локативного деепричастия. Это теоретически может означать, что исходный пралезгинский корень не был глагольным, а представлял собой наречие (со значением типа ‘там же’ или ‘тогда же’), которое в восточнолезгинских языках лексикализовалось в виде глагола в сочетании со связкой (‘там же / тогда же есть’), а в арчинском — грамматикализовалось в показатель деепричастия. Наречия с корнем *mV-* ‘еще’ существуют и в современных лезгинских языках (см. раздел 3.1).

В удинском языке глагол ‘оставаться’ с основой *mand-* является морфологически регулярным, а не стативом с дефектной парадигмой. Несмотря на начальное *m-*, он

¹⁵ Так, в хпнокском диалекте агульского языка имеется близкий по значению динамический глагол *ilg^was* ‘оставаться’, сложный глагол *ame-xas*, состоящий из основы *ame-* ‘оставаться’ и служебного глагола *xas* ‘быть, стать’, а также глагол *am-ilg^was*, представляющий собой контаминацию основы континуативного глагола с регулярным глаголом *ilg^was*.

¹⁶ Более точно, *imma* < **i-e:n-ma*, где *i* — это связка, *-e:n* — это суффиксальный показатель всеобщности, а *-ma* — это суффикс локативного деепричастия [Кибрик 1977б: 287].

вряд ли может являться когнатом обсуждавшихся выше глаголов, поскольку почти наверняка представляет собой заимствование персидского *māndan* ‘оставаться’ [Schulze 2001: 297].

4. Континуативные контексты в переводах Евангелия от Луки

Итак, мы рассмотрели лексические средства (глаголы и наречия), а также специализированные грамматические средства (аналитические формы), которые в лезгинских языках используются для выражения континуативного значения ‘продолжать делать’. Теперь на материале параллельных переводов Евангелия от Луки мы рассмотрим различия между лезгинскими языками в том, какие именно языковые средства использованы при переводе 17 континуативных контекстов, выделенных А. Б. Пановой. К сожалению, сделать это для всех девяти языков лезгинской группы невозможно, поскольку Евангелие от Луки не переведено на крызский, будухский и арчинский языки. Для всех остальных шести языков мы рассмотрели переводы 17 контекстов и закодировали использованные в данных переводах средства выражения континуативного значения; выходные данные всех переводов приведены в списке источников в конце работы, а собственно переведенные контексты собраны в приложении. Для удинского языка, имеющего несколько вариантов перевода Евангелия от Луки (см. подробнее [Майсак 2019]), мы взяли для рассмотрения два — выполненный варташенским священником Семеном Бежановым в последние годы XIX в. перевод на варташенский диалект и выполненный профессиональной переводческой группой в 2010-е гг. перевод на ниджский диалект¹⁷.

Таким образом, всего было привлечено семь переводов Евангелия от Луки на шесть лезгинских языков. Все рассмотренные в этих семи переводах 17 континуативных контекстов можно представить в виде таблицы со 119 клетками. При этом, как оказалось, лишь в меньшинстве клеток (а именно, 52, т. е. менее половины) в переводах соответствующих контекстов было использовано хотя бы одно из описанных в разделах 2 и 3 средств выражения континуативного значения. Далее в этом разделе мы рассмотрим встретившиеся средства, в том числе их совмещение в рамках одного контекста. После этого в разделе 5 мы сосредоточимся на обобщениях, связанных с использованием конкретных языковых средств в конкретных языках или при переводе конкретных контекстов.

4.1. Отсутствие специализированных средств

Как отмечается в типологическом исследовании [Панова 2023: 438], «контексты, имеющие необходимые семантические условия для употребления показателя фазовой полярности, далеко не всегда действительно содержат эти показатели». Аналогично, в нашем случае в значительном числе переводов интересующих нас контекстов (более половины, а именно 56 %) собственно континуативное значение специальным образом никак не выражено. В подавляющем большинстве случаев это контексты, в которых использована зависимая клауза с темпоральным значением (чаще всего с формой, образованной от имперфективной основы глагола) типа ‘когда делал’, ‘когда происходило’.

¹⁷ Теоретически в нашем распоряжении мог оказаться и текст Евангелия от Луки, переведенный более тысячи лет назад на кавказско-албанский язык, однако в сохранившихся листах кавказско-албанских палимпсестов, найденных в Синайском монастыре (см. публикацию [Gippert et al. 2008]), соответствующие фрагменты данной книги отсутствуют.

В том, какие средства использовались для кодирования предиката в темпоральных клаузах, отразились определенные конкретно-языковые предпочтения. Так, в восточнолезгинских языках отмечаются как простые имперфективные деепричастия (типа ‘делая’, ср. (34)), так и специальные темпоральные конвербы (‘когда делал’). В цахурском и ниджском удинском использованы преимущественно именно темпоральные конвербы, ср. частотную форму на *-nga* в цахурском (35). Еще одна распространенная в языках левого ветвления стратегия — причастная клауза, вершиной которой служит слово со значением ‘время’, т. е. буквально, ‘в делаемое время’, ср. (36). В варташенском же удинском, напротив, доминирует стратегия оформления временного придаточного «индоевропейского» типа — это клауза с начальным союзом ‘когда’ и финитной глагольной формой (37).

(34) АГУЛЬСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъеге дуьгIера аркъай, ⟨...⟩.
he-ge düŕe=ra arq'a-j
 EMPH-TOT молитва=ADD делать.IPFV-CVB

‘И, благословляя (букв. «ту молитву тоже делая»), ⟨...⟩’. (Лк. 24:51)

(35) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Манкъве манбы мубарак гъаабанкъаI, ⟨...⟩.
ma-n-g^w-e ma-n-bi mubarak ha:ʔa-nga^f
 TOT-ATTR-OBL.N-ERG TOT-ATTR-PL благословение NPL.делать.IPFV-TEMP

‘И, благословляя (букв. «он их когда благословение делал»), ⟨...⟩’. (Лк. 24:51)

(36) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Дугъу гъаци кIурайи вахтна, ⟨...⟩.
du.ku ha-ci k'u-raji waʔt.na
 TOT.N(ERG) ЭТОТ-MNR говорить.IPFV-PTCP.PRS время(IN)

‘И он еще не успел договорить (букв. «он так в говоримое время»), ⟨...⟩’. (Лк. 9:34)

(37) УДИНСКИЙ (ВАРТАШЕНСКИЙ)

evaxte ŕet'in exnei mot'ux
evaxte ŕe-t:-in eʔ-ne-j to-t'-ux
 когда TOT-OBL-ERG говорить.PRS-3SG-PST ЭТОТ-OBL-DAT

‘И он еще не успел договорить (букв. «когда он говорил это»), ⟨...⟩’. (Лк. 9:34)

Независимые клаузы в интересующих нас контекстах редки, однако также встречаются. Так, в большинстве переводов контекста 18:22 (‘одного тебе не хватает’) использованы предложения со связкой в настоящем времени типа ‘одна вещь тебе недостающая есть’, при этом присвязочным предикатом может быть как прилагательное ‘недостающий’, так и причастие от глагола ‘не хватать’. В табасаранском данная фраза, однако, содержит форму отрицательного презенса глагола *hubk'ub* ‘быть достаточным’. Контекст 14:22 (‘но еще остались свободные места’) на подавляющее большинство языков также переведен финитной клаузой настоящего времени, в том числе с использованием глагола ‘все еще быть’ (см. ниже), однако в ниджском удинском использована форма аориста *manedi* регулярного глагола ‘оставаться’, букв. «еще лишние места остались».

В целом ряде случаев интересующий нас фрагмент не содержал глагола и был передан адвербиальной или именной группой. Так, в контексте 12:58 (‘по дороге’) в трех восточнолезгинских языках использованы глагольные клаузы типа ‘все еще находясь в дороге’, тогда как в рутульском, цахурском и обоих вариантах удинского соответствующий фрагмент предложения содержит лишь именную группу ‘в дороге’ (в одном из локативных падежей), ср. рутульское *ri'g-a* [дорога-IN] ‘в дороге’. В цахурском переводе контекста 24:44 (‘еще когда был с вами’), в отличие от остальных языков, где была использована деепричастная или темпоральная форма глагола, употреблена адвербиально-темпоральная форма

местоимения, ср. *šo-ka-na-nga*^с [вы-СОМП-ADV-ТЕМП] ‘с вами’ (суффикс *-nga*^с — тот же, который образует темпоральные конвербы).

Наконец, имеются единичные контексты, в которых соответствующий фрагмент просто не был передан в переводе. Так, в переводе на рутульский контекста 9:34 (‘и он еще не успел договорить’) отсутствует описание ситуации продолжения говорения, фраза начинается с зависимой клаузы ‘до того, как это закончилось’.

4.2. Использование наречий

Наречия, подчеркивающие континуативную семантику, использованы в 29 переводах (24%). Можно заметить, что континуативный глагол ‘все еще быть’ и образуемая им континуативная конструкция в значительной степени дополнительно распределены по отношению к наречиям — в переводах на восточнолезгинские языки и рутульский, в которых такие средства имеются, наречия использованы лишь 8 раз, подавляющее же большинство наречий приходится на цахурский и удинские переводы.

В основном в переводах встретилось наречие типа *hala* ‘все еще’. Заметим, что в восточнолезгинских языках и рутульском во всех случаях, кроме двух, наречие было использовано вместе с глагольным континуативным средством (глаголом ‘все еще быть’), как бы «усиливая» его, ср. контекст 24:06 в рутульском (38). В двух случаях наречие фигурирует в клаузе с деепричастием, ср. перевод на лезгинский контекста 24:41 (39).

(38) Рутульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

гъала Галилеяди марана

hala galileja.di ma(r)a-na

еще Галилея(IN) оставаться<1>-CVB

‘еще будучи в Галилее’ (Лк. 24:06)

(39) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Абуру шадвилай, гъеле ч'алахъ тахъана (...).

a-bur.u šad-wil-äj, hele č'al.a-q t.a-xa-na

tot-PL(ERG) радостный-ABSTR-IN.EL еще речь-POST NEG-стать-PFV.CVB

‘Они от радости никак не могли поверить (...)’ (Лк. 24:41)

В цахурском и удинских переводах, как правило, наречие ‘все еще’ выступает в тех же самых контекстах, где в восточнолезгинских языках и рутульском употреблен континуативный глагол. Так, в контексте 14:32 (‘пока тот еще далек’) все три восточнолезгинских языка используют глагол ‘все еще быть’ в форме деепричастия (и без наречия ‘все еще’), тогда как цахурский и оба удинских диалекта — темпоральные формы глагола или локативное наречие (40) в сопровождении наречия ‘все еще’.

(40) Цахурский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

гъале шена падишагъ акъаІнананкъаІ

hale še-na padišah aq'a'na-na-nga^с

еще тот-ATTR падишах далеко-ADV-ТЕМП

‘пока тот царь еще далеко’ (Лк. 14:32)

Впрочем, это не обязательно: так, в контексте 9:42 (‘когда мальчик подходил’) в цахурском и варгашенском удинском переводах имеется наречие ‘все еще’ при конвербе или финитной форме глагола (41), тогда как во всех остальных языках использована просто имперфективная темпоральная форма без дополнительных средств, подчеркивающих континуативность.

- (41) УДИНСКИЙ (ВАРТАШЕНСКИЙ)
 evaxte šono hala enesai
 evaxte šo-no **hala e-ne-sa-j**
 когда тот-ABS еще приходить-3SG-PRS-PST
 ‘Когда он еще подходил (...)’. (Лк. 9:42)

Помимо наречия *hala* ‘все еще’, лишь четырежды в переводах было употреблено другое наречие, а именно цахурское *me-d* ‘еще, больше’ и удинское *p:uran* ‘еще, опять’ (трижды в варташенском переводе). Так, в обоих языках это наречие сопровождает связочное предложение в контексте 14:22 (‘но еще остались свободные места’).

- (42) ЦАХУРСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)
 Амма суфрайл мед джигабы водонбы (...).
 amma *sufra.ji-l me-d žiga-bi wo-d-on-bi*
 но стол-SUPER еще-NPL место-PL COP-NPL-ATTR-PL
 ‘но еще остались свободные места’ (Лк. 14:22)

Интересно, что в одном варташенском переводе использовано сразу два наречия, а именно *hala* ‘все еще’ и *p:uran* ‘еще, опять’, ср. *hala p:uran aitt:exai šet:in*, букв. «еще опять говорит он» в контексте 22:60 (‘когда он это говорил’).

4.3. Использование регулярных глаголов ‘продолжаться’ и ‘оставаться’

Глагол ‘продолжаться’ ни в одном языке не встретился ни в одном из контекстов. Что касается регулярного (не стативного) глагола ‘оставаться’, то такой глагол отмечен в переводах дважды. Как уже отмечалось выше, в переводе на ниджский удинский глагол *mandes* ‘оставаться’ встретился в форме аориста в контексте 14:22 ‘еще остались свободные места’ (в этой клаузе употреблено и наречие ‘все еще’).

Кроме того, в рутульском переводе контекста 24:41 (‘они (...) никак не могли поверить’), в котором в целом по языкам обнаружилась большая вариативность в выборе средств выражения, использована форма презенса глагола *gergas* ‘оставаться’, букв. «они от радости не поверив, удивляясь остаются».

4.4. Использование стативного глагола ‘все еще быть, оставаться’

Использование стативного глагола ‘все еще быть’ характерно лишь для четырех языков из шести, и в них оно почти так же частотно, как использование континуативных наречий (22 употребления, т. е. 32 % контекстов, принимая во внимание только четыре языка, в которых имеются стативы с данным значением). В основном использован глагол ‘все еще быть’ с префиксом локализации IN ‘внутри’ либо (в рутульском) беспрефиксный глагол. Дважды, причем в одном и том же контексте 15:20 (‘он был еще далеко’), употреблен глагол с другим префиксом локализации — SUPER ‘сверху’ (в агульском) либо POST ‘сзади’ (в рутульском). Этот контекст интересен тем, что глагол с корнем ‘все еще быть’ использован во всех четырех языках; к нему примыкает почти тождественный по значению контекст 14:32 (‘пока тот еще далеко’), в котором во всех трех восточнолезгинских языках мы также видим глагол ‘все еще быть’, а в рутульском соответствующий фрагмент стиха не был отражен в переводе.

(43) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

те вархайи ами

*te warχa.ji ami*¹⁸

тот далеко(IN) IN.оставаться.CVB

‘пока тот еще был далеко’ (Лк. 14:32)

(44) Агульский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

вархайил алми димари

warχa.ji-l almi dimari

далеко-SUPER SUPER.оставаться.CVB до.тех.пор

‘пока еще был далеко’ (Лк. 15:20)

В 14:32 и 15:20 континуативный глагол возглавляет зависимую клаузу и имеет форму деепричастия, лишь в рутульском переводе 15:20 мы видим финитную клаузу прошедшего времени. Еще один контекст, где во всех четырех языках использован глагол ‘все еще быть’, — это 14:22 (‘но еще остались свободные места’), здесь глагол выступает в форме презенса. В целом же в подавляющем большинстве случаев глагол ‘все еще быть’ выступает в форме деепричастия (‘все еще будучи, оставаясь’, ‘когда оставался’ и пр.).

Глаголы с корнем ‘все еще быть’ с префиксами, отличными от префикса локализации IN ‘внутри’, использованы также в контексте 24:44 (‘еще когда был с вами’) — это *galama* в лезгинском и *qimi* в табасаранском, оба с префиксами локализации POST ‘сзади’¹⁹.

(45) Лезгинский (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъеле Зун квеχъ галамайла

hele zun k^{ve}-q galama-j-la

еще я вы-POST POST.оставаться-PTCP-TEMP

‘еще когда я был с вами’ (Лк. 24:44)

Напомним, что, как показывает пример (45) и как уже упоминалось выше, в некоторых из контекстов употребления глагола ‘все еще быть’ дополнительно используется и наречие ‘все еще’.

4.5. Использование континуативной конструкции

Наконец, наиболее грамматикализованное и наиболее интересное для нас в этом отношении средство выражения континуативности, а именно аналитическая конструкция, использована сравнительно мало — 7 раз, причем в основном (по 3 раза) в табасаранском и рутульском языках, лишь 1 раз в лезгинском и ни разу в агульском. Главным образом использована форма континуативного презенса, хотя во всех без исключения случаях вспомогательный глагол имеет форму деепричастия или причастия, то есть континуативный презенс возглавляет зависимую клаузу — модифицирующую имя или адвербиальную.

Табасаранский и рутульский проявляют удивительный параллелизм — в них континуативная конструкция (с деепричастной формой вспомогательного глагола) используется в одних и тех же трех контекстах, причем все они описывают ситуацию продолжения говорения, ср. 8:49 (‘Иисус не успел договорить’), 22:47 (‘когда Он это говорил’) и 22:60 (‘когда он это говорил’).

¹⁸ Заметим, что в агульских переводах контекстов 14:32 и 15:20 имеется характерное для агульского языка «согласование» локативной формы (в данном случае — наречия) и локативного преверба, ср. падеж и преверб локализации IN в первом случае и SUPER — во втором.

¹⁹ Использование другой локализации связано с семантическими изменениями и переосмыслением пространственных конфигураций как обозначений более абстрактных отношений — в данном случае, с осмыслением локализации POST как указывающей на нахождение при ком-то, с кем-то.

(46) ТАБАСАРАНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Дугъу гьамци кӀури имиди, ⟨...⟩.

du.ku *ham-ci* *k'u-ri* *imi-di*
 тот.н(ERG) этот-MNR говорить.1PFV-CVB IN.оставаться-CVB

‘когда Он так говорил (букв. «он так продолжая говорить»)’ (Лк. 22:47)

(47) РУТУЛЬСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

Гъание гьааса рухьура марана, ⟨...⟩.

ha-nij-e *ha:-sa* *ruxu-ra* *ma(r)a-na*
 тот-OBL.н-ERG тот-MNR 4.говорить.1PFV-CVB оставаться<1>-CVB

‘когда Он так говорил (букв. «он так продолжая говорить»)’ (Лк. 22:47)

Во всех этих случаях смысловой глагол в составе конструкции имеет форму имперфективного деепричастия. Единственное исключение — контекст 8:49 в рутульском переводе, где употреблена конструкция *huxu-r ma(d)a-na* [говорить.1PFV-CVB оставаться<4>-CVB] с перфективным деепричастием, т. е. буквально ‘сказав оставаясь’, а не ‘говоря оставаясь’.

Еще одно употребление, единственное отмеченное в лезгинском переводе, зафиксировано в другом контексте, а именно 12:58 (‘по дороге’) — как уже упоминалось выше, в этом месте большинство языков используют не глагольную конструкцию, а просто локативную именную группу. В лезгинском данный смысл выражен как ‘все еще будучи (с ним) в дороге’, *žezmaj q'wan* представляет собой темпоральную форму, состоящую из причастия от континуативного презенса глагола ‘быть, стать’ в сочетании со служебным словом ‘настолько, вплоть до’.

(48) ЛЕЗГИНСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

жезмай кьван адахъ галаз рекеъ туьхкӀуькӀ

že-z-ma-j *q'wan* *a.da-q* *gala-z* *req'-e* *tü(χ)k'ük'*
 стать-1PFV-CNT-PTCP вплоть.до тот-POST POST.быть-CVB дорога-IN <RE>мириться(IMP)

‘помиришь с ним по дороге (букв. «пока будучи вместе с ним в дороге помиришь»)’ (Лк. 12:58)

5. Обсуждение

В данном разделе мы обсудим следующие вопросы:

- какие из 17 континуативных контекстов Евангелия от Луки оказались «наилучшими» с точки зрения частотности использования в них средств выражения континуативного значения в языках нашей выборки?
- какие из языков нашей выборки в наибольшей степени задействовали те или иные средства выражения континуативного значения при переводе 17 контекстов?
- насколько соответствуют стратегии выражения континуативного значения в переводе контекстов тому, что было известно о наличии грамматических и лексических средств выражения данного значения в соответствующих языках?

5.1. Контексты

Классифицировать средства выражения континуативного значения можно с различной степенью дробности. Если мы разделим эти средства на глаголы (включив сюда использование глагола ‘все еще быть, оставаться’ в качестве как лексического, так

и вспомогательного глагола) и наречия (включив сюда наречия ‘все еще’, а также ‘еще, больше’), то рассмотренные 17 контекстов можно представить в виде следующих четырех групп (таблица 4)²⁰. Хотя теоретически в каждом из контекстов мы могли бы ожидать как использование глагольного средства (максимальное значение 4, поскольку такие средства отмечаются лишь в четырех языках перевода), так и использование наречия (максимальное значение 7, поскольку такие средства отмечаются во всех языках перевода), в действительности лишь в небольшом числе контекстов континуативные глаголы были использованы 3 или 4 раза, а максимальное число переводов одного контекста с использованием континуативного наречия также составило 4.

Таблица 4

Распределение средств выражения по континуативным контекстам

Группы	Глаголы	Наречия	Контексты
I	0	0	3:21, 9:34, 19:33, 24:51
	0	1	18:22
	0	2	9:42
II	0 (1)	4	24:41
	2	1	9:43
	2	3	22:60
	2	4	24:06
III	3	0	12:58
	3	1	22:47, 24:44
	3	2	8:49
	3	3	14:32
IV	4 (5)	4	14:22
	4	4	15:20

В первую группу входят четыре контекста, в которых ни в одном языке не было использовано ни одного специального средства, а также два контекста, в которых были использованы только наречия, причем только 1 или 2 раза (укажем здесь, что наречия встретились в цахурском и варташенском удинском переводах). В этих контекстах в подавляющем большинстве случаев континуативная ситуация была передана темпоральной придаточной клаузой и нефинитной имперфективной формой глагола, за исключением 18:22, где была использована связочная конструкция.

Вторая группа является промежуточной и включает четыре контекста, в которых континуативные глаголы были использованы, но не в большинстве языков (т. е. лишь 1 или 2 раза), а наречия были использованы от 1 до 4 раз. Контекст 24:41 мы относим сюда же, поскольку, во-первых, в нем отмечается максимальное для имеющихся переводов использование наречий и, кроме того, в рутульском переводе в данном контексте использован регулярный глагол ‘оставаться’ (см. раздел 4.3).

В третьей группе пять контекстов, в которых континуативные глаголы использованы в большинстве языков (а именно, в трех из четырех), а наречия использованы от 1 до 3 раз. Наконец, четвертая группа включает контексты с наибольшими значениями: континуативные глаголы использованы во всех четырех переводах, где они в принципе возможны,

²⁰ В таблицах 4 и 5 в столбце «Глаголы» в скобках указано число употреблений при учете регулярного глагола ‘оставаться’ (по одному разу в рутульском и ниджском удинском переводах).

и число использованных наречий также максимально. Таких контекстов всего два, ‘еще остались свободные места’ и ‘он был еще далеко’ — теоретически, третьим в этой группе мог бы стать 14:32 ‘пока тот еще далеко’, однако этому «помешало» то, что в рутульском переводе соответствующий фрагмент не был передан. Таким образом, контексты 14:22 и 15:20 становятся «чемпионами» по частотности использования в рассмотренных семи переводах как грамматикализованных средств, так и лексических средств выражения континуатива, а контексты III группы идут в этой иерархии следом за ними.

Еще раз напомним, что использование глагольного средства и использование наречия не являются взаимоисключающими стратегиями: в четырех контекстах (а именно: 14:22, 15:20, 24:06 и 24:44) в лезгинском, табасаранском и/или рутульском языках встречаются переводы, в которых в одном и том же контексте употреблен и глагол ‘все еще быть’, и наречие ‘все еще’.

5.2. Языки

С точки зрения частотности использования тех или иных средств выражения континуативности языки нашей выборки делятся прежде всего на те, которые обладают глаголами ‘все еще быть, оставаться’ (восточнолезгинские и рутульский), и языки без таких глаголов (цахурский и удинский).

Если говорить об употреблении континуативной конструкции (в основном это континуативный презенс ‘все еще делает’), то чаще всего она встречается в табасаранском и рутульском (по 3 раза). Использование лексического глагола ‘все еще быть’ наиболее распространено в переводах на восточнолезгинские языки (5–7 раз). По сумме всех контекстов употребления конструкции и лексического глагола «чемпионом» оказывается табасаранский язык, хотя три других языка отстают от него лишь ненамного. Во всех языках, кроме агульского, отмечается и использование наречий ‘все еще’, хотя только по 2–3 раза.

Принципиальных различий между тремя переводами, в которых из средств выражения континуативности использованы только наречия, нет: во всех из них наречие ‘все еще’ более частотно (5–6 раз), чем в остальных четырех языках. Можно отметить разве что использование других наречий, прежде всего ‘еще, больше’, в двух переводах из трех. В цахурском и варташенском удинском переводах можно усмотреть влияние Синадального русского текста: в 6 случаях в цахурском и 7 случаях в варташенском удинском наречия использованы в тех же контекстах, что и *еще* в русском переводе²¹.

Таблица 5

Распределение средств выражения по языкам

	Конструкция	Глагол	Наречия	Сумма
Лезгинский	1	7	3	11
Табасаранский	3	5	2	10
Агульский	0	6	0	6
Рутульский	3	3 (4)	3	9
Цахурский	—	—	5 + 2	7
Удинский (нидж.)	—	— (1)	6	6
Удинский (варт.)	—	—	6 + 3	9

²¹ О том, что для употребления показателя континуатива в соответствующем контексте «важным фактором оказывается наличие или отсутствие показателя континуатива в тексте, с которого

Суммировав частотность употребления глаголов и наречий, можно получить оценку того, поддерживается ли выражение континуативного значения хотя бы каким-либо средством (помимо общего имперфективного, стативного или результативного аспектуального значения). Здесь вновь «выигрывают» табасаранский, а также лезгинский языки с максимальными значениями 10 и 11, т. е. в соответствующих переводах хотя бы одно из средств использовано в 10 или 11 контекстах из 17.

5.3. Выводы

Итак, сделанные обобщения о распределении средств выражения континуативности в семи переводах позволили выявить те контексты, в которых лезгинские языки нашей выборки чаще всего использовали соответствующие средства. Само по себе значительное различие между 17 континуативными контекстами в том, насколько часто в языках для перевода данных контекстов выбираются специальные средства, неудивительно и отмечено в работе А. Б. Пановой. В ее выборке из 33 переводов число языков, использовавших показатель континуатива в определенном контексте, варьирует от 22 (в 14:22) и 25 (в 15:20) до 3 (в 3:21) и 4 (в 24:51) [Панова 2023: 446–449]. По всей видимости, данная иерархия контекстов всегда будет лингвоспецифичной, однако нельзя не заметить, что крайние точки иерархии в выборке А. Б. Пановой совпадают с таковыми для семи переводов на лезгинские языки, в которых именно контексты в стихах Лк. 14:22 и 15:20 демонстрируют наибольшие значения (см. таблицу 4 выше).

Мы также смогли установить, в каких из семи переводов на лезгинские языки средства выражения континуатива — как специализированные, так и нет — использовались чаще всего. В основном наблюдаемая ситуация здесь подтверждает то, что можно было ожидать исходя из описаний соответствующих языков. Отметим прежде всего, что хотя в описаниях восточнолезгинских языков и рутульского континуативные конструкции не всегда занимают достойное место, тем не менее, в двух других языках — цахурском и удинском — никакого специального средства выражения континуатива помимо наречий рассмотренные контексты не обнаружили, подтвердив, таким образом, что в данных языках такого рода средства отсутствуют (а не просто не были замечены авторами описаний).

Грамматикализованная континуативная конструкция с глаголом ‘все еще быть, оставаться’ была использована редко: по три раза в табасаранском и рутульском, один раз в лезгинском и ни разу в агульском. Такой результат слабо коррелирует со степенью интеграции конструкции в видо-временную систему: в лезгинском языке континуативные аналитические формы уже морфологизованы и включаются в глагольную парадигму, в отличие от остальных трех языков. Тем не менее, в целом цифры настолько невелики, что делать какие-то определенные выводы о степени грамматикализации континуативной конструкции на основе ее частотности в переводе кажется преждевременным. А. Б. Панова [2023: 435] в своей статье высказывает предположение о том, что «число вхождений показателей континуатива в континуативных контекстах (по отношению к общему числу континуативных контекстов в тексте) можно интерпретировать как оценку степени грамматикализации этих показателей», хотя далее автор и делает оговорку о том, что предложенный метод упрощает реальную картину. В нашем случае континуативные контексты Евангелия от Луки подтверждают большую степень грамматикализации выражения континуативного значения в восточнолезгинских языках и рутульском, но скорее не противопоставляют

делался перевод» (например, древнегреческого или английского), пишет и А. Б. Панова [2023: 452]. В нашем случае, как мы отмечали во Введении, нет оснований предполагать, что какой-то из переводов Евангелия от Луки был выполнен с одного конкретного языка, за исключением варташенского удинского перевода конца XIX в., сделанного с русской Синодальной версии.

по степени грамматикализации континуатива последние четыре языка между собой. В целом же восточнолезгинские языки и рутульский, имеющие особые континуативные глаголы и глагольные формы, занимают промежуточное место на условной «иерархии» языков по степени грамматикализации континуатива, отраженной в частотности его использования в 17 контекстах: по данным работы [Панова 2023], максимальное число вхождений (12 случаев) среди языков ее выборки отмечено в одном из языков Южной Америки (мапуче), в значительном числе языков число таких вхождений составляет 3–4 (в двух языках показатели континуатива не встретились ни в одном контексте).

Заметим, что если не различать употребления в переводах континуативной конструкции и лексического глагола ‘все еще быть, оставаться’, то разница между четырьмя языками окажется несущественной (во всех четырех от 6 до 8 употреблений). В целом между использованием глагола ‘все еще быть, оставаться’ как самостоятельной вершины клаузы и континуативной аналитической формой, включающей этот же глагол в качестве вспомогательного, нет принципиального различия. Можно считать, что, выражая континуативность существования или нахождения субъекта, мы могли бы использовать аналитическую континуативную форму от глагола ‘быть, находиться’ (условно, «будучи оставаясь»), однако такую форму мы не используем, поскольку данный смысл лексикализован уже в самом глаголе ‘все еще быть’ типа лезгинского *ama* или рутульского *ma'dva*. Поэтому относительная редкость континуативной конструкции в переводах может объясняться прежде всего тем, что в значительной части контекстов речь идет именно о продолжении ситуации бытия, нахождения (ср. ‘будучи еще в дороге’, ‘будучи еще далеко’, ‘будучи еще в Галилее’, ‘места еще есть’ и пр.), где употреблена соответствующая лексема.

Ожидаемым также кажется тот факт, что в языках без специализированных континуативных глаголов или конструкций (т. е. в цахурском и удинском) наречия ‘все еще’ и ‘еще, больше’ оказались в переводах более частотными. В случае цахурского и варташенского удинского переводов возможно влияние Синодального русского перевода Евангелия от Луки. Для варташенского перевода XIX в. такое влияние бесспорно и не раз отмечалось в литературе (см., например, [Schulze 2001; Сихарулидзе 2008]). Для современных же переводов Института перевода Библии мы в целом считаем влияние русского языка маловероятным, хотя эта тема нуждается в дополнительном исследовании (и не только на материале континуативных контекстов).

6. Заключение

В данной работе мы суммировали сведения о средствах выражения континуативного значения (‘все еще делать’, ‘продолжать делать’) в лезгинских языках с фокусом на такие специализированные и специфические именно для данной группы нахско-дагестанской семьи средства, как стативные глаголы со значением ‘все еще быть, оставаться’ и аналитические континуативные конструкции с ними в роли вспомогательных глаголов. Континуативные бытийные глаголы со значением ‘все еще быть, оставаться’ отмечены в четырех языках группы — трех восточнолезгинских (агульском, лезгинском и табасаранском) и рутульском, в других языках они отсутствуют, хотя в них могут иметься не стативные глаголы с близким значением. Континуативные конструкции с деепричастиями и инфинитивом смыслового глагола (чаще всего — с имперфективным деепричастием) отмечаются в тех же четырех языках, хотя занимают в описаниях этих языков разное место — за исключением лезгинского, конструкции с вспомогательным глаголом ‘все еще быть, оставаться’ описываются лишь в наиболее недавних по времени грамматических очерках. В арчинском языке, где отсутствует стативный глагол ‘все еще быть, оставаться’, континуативные конструкции также имеются и образуются при помощи особого континуативного деепричастия и обычной связки. При этом можно отметить, что корни континуативного

глагола ‘все еще быть, оставаться’ имеют вид *ta- / mi- / me-*, а суффикс континуативного деепричастия выглядит как *-ta-t* (с конечным показателем, вероятно имеющим локативную этимологию), что может указывать на общность происхождения континуативных морфем на пралезгинском уровне.

Второй задачей работы было проанализировать дистрибуцию средств выражения континуативности на примере 17 континуативных контекстов из Евангелия от Луки, выделенных ранее в типологическом исследовании А. Б. Пановой. Здесь мы учитывали как специализированные средства (континуативный глагол и континуативные конструкции), так и наречия со значением ‘еще, все еще’. К рассмотрению было привлечено семь переводов на шесть языков (удинский представлен двумя переводами). Более чем в половине случаев — если за множество случаев взять переводы всех 17 контекстов на все 7 идиомов, — континуативное значение не выражалось специальным образом, а, как правило, передавалось имперфективными формами, чаще всего зависимыми (деепричастиями). Тем не менее, в восточнолезгинских языках и рутульском было отмечено использование специализированных средств, связанных с глаголами ‘все еще быть, оставаться’, и в тех же языках, но в еще большей степени — в цахурском и удинском — было отмечено использование континуативных наречий. Мы выделили как «иерархию» контекстов с точки зрения частотности использования различных средств выражения континуативности, так и (условную) «иерархию» языков с точки зрения частотности использования этих средств в 17 контекстах. Что же касается соотношения между частотностью употребления именно континуативных конструкций и степенью их описанности в источниках, то здесь явной корреляции не наблюдается: хотя и в чуть разной степени, но все четыре языка, где эти средства есть, использовали их в тексте перевода.

Наше исследование не позволило обнаружить ранее неописанные континуативные показатели в языках лезгинской группы. Тем не менее, оно продемонстрировало, что те конструкции, которые в описаниях занимают периферийное положение, а иногда не упоминаются совсем, должны занять более достойное место в грамматических очерках соответствующих языков (агульского, табасаранского и рутульского).

Приложение

Дополнительные материалы к статье, доступные по ссылке <https://vja.ruslang.ru/sites/default/files/articles/files/kontinuativnye-konstrukcii-v-lezginiskikh-yazykakh.xls>, содержат семь таблиц, в которых приведены переводы 17 континуативных контекстов (по [Панова 2023]) на каждый из языков перевода, с кодированием использованного средства, а также таблицу, в которой суммированы средства, использованные для передачи континуативного значения в 7 переводах 17 контекстов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

1–4 — род (именной класс)
 1PL — 1-е лицо мн.ч.
 1SG — 1-е лицо ед.ч.
 3SG — 3-е лицо ед.ч.
 ABS — абсолютив
 ABSTR — абстрактное имя
 ADD — аддитив
 ADV — адвербиализатор
 ALL — аллатив

AOR — аорист
 ATTR — атрибутив
 COP — связка
 CNT — континуатив
 CVB — деепричастие
 DAT — датив
 EL — элатив
 EMPH — эмфатический префикс
 ERG — эргатив

GEN — генитив	NPL — неличный класс мн.ч.
H — личный класс	OBL — косвенная основа
HAB — хабитуалис	PFV — перфектив
HORT — гортатив	PL — множественное число
HPL — личный класс мн.ч.	POST — локализация ‘сзади’
IMP — императив	PRF — перфект
IN — локализация ‘внутри’	PRS — настоящее время
INCL — инклюзив	PST — прошедшее время
INF — инфинитив	PTCL — частица
INTER — локализация ‘в массе; между’	PTCP — причастие
IPFV — имперфектив	PV — преверб
LOC — локативная форма	RE — рефактив
MNR — показатель образа действия	SUBST — субстантиватор
N — неличный класс	SUPER — локализация ‘сверху’
NEG — отрицание	TEMP — темпоральная форма

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ²²

- Библия. *Современный русский перевод*. М.: РБО, 2011.
- Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXX. Тифлис, 1902 (удинский (варташенский)); цитируется по переизданию [Schulze 2001].
- Лукадаады Шадды Хабар*. М.: ИПБ, 2004 (рутульский).
- Лукайин Китаб. Месигь Исайихъяс Идже Хабар*. М.: ИПБ, 2005 (агульский).
- Лукайкена Шадна хабар*. М.: ИПБ, 2003 (цахурский).
- Цийи Икърар*. М.: ИПБ, 2010 (табасаранский).
- Цийи Икърар*. М.: ИПБ, 2018 (лезгинский).
- Bibliya: Mat'fey, Mark', Luk'a, Ioan, İvel Girk*. Bakı: Azərbaycan Bibliya Cəmiyyəti, 2020 (удинский (ниджский)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеев 1985 — Алексеев М. Е. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис*. М.: Наука, 1985. [Alekseev M. E. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoi grammatiki lezginiskikh yazykov. Morfologiya. Sintaksis* [Topics in the comparative and historical grammar of the Lezgi languages. Morphology. Syntax]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Алексеев 2011 — Алексеев М. Е. *Перевод Библии на языки народов России: социолингвистические аспекты*. М.: Academia, 2011. [Alekseev M. E. *Perevod Biblii na yazyki narodov Rossii: sotsiolingvistsicheskie aspekty* [Translating the Bible into the languages of Russia: Sociolinguistic aspects]. Moscow: Academia, 2011.]
- Алисултанов, Сулейманова 2019 — Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. *Рутульско-русский словарь*. Махачкала: Алеф, 2019. [Alisultanov A. S., Suleimanova T. A. *Rutul'sko-russkii slovar'* [Rutul-Russian dictionary]. Makhachkala: Alef, 2019.]
- Гайдаров и др. 2009 — Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. *Современный лезгинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. [Gaidarov R. I., Gyl'magomedov A. G., Meilanova U. A., Talibov B. B. *Sovremennyi lezginiskii yazyk* [Modern Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2009.]
- Ганиева 2007 — Ганиева Ф. А. *Джабинский диалект лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. [Ganieva F. A. *Dzhabinskii dialekt lezginiskogo yazyka* [The Jabin dialect of Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2007.]

²² Все цитируемые переводы Института перевода Библии доступны на сайте <http://ibt.org.ru/>; современный удинский перевод доступен на сайте <https://www.udibibliya.com/>.

- Ганиева 2008 — Ганиева Ф. А. *Курушский говор лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2008. [Ganieva F. A. *Kurushskii govor lezginского yazyka* [The Kurush variety of Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2008.]
- Ганиева 2011 — Ганиева Ф. А. *Диалекты и говоры самурского наречия лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. [Ganieva F. A. *Dialekty i govory samurskogo narechiya lezginского yazyka* [Dialects and varieties of Samur Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2011.]
- Ганиева (сост.) 2011 — Ганиева А. М. (сост.). *Свод памятников фольклора народов Дагестана*. Т. 1. *Сказки о животных*. М.: Наука, 2011. [Ganieva A. M. (comp.). *Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana* [A collection of the Dagestani people's folklore]. Vol. 1. *Skazki o zivotnykh* [Animal fairy tales]. Moscow: Nauka, 2011.]
- Гасанова и др. 2020 — Гасанова С. Н., Алхасов Г. А., Бицимазаева Л. М. *Агуларин хикатар. Агульские сказки*. Махачкала: Алеф, 2020. [Gasanova S. N., Alkhasov G. A., Bitsimazaeva L. M. *Avularin hikatar. Agul'skie skazki* [Aghul fairy tales]. Makhachkala: Alef, 2020.]
- Генко 2005 — Генко А. Н. *Табасаранско-русский словарь*. М.: Academia, 2005. [Genko A. N. *Tabasarsko-russkii slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary]. Moscow: Academia, 2005.]
- Гукасян 1974 — Гукасян В. Л. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Элм, 1974. [Gukasyan V. L. *Udinsko-azerbaidzhansko-russkii slovar'* [Udi-Azerbaijani-Russian dictionary]. Baku: Elm, 1974.]
- Дашлай, Дашлай 2021 — Дашлай Я. Ф., Дашлай Ф. З. *Рыжик / Чуры / Чорай (на русском, рутульском и цахурском языках)*. Махачкала: ДГУ, 2021. [Dashlai Ya. F., Dashlai F. Z. *Ryzhik / Č'urij / Č'oraj (na russkom, rutul'skom i tsakhurskom yazykakh)* [Ryzhik (in Russian, Rutul, and Tsakhur)]. Makhachkala: Dagestani State Univ., 2021.]
- де Ваард, Найда 1998 — де Ваард Я., Найда Ю. А. *На новых языках заговoryят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах*. Алексеева Е. Л., Савенкова Е. Д. (пер.), Алексеев А. А. (ред.). СПб.: Российское библейское общество, 1998. [de Waard J., Nida E. A. *Na novykh yazykakh zagovoryat. Funktsional'naya ekvivalentnost' v bibleiskikh perevodakh* [They shall speak with new tongues. Functional equivalence in Bible translating]. Alekseeva E. L., Savenkova E. D. (trans.), Alekseev A. A. (ed.). St. Petersburg: Russian Bible Society, 1998.]
- Дирр 1907 — Дирр А. М. Агульский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 37. Тифлис, 1907. [Dirr A. M. The Aghul language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 37. Tiflis, 1907.]
- Дирр 1908 — Дирр А. М. Арчинский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 39. Тифлис, 1908. [Dirr A. M. The Archi language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 39. Tiflis, 1908.]
- Дирр 1912 — Дирр А. М. Рутульский язык. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 52. Тифлис, 1912. [Dirr A. M. The Rutul language. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*. No. 52. Tiflis, 1912.]
- Жирков 1948 — Жирков Л. И. *Табасаранский язык. Грамматика и тексты*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. [Zhirkov L. I. *Tabasarsanskii yazyk. Grammatika i teksty* [The Tabasaran language. Grammar and texts]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1948.]
- Загиров и др. 2014 — Загиров З. М., Загиров В. М., Курбанов К. К., Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. *Современный табасаранский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. [Zagirov Z. M., Zagirov V. M., Kurbanov K. K., Khanmagomedov B. G.-K., Shalbusov K. T. *Sovremennyy tabasarsanskii yazyk* [Modern Tabasaran]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2014.]
- Ибрагимов 1978 — Ибрагимов Г. Х. *Рутульский язык*. М.: Наука, 1978. [Ibragimov G. Kh. *Rutul'skii yazyk* [The Rutul language]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Ибрагимов 1990 — Ибрагимов Г. Х. *Цахурский язык*. М.: Наука, 1990. [Ibragimov G. Kh. *Tsakhurskii yazyk* [The Tsakhur language]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Ибрагимов 2004 — Ибрагимов Г. Х. *Рутульский язык. Синхрония и диахрония*. Махачкала: Народы Дагестана, 2004. [Ibragimov G. Kh. *Rutul'skii yazyk. Sinkhroniya i diakhroniya* [The Rutul language. Synchrony and diachrony]. Makhachkala: Peoples of Dagestan, 2004.]
- Ибрагимов, Нурмамедов 2010 — Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. *Цахурско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. [Ibragimov G. Kh., Nurmamedov Yu. M. *Tsakhursko-russkii slovar'* [Tsakhur-Russian dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2010.]

- Исмаилова 2011 — Исмаилова Э. И. *Русско-рутulьский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. [Ismailova E. I. *Russko-rutul'skii slovar'* [Russian-Rutul dictionary]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2011.]
- Касьян 2014 — Касьян А. С. К формальной генеалогической классификации лезгинских языков. *Вопросы языкового родства*, 2014, 11: 63–80. [Kassian A. S. Towards a formal genealogical classification of the Lezgian languages. *Journal of Language Relationship*, 2014, 11: 63–80.]
- Кибрик 1977а — Кибрик А. Е. *Опыт структурного описания арчинского языка*. Т. 2: *Таксономическая грамматика*. М.: МГУ, 1977. [Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 2: *Taksonomicheskaya grammatika* [Taxonomic grammar]. Moscow: Moscow State Univ., 1977.]
- Кибрик 1977б — Кибрик А. Е. *Опыт структурного описания арчинского языка*. Т. 3: *Динамическая грамматика*. М.: МГУ, 1977. [Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 3: *Dinamicheskaya grammatika* [Dynamic grammar]. Moscow: Moscow State Univ., 1977.]
- Кибрик, Тестелец 1999 — Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999. [Kibrik A. E., Testelets Ya. G. (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of Tsakhur in a typological perspective]. Moscow: Nasledie, 1999.]
- Курбанов 2001 — Курбанов К. К. Грамматический очерк табасаранского языка. *Табасаранско-русский словарь*. Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. М.: Наука, 2001. [Kurbanov K. K. A grammar sketch of Tabasaran. *Tabasaransko-russkii slovar'*. Khanmagomedov B. G.-K., Shalbuзов K. T. Moscow: Nauka, 2001.]
- Магомедов 1965 — Магомедов А. А. *Табасаранский язык: исследование и тексты*. Тбилиси: Мецниереба, 1965. [Magometov A. A. *Tabasaranskii yazyk: issledovanie i teksty* [Tabasaran: A study and texts]. Tbilisi: Mecniereba, 1965.]
- Магомедов 1970 — Магомедов А. А. *Агульский язык: исследование и тексты*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Magometov A. A. *Agul'skii yazyk: issledovanie i teksty* [Aghul: A study and texts]. Tbilisi: Mecniereba, 1970.]
- Мазанаев 2014 — Мазанаев Ш. А. *Агульско-русский словарь*. Махачкала: ДГУ, 2014. [Mazanaev Sh. A. *Agul'sko-russkii slovar'* [Aghul-Russian dictionary]. Makhachkala: Daghestanian State Univ., 2014.]
- Майсак 2019 — Майсак Т. А. Переводы «Отче наш» в истории удинского языка. *Родной язык*, 2019, 1: 114–145. [Maisak T. A. Translations of the Lord's Prayer in the history of Udi. *Rodnoy Yazyk*, 2019, 1: 114–145.]
- Майсак 2021 — Майсак Т. А. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках. *Дурхъаси хазна. Сб. ст. к 60-летию Р. О. Муталова*. Майсак Т. А., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Буки Веди, 2021, 220–257. [Maisak T. A. The “grammar of pretending”: Towards an intragenetic microtypology of one construction in the Nakh-Daghestanian languages. *Durqazi hazna. Papers on the occasion of Rasul Mutalov's 60th anniversary*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testelets Ya. G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2021, 220–257.]
- Махмудова 2001 — Махмудова С. М. *Морфология рутulьского языка*. М.: Институт языкознания РАН, 2001. [Makhmudova S. M. *Morfologiya rutul'skogo yazyka* [Rutul morphology]. Moscow: Institute of Linguistics, 2001.]
- Мейланова 1964 — Мейланова У. А. *Очерки лезгинской диалектологии*. М.: Наука, 1964. [Meilanova U. A. *Ocherki lezgin'skoi dialektologii* [Studies in Lezgian dialectology]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Мейланова 1984 — Мейланова У. А. *Будухско-русский словарь*. М.: Наука, 1984. [Meilanova U. A. *Budukhsko-russkii slovar'* [Budukh-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Мерданова 2004 — Мерданова С. Р. *Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хтыокского говора)*. М.: Советский писатель, 2004. [Merdanova S. R. *Morfologiya i grammaticheskaya semantika agul'skogo yazyka (na materiale khpyuk'skogo govora)* [Morphology and grammatical semantics of Aghul (a study of the Khpyuk idiom)]. Moscow: Sovetskii pisatel', 2004.]
- Микайлов 1967 — Микайлов К. Ш. *Арчинский язык. Грамматический очерк с текстами и словарями*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1967. [Mikhailov K. Sh. *Archinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk s tekstami i slovaryami* [The Archi language. A grammar sketch with texts and dictionaries]. Makhachkala: Daghestanian department of the Academy of Sciences of the USSR, 1967.]

- Мобили 2010 — Мобили Р. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Леман, 2010. [Mobili R. *Udinsko-azerbaidzhansko-russkii slovar'* [Udi-Azerbaijani-Russian dictionary]. Baku: Leman, 2010.]
- Панова 2023 — Панова А. Б. Континуативные контексты в Евангелии от Луки. [Panova A. B. Continuatve contexts in the Gospel of Luke.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 19(3): 432–467.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Рамазанов 2010 — Рамазанов М. Р. *Агульско-русский словарь*. Махачкала: Лотос, 2010. [Ramazanov M. R. *Agul'sko-russkii slovar'* [Aghul-Russian dictionary]. Makhachkala: Lotos, 2010.]
- Рамазанов 2014 — Рамазанов М. Р. *Грамматика агульского языка: научно-нормативное исследование*. Махачкала: Лотос, 2014. [Ramazanov M. R. *Grammatika agul'skogo yazyka: nauchno-normativnoe issledovanie* [A grammar of Aghul: A scientific and normative study]. Makhachkala: Lotos, 2014.]
- Селимов 2010 — Селимов А. А. *Словарь восточных заимствований лезгинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. [Selimov A. A. *Slovar' vostochnykh zaимstvovaniy lezginского yazyka* [A dictionary of eastern borrowings in Lezgian]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2010.]
- Сихарулидзе 2008 — Сихарулидзе Т. Т. О параллельном русско-удинском тексте Святого Евангелия. *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка*. Алексеев М. Е., Майсак Т. А. (отв. ред.). М.: Academia, 2008, 432–440. [Sikharulidze T. T. On the parallel Russian-Udi text of the Holy Gospel. *Udinskii sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka*. Alekseev M. E., Maisak T. A. (eds.). Moscow: Academia, 2008, 432–440.]
- Сулейманов 1993 — Сулейманов Н. Д. *Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1993. [Suleimanov N. D. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektov agul'skogo yazyka* [A comparative and historical study of Aghul dialects]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 1993.]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Tanty variety of Dargwa: A grammar sketch, aspects of syntax]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.]
- Талибов 1966 — Талибов Б. Б. Грамматический очерк лезгинского языка. *Лезгинско-русский словарь*. Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Talibov B. B. A grammar sketch of Lezgian. *Lezginско-russkii slovar'*. Talibov B. B., Gadzhiev M. M. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.]
- Талибов 2007 — Талибов Б. Б. *Будухский язык*. М.: Academia, 2007. [Talibov B. B. *Budukhskii yazyk* [The Budukh language]. Moscow: Academia, 2007.]
- Талибов, Гаджиев 1966 — Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. *Лезгинско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Talibov B. B., Gadzhiev M. M. *Lezginско-russkii slovar'* [Lezgian-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.]
- Тарланов 1994 — Тарланов З. К. *Агулы: их язык и история*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. [Tarlanov Z. K. *Aguly: ikh yazyk i istoriya* [The Aghuls: Their language and history]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 1994.]
- Тарланов 2013 — Тарланов З. К. *Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. [Tarlanov Z. K. *Problemy obshchei grammatiki i grammatika agul'skogo yazyka* [Topics in general grammar and Aghul grammar]. Makhachkala: Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, 2013.]
- Услар 1979 — Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание. VII: Табасаранский язык*. Тбилиси: Мецниереба, 1979. [Uslar P. K. *Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie* [Ethnography of the Caucasus. The study of language]. VII: *Tabasaranskii yazyk* [The Tabasaran language]. Tbilisi: Mecniereba, 1979.]
- Ханмагомедов, Шалбузов 2001 — Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. *Табасаранско-русский словарь*. М.: Наука, 2001. [Khanmagomedov B. G.-K., Shalbuзов K. T. *Tabasaransko-russkii slovar'* [Tabasaran-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 2001.]

- Хомченкова (ред.) 2023 — Хомченкова И. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 9. Параллельный корпус как грамматическая база данных и Новый Завет как параллельный корпус. [Khomchenkova I. A. (ed.). Studies in grammar theory. No. 9. Parallel corpora as a grammar database and the New Testament as a parallel corpus.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2023, 19(3).
- Чумакина и др. 2007 — Чумакина М. Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г. Г. *Словарь арчинского языка (арчинско-русско-английский)*. Махачкала: Деловой мир, 2007. [Chumakina M. E., Brown D., Quilliam H., Corbett G. G. *Slovar' archinskogo yazyka (archinsko-russko-angliiskii)* [A dictionary of Archi (Archi-Russian-English)]. Makhachkala: Delovoi mir, 2007.]
- Шаумян 1941 — Шаумян Р. М. *Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Shaumyan R. M. *Grammaticheskii ocherk agul'skogo yazyka (s tekstami i slovarem)* [A grammar sketch of Aghul (with texts and a dictionary)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1941.]
- Alekseev 1994 — Alekseev M. Rutul. *Indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4: North East. *Caucasian languages*. Part 2. Smeets R. (ed.). Delmar (NY): Caravan books, 1994, 213–258.
- Authier 2009 — Authier G. *Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris: Peeters, 2009.
- Babaliyeva 2007 — Babaliyeva A. *Présentation du dialecte Lezgi de Yargun (Azerbad'djan): grammaire, textes glosés et traduits. Mémoire principal de Master II*. Paris: École Pratique des hautes études, 2007.
- Babaliyeva 2013 — Babaliyeva A. *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des hautes études, 2013.
- Babaliyeva 2023 — Babaliyeva A. Standard Tabasaran: Short grammar sketch. *Languages of the Caucasus*, 2023, 6(1): 1–51. <https://escholarship.org/uc/item/7m61j4w5>.
- Chumakina 2012 — Chumakina M. Periphrasis in Archi. *Periphrasis. The role of syntax and morphology in paradigms*. Chumakina M., Corbett G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 27–52.
- Chumakina 2020 — Chumakina M. Archi. *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 281–316.
- Cysouw, Wälchli 2007 — Cysouw M., Wälchli B. Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. *Sprachtypologie & Universalienforschung*, 2007, 60(2): 95–99.
- Dahl, Wälchli 2016 — Dahl Ö., Wälchli B. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*, 2016, 51(3): 325–348.
- Gippert et al. 2008 — Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. *The Caucasian Albanian palimpsests of Mount Sinai. Edition and interpretation*. 2 vols. Turnhout: Brepols, 2008.
- Gippert 2023 — Gippert J. The textual heritage of Caucasian Albanian. *Caucasian Albania: An international handbook*. Gippert J., Dum-Tragut J. (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023, 95–166. <https://doi.org/10.1515/9783110794687-003>.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993.
- Hümmətov, Rind-Pawłowski 2020 — Hümmətov (Qırızlı) İ. Ə., Rind-Pawłowski M. *Qırızca-azərbaycanca-ingiliscə lüğət*. Baku: AFPoligraf, 2020.
- Kramer 2017 — Kramer R. L. *Position paper on phasal polarity expressions*. Hamburg: Univ. of Hamburg, 2017. <https://www.aai.uni-hamburg.de/afrika/php2018/medien/position-paper-on-php.pdf>.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Maisak 2020 — Maisak T. *The verb paradigm in Kina Rutul*. Basic research program. Working papers. Moscow: HSE Univ., 2020. <https://wp.hse.ru/data/2020/10/27/1359252160/95LNG2020.pdf>.
- Nikolayev, Starostin 1994 — Nikolayev S. L., Starostin S. A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk, 1994.
- Panova 2021 — Panova A. *Towards a typology of continuative expressions*. Master's thesis. Moscow: HSE Univ., 2021. <https://www.academia.edu/50751325>.
- Plungian 1999 — Plungian V. A typology of phasal meanings. *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. Abraham W., Kulikov L. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999, 311–322.
- Schulze 2001 — Schulze W. *The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. Munich; Newcastle: LINCOM Europa, 2001.

- Sumbatova, Mutalov 2003 — Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A grammar of Icarì Dargwa*. München: LINCOM Europa, 2003.
- van Baar 1997 — van Baar T. M. *Phasal polarity*. Ph.D. thesis. Amsterdam: Univ. of Amsterdam, 1997.
- van der Auwera 1993 — van der Auwera J. ‘Already’ and ‘still’: Beyond duality. *Linguistics and Philosophy*, 1993, 16(6): 613–653.
- van der Auwera 1998 — van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe*. van der Auwera J. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998, 25–145.
- Wälchli 2005 — Wälchli B. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Wälchli, Cysouw 2012 — Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, 2012, 50(3): 671–710.

Получено / received 26.07.2023

Принято / accepted 21.11.2023

Семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка: от морфосинтаксиса к семантике и обратно

© 2024

Алексей Миронович Старченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
aleksey-starchenko@mail.ru

Аннотация: Работа описывает семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка в рамках фреймового подхода к лексической типологии. В исследовании рассматриваются лексические единицы макрофреймов поиска объекта ('искать'): глагол *q̄arirək* и лексические аффиксы *-rerək* и *-yilik*; глаголы макрофрейма обследования пространства ('обыскивать'): *ojpətkok* и *rəritlʔewək* — и глагол *enarərək*, который покрывает оба макрофрейма, а также может обозначать безобъектный поиск. Помимо семантических противопоставлений внутри каждого макрофрейма, работа обсуждает взаимодействие морфосинтаксиса, этимологии и семантики единиц поля. Во-первых, получают историческое объяснение свойства глагола *enarərək*, уникального с точки зрения выражения валентностей, благодаря чему становится возможна его широкая семантика. Объяснение опирается на историческое присутствие в этом глаголе показателя антипассива и одновременно на факт утраты этой залоговой альтернативы в амгуэмском диалекте. Во-вторых, рассматриваются различия в поведении самостоятельных лексем и лексических аффиксов, конкурирующих в макрофрейме поиска объекта. Делается вывод о корреляции референтности / нереперентности объекта и степени связанности морфемы со значением поиска, причем корреляция внутри рассматриваемого семантического поля проявляется в виде ограничений на сочетаемость, не обязательных для самостоятельных глаголов и лексических аффиксов вне поля. В-третьих, для макрофрейма обыскивания пространства прослеживается перенос семантических ограничений на сочетаемость из поля-донора.

Ключевые слова: глаголы поиска, лексика, лексическая типология, полисемия, чукотский язык, чукотско-камчатские языки

Благодарности: Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 23-00-012 «Смежность семантических полей в типологической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)». Автор благодарен А. И. Виняру, И. А. Зибер, П. А. Касьяновой, Т. И. Резниковой, Д. А. Рыжовой и двум анонимным рецензентам за советы и комментарии. Все ошибки остаются на совести автора.

Для цитирования: Старченко А. М. Семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка: от морфосинтаксиса к семантике и обратно. *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 99–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.99-127

Semantic field SEARCH in Amguema Chukchi: From morphosyntax to semantics and back

Aleksey M. Starchenko

HSE University, Moscow, Russia; aleksey-starchenko@mail.ru

Abstract: The study describes the semantic field of search in Amguema Chukchi within the frame-based approach to lexical typology. I discuss lexical items of the macroframe of seeking an object ('search

for something’): the verb *q̄arirək* and the lexical affixes *-rerək* and *-yilik*; verbs of the macroframe of searching space (‘search some place’): *ojpət̄kok* и *r̄aritt̄?ewək*; and the verb *enarērək*, which covers both macroframes and can also describe objectless search. In addition to unveiling semantic oppositions within each macroframe, the study examines in detail the interaction of morphosyntax, etymology, and semantics of the items of the field. First, a historical explanation is provided for the properties of the verb *enarērək*, unique with respect to valency expression, which yields its broad semantics. The explanation is based on the historical presence of the antipassive prefix in this verb and, at the same time, on the fact that this voice alternation has been lost in the Amguema dialect. Secondly, differences in the behavior of independent lexemes and lexical affixes that compete in the macroframe of searching for an object are considered. I conclude that there is a correlation between the referentiality of the searched object and the degree of boundedness of the morpheme with the meaning ‘to search’. Noticeably, the correlation within the semantic field of search manifests itself in the form of combinability restrictions that are not obligatory for independent verbs or lexical affixes outside the field. Thirdly, for the macroframe of searching space, I trace the transmission of semantic restrictions on combinability from the source field.

Keywords: Chukchi, Chukotko-Kamchatkan, lexical typology, lexicon, polysemy, verbs of search

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant No. 23-00-012 “Contiguity of semantic fields in a typological perspective”). I am grateful to Alexey Vinyar, Inna Ziber, Polina Kasyanova, Tatiana Reznikova, Daria Ryzhova, and two anonymous reviewers for their insightful comments and corrections. All possible errors are mine.

For citation: Starchenko A. M. Semantic field SEARCH in Amguema Chukchi: From morphosyntax and back. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 99–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.99-127

1. Введение

Настоящее исследование посвящено семантическому полю поиска в чукотском языке (< чукотско-камчатская языковая семья). Под поиском мы понимаем последовательность действий для обнаружения объекта с целью присвоить его или вступить с ним во взаимодействие.

Работа опирается на фреймовый подход [Рахилина, Резникова 2013], предполагающий выделение внутри семантического поля ситуаций-фреймов, каждой из которых соответствует набор контекстов. Составленная на их основе анкета позволяет определить, каким образом фреймы поля распределены между лексемами исследуемого языка.

Статья проводит основное разделение между макрофреймами поиска объекта (~искать) и обследования пространства (~обьискивать) на основании того, что для каждой из этих зон поля в чукотском языке оказываются релевантными отдельные наборы параметров, и подробно рассматривает семантические противопоставления внутри этих макрофреймов.

Большинство единиц поля поиска в чукотском языке нетривиальны с точки зрения морфосинтаксических свойств — относительно других лексических единиц чукотского языка или единиц поля поиска в других языках.

Прежде всего, только две из четырех лексических единиц макрофрейма поиска объекта являются глаголами: *q̄arirək* ‘искать’ и *enarērək* ‘искать, обьискать’. Две другие единицы: *-rerək* ‘искать’ и *-yilik* ‘искать, собирать, охотиться’ — не могут выступать как самостоятельные слова, а присоединяются к именному корню, то есть являются лексическими аффиксами.

Кроме того, глагол *enarērək* обладает уникальным с точки зрения выражения зависимых для чукотского языка набором свойств: он может употребляться безобъектно, инкорпорировать пациентивного участника (далее Р-участника; то, что ищут), и присоединять в роли прямого объекта место поиска, покрывая практически все поле.

Две (*enarerək* и *-rerək*) или даже три (*enarerək*, *-rerək* и *qərirək*) из четырех основных единиц поля исторически родственны друг другу [Fortescue 2005: 79; Старченко 2021]. На синхронном уровне все три, однако, демонстрируют нерегулярные соотношения, не позволяющие анализировать их как содержащие одну и ту же основу.

Наконец, чукотский язык имеет ряд специализированных глаголов со значением обследования пространства: *oʃpəkək* ‘обыскивать’ (от *oʃpək* ‘вдевать, всовывать’), *rəritʃewək* ‘раскидывать, обыскивать’, — которые возникают в результате переноса из других семантических полей и позволяют проследить влияние исходной семантики лексических единиц на их употребление в поле поиска.

Таким образом, чукотский язык предоставляет ряд возможностей для исследования взаимодействия морфологических свойств и значения единиц одного семантического поля. На материале чукотского можно наблюдать различия в семантическом поведении самостоятельных глаголов и лексических аффиксов, проследить судьбу нескольких исторически родственных, но синхронно нерегулярно соотносящихся единиц, а также рассмотреть эффекты, возникающие при переносе из одного семантического поля в другое.

Цель настоящей статьи — описать семантическое поле поиска в чукотском языке и охарактеризовать взаимодействие семантики единиц этого поля с их морфосинтаксическими свойствами.

Исследование в первую очередь опирается на метод элицитации. Используемые данные отражают вариант чукотского языка, на котором говорят в селе Амгуэма Чукотского автономного округа, и собраны в ходе экспедиций в это село в 2019–2022 гг. Каждый приводимый пример был переведен или оценен по крайней мере тремя носителями, в случае вариативности в оценках — большим количеством информантов. Кроме того, в качестве источника используется Мультимедийный корпус амгуэмского диалекта чукотского языка¹ (далее Мультимедийный корпус). Он содержит 65 устных текстов (общая продолжительность составляет около четырех часов), записанных в экспедициях в село Амгуэма в 2016–2018 гг., расшифрованных и аннотированных глоссами.

В исследуемом семантическом поле амгуэмские данные демонстрируют вариативность. Это, с одной стороны, может быть результатом языковой ситуации в идиоме, где естественный процесс передачи языка детям прекращен и информанты редко используют чукотский язык в повседневном общении. С другой стороны, вариативность может указывать на переходное состояние между разными системами, а значит, и на вероятные различия между диалектами. Информация об известных нам диалектных различиях будет приведена далее в работе. Тем не менее, часть полученных данных, описывающая общую картину (набор лексем и релевантные для системы параметры), может быть распространена на чукотский язык в целом и подтверждается другими источниками — в первую очередь словарем Ш. Венстена [2018], который основывается в том числе на богатом материале литературных текстов и содержит множество примеров.

Статья устроена следующим образом. Раздел 2 дает базовые сведения о чукотском языке, необходимые для обсуждения приводимых далее примеров. Раздел 3 подробнее описывает фреймовый подход к лексической типологии и обосновывает его выбор в настоящей работе, а раздел 4 кратко характеризует основные типологически релевантные противопоставления в поле поиска. Раздел 5 вводит противопоставление макрофреймов поиска объекта и обследования пространства в чукотском языке и предлагает диахроническую мотивацию широкого значения глагола *enarerək*. Раздел 6 рассматривает семантические противопоставления внутри макрофрейма поиска объекта в их взаимодействии с морфосинтаксическими особенностями и историей использующихся в нем единиц. Раздел 7 характеризует лексемы макрофрейма обследования пространства. Последний раздел представляет собой заключение.

¹ Доступен по ссылке: <https://chuklang.ru/corpus>.

2. Базовые сведения о чукотском языке

Чукотский язык распространен на крайнем северо-востоке России. Он относится к чукотско-камчатской языковой семье: вместе с близкородственными корякским, керекским и аллоторским входит в чукотско-корякскую ветвь и достаточно далеко отстоит от ительменских языков [Fortescue 2005].

Чукотский язык демонстрирует множество фонетических чередований, в том числе сингармонизм по подъему, а также ряд контактных ассимиляций и диссимиляций согласных. Так, в слове *tor-waɬə* ‘новый нож’ гласный основы *tur-* ‘новый’ под влиянием *waɬə* ‘нож’ сдвигается вниз по подъему, подвергаясь чередованию *u > o*. В форме *nə-ket-rer-qen* [st-керкер-искать2-st.3sg] ‘ищет керкер’, кроме сингармонизма, наблюдается диссимиляция *rr > tr* на границе морфем *ker-* ‘керкер, женский меховой комбинезон’ и *-rer* ‘искать’.

Падежное маркирование в чукотской клаузе последовательно следует эргативной схеме:

- (1) a. *ətɬa* *pənnek-wʔ-i*
 мать.ABS.SG [2/3.s/ʌ]расстроиться-тн-2/3sg.s
 ‘Мама расстроилась’.
- b. *ətɬa-ta* *əpən-ne-n* *əppe~en*
 мать-ERG [2/3.s/ʌ]варить-3sg.ʌ.3.o-3sg.o рыба~RED.ABS.SG
 ‘Мама сварила рыбу’.

Финитные глаголы демонстрируют субъектное согласование по лицу и числу в непереходной (1a) и обязательное субъектно-объектное согласование в переходной клаузе (1b).

Чукотский язык активно использует механизм инкорпорации. Ей могут подвергаться различные именные зависимые (например, *tor-waɬə* ‘новый нож’, образованное инкорпорацией основы прилагательного *nə-tur-qin* [st-новый-st.3sg] ‘новый’ в имя *waɬə* ‘нож’) и некоторые валентности глагола, в том числе Р-участник, в обычной диатезе выражающийся как прямой объект:

- (2) *ereqeɟ* *ənn-əpat-ʔʔ-e*
 бабушка[ABS.SG] рыба-варить-тн-2/3sg.s
 ‘Бабушка сварила рыбу’. [Vinjar 2021: 59]

Инкорпорация прямого объекта приводит к понижению переходности клаузы. В примере (2) на это указывает абсолютное, а не эргативное маркирование агентивного участника (далее А-участника) и субъектное согласование глагола, что совпадает с оформлением непереходной клаузы (1a).

Глаголы с инкорпорированным Р-участником допускают продвижение участников с ролью Бенефицианта, Места, Посессора и некоторыми другими ролями в позицию прямого дополнения (3). В таком случае клауза становится переходной, что видно по эргативному маркированию А-участника и по согласованию глагола (ср. (1b)).

- (3) *ətɬa-ta* *ekək* *ənn-əpən-ne-n*
 мать-ERG сын.ABS.SG [2/3.s/ʌ]рыба-варить-3sg.ʌ.3.o-3sg.o
 ‘Мама варит рыбу для сына’.

3. Краткая характеристика фреймового подхода

Как уже было сказано, настоящее исследование опирается на фреймовый подход к лексической типологии. Он отталкивается от понятия «фрейм», введенного в работах

Ч. Филлмора [Fillmore 1976; 2006], и расширяет его, рассматривая не только набор и морфосинтаксическое выражение валентностей лексемы, но и их семантические свойства (ср. подобное расширение на семантические противопоставления при обсуждении полисемии в работе [Fillmore, Atkins 2000]). Этот подход активно разрабатывается Московской лексико-типологической школой и уже был успешно использован для описания множества семантических полей, в том числе движения в воде [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], боли [Брицын и др. (ред.) 2009], падения [Рахилина и др. (ред.) 2020], признаков значений [Rakhilina et al. (eds.) 2022] и ряда других.

Фрейм — основная единица описания семантики в рамках данного подхода. При описании глагольного поля фрейм понимается как ситуация, которая каким-то образом отличается от других сходных ситуаций, соответствует набору языковых контекстов и хотя бы в каком-то языке может иметь особое лексическое выражение (или по крайней мере может коллектифицироваться с различными фреймами в разных языках). Основанием для выделения фреймов могут служить различные параметры: наличие и свойства аргументов лексемы, особенности самой ситуации и т. д. Более подробную характеристику подхода и его сравнение с другими подходами к лексической типологии можно найти в работе [Рахилина, Резникова 2013].

Использование фреймового подхода для описания поля поиска имеет ряд преимуществ. Основным преимуществом является тот факт, что это поле уже какое-то время исследуется в рамках подхода — начиная со сборника [ЕВРика] — в том числе разработана типологическая анкета, примененная на материале множества языков. Ее использование позволяет сопоставить данные чукотского языка с уже имеющимися и бесшовно встроить их в типологическое описание поля. Кроме того, другие распространенные лексико-типологические подходы встречают проблемы при применении их к полю поиска в чукотском языке. Так как многообразие типов поиска и находок достаточно сложно передать в виде изображения или видео, проблематично использование подхода, предполагающего элицитацию реакции носителей на внеязыковые стимулы, см. [Berlin, Kay 1969] и последующие работы школы института им. Макса Планка в Неймегене. Мы не предпринимаем попыток построения семантических представлений в духе А. Вежибцкой [Wierzbicka 1972; 1996], так как этот подход встречает ряд теоретических проблем (см. подробнее обсуждение [Рахилина, Плуныян 2007: 15–17] и ссылки в нем), а также затруднено для чукотского языка вследствие невозможности использования автором интроспекции. Проблематично и применение статистических методов, опирающихся на параллельные корпуса [Wälchli, Cysouw 2012], из-за отсутствия параллельных текстов для чукотского в достаточно большом объеме. Фреймовый подход, предполагающий анкетирование, перечисленных проблем не встречает.

4. Основные противопоставления в поле поиска

В этом разделе мы переходим непосредственно к полю поиска и с опорой на исследование [Rakhilina et al. 2020] перечисляем параметры, типологически релевантные для противопоставления лексем в семантическом поле поиска. Так как эта работа не претендует на полный охват типологии поиска, мы не будем для обоснования выделения параметров привлекать широкий языковой материал, а только укажем для каждого из них пример языка, в котором соответствующий параметр различает лексические единицы. Где это возможно, для простоты изложения выбирается русский язык, даже если в нем рассматриваемое противопоставление периферийно.

Прежде чем перечислить параметры рассматриваемого семантического поля, необходимо сделать комментарий терминологического характера. В статье нам будет нужно отсылать к тому, что ищут, — объекту поиска. Это словоупотребление не имеет никаких

синтаксических импликаций: объект поиска может быть выражен как прямой или косвенный объект, но также может быть инкорпорирован, выражен как адъюнкт или вовсе отсутствовать в структуре предложения. В тех случаях, когда слово «объект» используется в терминологическом значении, это каждый раз уточняется: или собственно с помощью отсылки к синтаксической позиции, или с помощью определений «прямой» и «косвенный».

Параметры, противопоставляющие лексемы в поле поиска, в первую очередь связаны со свойствами и синтаксическим выражением валентностей предиката:

1. Заполнение синтаксической позиции объекта: глагол может профилировать **поиск объекта** или **обследование пространства** (русск. *искать ключи* и *перерывать карманы*, *обыскать комнату* соответственно).
2. **Способность и необходимость выразить объект** поиска (ср. русск. глагол *искать*, допускающий опущение объекта только в контексте эллипсиса, *перерывать*, опционально присоединяющий его с помощью конструкции *в поисках*, например *перерывать рюкзак в поисках паспорта*, и *обыскать*, при котором объект поиска не может быть выражен).
3. **Референциальный статус** объекта поиска: референтный или нереферентный. В агульском языке (< нахско-дагестанские) это противопоставление выражается лексически с помощью глаголов *arucas* и *ʒik'arq'as* соответственно [Резникова, Мерданова 2018: 111], а в русском языке — синтаксически с помощью различных конструкций, например *искать свою жену* и *искать себе жену*.
4. **Таксономический и топологический класс участников ситуации поиска**. К примеру, в качестве субъекта поиска человек может противопоставляться животному. Так, русск. *искать* не охарактеризован с точки зрения данного параметра, а *рыскать* предполагает в первую очередь субъект-животное, например *волки рыщут по лесу*.
5. Кроме того, может лексифицироваться особый способ поиска, в частности, отдельная лексема может выражать поиск **наощупь** (русск. *шарить*).

Параметры могут соотноситься друг с другом различным образом. Они могут не сочетаться: отсутствие возможности выразить объект поиска при глаголе нейтрализует противопоставления, связанные со свойствами объекта. Другие параметры совместимы друг с другом, и в некоторых случаях именно сочетание их значений формирует фрейм. В частности, русский глагол *обшарить* соответствует сочетанию профилирования обследования пространства и поиска наощупь.

С другой стороны, не все принципиально возможные сочетания параметров лексикализируются в качестве фреймов в языках мира. Например, в сборнике [ЕВРика], обсуждающем поле поиска на материале 13 языков, референциальный статус объекта поиска (параметр 3) упоминается в контексте глаголов обследования пространства (параметр 1) только один раз — причем в описании не основных лексем семантической зоны, а идиоматического выражения. Напротив, для глаголов поиска объекта референциальный статус объекта регулярно оказывается релевантным. Из-за описанной неоднородности сочетаний параметров и большого числа возможных комбинаций при отсутствии конкуренции лексем в соответствующем фрагменте поля в этой работе рассматриваются не все возможные сочетания параметров, а параметры в отдельности.

5. Первый водораздел чукотской системы зоны поиска: поиск объекта, обследование пространства и безобъектный поиск

5.1. Три группы глаголов

Лексемы, употребляемые в поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка, можно разделить на три группы относительно того, какая семантическая валентность ситуации отображается в синтаксическую позицию объекта: объект поиска, место поиска или же ничего из этого (сочетание параметров 1 и 2, описанных в предыдущем разделе). Эти три перечисленных возможности мы будем называть макрофреймами и условно обозначим как ‘поиск объекта’, ‘обследование пространства’ и ‘безобъектный поиск’ соответственно.

Первые две группы включают единицы, которые маркируют как ядерного участника только объект поиска: *q̄arirək* (4), *-rerək* и *-yilik*, — и единицы, которые выделяют место поиска: *ojpət̄kok* (5) и *r̄aril̄ewək*.

- (4) *ajwe əm̄ʔəloŋet sinit-kin wəʔə n-ine-lq̄arir-iȳəm*
 вчера весь.день свой-REL нож ST-INV-искать1-NP.1SG²
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

- (5) *əməʔ-ətə tejusȳə-n t-ojpə-tko-ȳʔa-n, nə-saj-rer-eȳəm*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O ST-чай-искать2-ST.3SG
 ‘Я перерыл всю сумку — чай искал’.

Эти две группы лексических единиц удобно выделить по той причине, что семантические противопоставления внутри каждой из них оказываются обусловленными разными независимыми параметрами: референциальным статусом объекта поиска для первой группы и топологическим классом места поиска для второй.

Это различие указывает на то, что противопоставление между конструкциями типа (4) и (5) не сводится к морфосинтаксису и аргументной структуре, а релевантно с точки зрения семантики. Помимо того, что ядерный участник (или объект, или место поиска) вне контекста эллипсиса должен быть выражен при предикате, именно его свойства определяют другие семантические ограничения. Мы, однако, оставляем в стороне более детальную семантическую характеристику различий между макрофреймами, которая могла бы быть дана, например, в терминах профилирования в рамках когнитивной грамматики, см. [Langacker 1987; 2015] и другие работы, и полагаемся в первую очередь на ряд морфосинтаксических свойств для разделения макрофреймов.

В третью группу с точки зрения выражения участников ситуации поиска следует выделить глагол *enar̄erək*, который допускает конструкции с ядерным участником — объектом (6) и ядерным участником — местом поиска (7), а также может быть употреблен в конструкции безобъектного поиска (8).

- (6) *nə-qaa-mk-ena.rer-qen*
 ST-олень-COLL-ANTI.искать2-ST.3SG
 ‘Он ищет часть стада оленей’.

² Принципы глоссирования основ макрофрейма поиска объекта подробно описаны в разделе 5.4 — после обсуждения морфосинтаксических особенностей соответствующих единиц, которые используемые глоссы призваны отразить.

- (7) *əməɫʔ-ətə jara-ŋə t-ena.rer-ʏʔa-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал всю ярангу’³.
- (8) *oporə torʏə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək jəqqej*
 лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать2-IPFV-2PL.S/O разве
ra-lməɫ-aw-ŋə-tək ʏəm-nan reqə-n iwə-k
 [2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG говорить-LOC
 ‘Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю’.

[Мультимедийный корпус]

Следует заметить, что отсутствие объекта в примере (8) выражается в том числе морфологически: глагол согласуется как непереходный. При сохранении переходности глагола и заполнении синтаксической позиции объекта синтаксическим нулем наблюдалось бы субъектно-объектное согласование глагола (при сочетании субъекта второго лица множественного числа и объекта в третьем лице императива — циркумфикс *q-...-rkəne-tkə* [2.S/A.SUBJ-...-IRR-2PL.A.3.O]).

Рассматривая разделение на макрофреймы внутри поля поиска в чукотском языке, важно подробнее обсудить следующие два вопроса.

Во-первых, важно определить сам принцип разделения на макрофреймы. Единицы поля поиска устроены нетривиальным образом с точки зрения отображения семантических валентностей в синтаксические, поэтому невозможно указать единственную морфосинтаксическую рамку, которая соответствует каждому из фреймов. Раздел 5.2 дает описание того, как наблюдаемые в чукотском языке способы выражения синтаксической структуры распределяются по макрофреймам поиска объекта и обследования пространства.

Во-вторых, требует обсуждения широкая семантика глагола *enarerək*, который оказывается доступным в рамках каждого из макрофреймов, в том числе типологически редкого безобъектного поиска (так, в сборнике [ЕВРика] особая лексема для этого макрофрейма отмечается только в русском, ср. периферийный глагол *рыскать*). В разделе 5.3 мы показываем, что особые свойства этой лексической единицы могут получить диахроническое объяснение, опирающееся на присутствие в ее составе лексикализованного показателя антипассива *ine-/ena-*.

5.2. Понятие ядерного выражения участников для поля поиска в чукотском языке

Принцип выделения макрофрейма обследования пространства можно сформулировать достаточно строго: мы относим к этому макрофрейму глаголы, которые допускают⁴ выражение Места как ядерного аргумента (в абсолютиве) без инкорпорации объекта поиска. Выражение объекта поиска как ядерного аргумента при подобных глаголах невозможно:

- (9) *kuke-ŋə t-ojʔə-tko-ʏʔa-n*
 котелок-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я поискал в котелке’./#‘Я ищу котелок’.

Основной фактор, затрудняющий унификацию отображения семантических валентностей в синтаксические для выделенных макрофреймов, состоит в том, что часть единиц макрофрейма поиска объекта представляет собой лексические аффиксы («аффиксальные

³ Яранга — чукотский национальный дом.

⁴ Хотя и не обязательно требуют — см. раздел 7.2.

предикаты» в терминах работы [Виняр 2019б]). Под лексическими аффиксами мы понимаем единицы, обладающие двумя свойствами:

- это связанные морфемы, то есть неспособные употребляться в качестве самостоятельных слов и требующие обязательной «инкорпорации» своего «семантического аргумента»;
- это морфемы с достаточно конкретным значением: таким, которое скорее можно отнести к области лексики, чем грамматики или словообразования.

Подобными свойствами обладают сразу две единицы из поля поиска: *-rer(ə)k* (10) и *-yili(k)*⁵ (11).

- (10) а. *ətri* *nə-saat-rer-qena-t*
они.ABS.SG ST-аркан-искать2-ST.3SG-PL
- б. **əryə-nan* *na-rerə-rkən* *saat*⁶
они-ERG LOW.A-искать2-IPFV аркан[ABS.SG]
Ожид. зн.: ‘Они ищут аркан’.

- (11) а. *uunʔə-yili-yʔ-i*
[2/3.S/A]ягода-SEARCH-TN-2/3SG.S
- б. **uunʔə-t* *yili-ni-ne-t*
ягода-ABS.PL [2/3.S/A]SEARCH-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
Ожид. зн.: ‘Она собирала ягоды’. [Виняр 2019б: 10]

Если *-yili* является «типичным представителем» лексических аффиксов, то статус единицы *-rer* зависит от того, выделять ли ее синхронно в составе глагола *enarərək*. Настоящая работа на основании отсутствия антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте чукотского языка считает их разными единицами и, соответственно, относит *-rer* к классу лексических аффиксов. В обратном случае следовало бы говорить о *-rer* как об основе, имеющей уникальную дистрибуцию — требующей или инкорпорации, или наличия показателя *ine-/ena-*. Статус антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте и его морфосинтаксические особенности подробно рассматриваются в следующем разделе.

Описанное поведение лексических аффиксов отличается от поведения обычных переходных глаголов, которые присоединяют пациентивного участника в абсолютиве — падеже ядерного аргумента — или инкорпорируют его (см. примеры в разделе 2). Тем не менее, лексические аффиксы выражают объект поиска — и, более того, обязательно требуют его выражения. Кроме того, свойства чукотской конструкции с лексическими аффиксами во многом сходны со свойствами конструкции с инкорпорацией прямого объекта [Виняр 2023: 51–54]. Это позволяет нам рассматривать вместе переходный глагол *qarirək* и лексические аффиксы.

Следует заметить, что формы с лексическими аффиксами могут употребляться в конструкции, в которой место поиска маркируется ядерным падежом:

- (12) *was'a-na* *jara-ŋə* *wala-rer-ne-n*
Вася-AN.ERG яранга-ABS.SG [2/3.S/A]нож-искать2-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Вася поискал нож в доме’.

⁵ Сегмент *-(ə)k* в составе *-rerək* и *-yilik* является показателем инфинитива. При обсуждении этих единиц как морфологических (лексических аффиксов) мы приводим их без формообразующих показателей (*-rer* и *-yili*), а обсуждая лексические особенности, сохраняем этот маркер для единообразия с другими лексическими единицами поля.

⁶ Следует заметить, что для очень небольшого количества носителей амгуэмского диалекта чукотского такие примеры оказываются возможными. Можно говорить о том, что их идиолекты отражают переосмысление сегмента *-rer* как основы обычного переходного глагола.

Это, однако, не позволяет отнести соответствующие лексические единицы к макрофрейму обследования пространства. Аналогичная конструкция с продвижением Места, Бенефицианта или Реципиента в позицию прямого объекта доступна для инкорпоративных комплексов (ср. пример (3)) с переходными глаголами и может быть проанализирована в терминах затронутости и профилирования участников ситуации [Виняр 2023]. Таким образом, конструкция в (12) не отражает лексические особенности лексемы, а является примером регулярного синтаксического процесса.

Как уже было сказано, глагол *enarerək* не попадает ни в один из выделенных классов, так как при нем возможно выражение инкорпорированного прямого объекта (6), а также вне инкорпоративного комплекса — участника с ролью Места в абсолютиве (7). Эти валентности могут выражаться совместно:

- (13) *maša-na tejusə-n saj-ena.rerə-rkə-ne-n*
 Маша-AN.ERG сумка-ABS.SG [2/3.S/A]чай-ANTI.искать2-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Маша ищет чай в сумке’.

Учитывая возможность безобъектного употребления (8), можно говорить о том, что и объект, и место поиска могут, но не должны быть ядерными участниками при этом глаголе.

Описанный набор валентностей, позволяющий *enarerək* покрывать все макрофреймы поля поиска, является необычным для чукотского глагола. Еще более нестандартным делает поведение этой основы недопустимость выражения объекта поиска в абсолютиве (14)⁷. Он может быть только инкорпорирован или опущен (последняя возможность отличает *enarerək* от лексических аффиксов).

- (14) *#ənʔeɟej-ne ena.rerə-rkə-ne-n waʔə*⁸
 старший.брат-AN.ERG [2/3.S/A]ANTI.искать2-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O нож.ABS.SG
 Ожид. зн.: ‘Старший брат ищет нож’.

В следующем разделе мы показываем, что подобная широкая семантика вместе с уникальным выражением аргументов может быть объяснена диахронически: тем, что в составе этой лексемы исторически содержится префикс антипассива.

5.3. *enarerək*: морфосинтаксис как следствие истории

Лексема *enarerək* формально представляет собой дериват *-rerək* с префиксом антипассива — залогового преобразования, которое понижает синтаксический статус Р-участника, то есть удаляет его или смещает в позицию косвенного. Антипассив, образуемый префиксом *ine-/ena-*, описывается как продуктивный в ряде исследований, посвященных различным вариантам чукотского языка, см. [Скорик 1977: 113–117; Недялков 1979; Kozinsky et al. 1988] среди прочих, что дает возможность выделить соответствующий показатель в лексеме *enarerək*.

⁷ Следует заметить, что неграмматичность примеров типа (14), а также примеров типа (10b) с абсолютивным объектом поиска при *enarerək* и *-rerək* свойственны не всем диалектам чукотского языка. В частности, пример с объектом поиска в абсолютиве при *-rerək* можно найти в словаре Ш. Венстена [2018], для *enarerək* — в картотеке словаря П. И. Инэнликэя (доступна по адресу www.chukdict.com). Поведение этих глаголов, таким образом, может быть рассмотрено как дальнейшее поле для поиска диалектных различий между вариантами чукотского языка. Я благодарен анонимному рецензенту за это наблюдение.

⁸ Этот пример отмечен знаком #, а не * из-за того, что он грамматически корректен, однако прямой объект в нем может соответствовать только месту поиска. Так как обыск ножа — странная ситуация, информанты закономерно признают пример неприемлемым.

Следует сказать, что более поздние по сравнению с перечисленными выше работы фиксируют снижение продуктивности антипассива на *ine-/ena-*. М. Данн [Dunn 1999: 216–217] указывает на то, что в исследуемом им варианте чукотского эта залоговая альтернатива регулярно используется только в отглагольных деривациях, в том числе в причастиях, где понижение переходности обязательно для релятивизации ряда участников [Comrie 1979]. Недавнее исследование [Kantarovich 2020] указывает на ограниченное использование антипассива у носителей, подверженных языковой аттриции, которое также сопровождается ограниченным использованием инкорпорации как другого механизма, понижающего переходность.

Следует заметить, что полноценное обобщение приведенных сведений затруднено тем, что цитируемые работы были выполнены не только в разное время, но и на основе различных диалектов. Работа П. Я. Скорика [1977] содержит упоминания ряда говоров и скорее характеризует некоторый наддиалектный вариант чукотского. Для ряда исследований В. П. Недалкова и его соавторов, в том числе работы [Kozinsky et al. 1988], точной информации о происхождении информантов, с которыми работали авторы, нет⁹. М. Данн [Dunn 1999] в первую очередь опирается на говор телькепских чукчей, Дж. Кантарович [Kantarovich 2020] — на вариант чукотского, распространенный в Якутии. Насколько нам известно, ни одна из перечисленных работ не рассматривает амгуэмский диалект (более подробно о соотношении этого варианта чукотского с другими диалектами см. [Стенин 2019]). Так или иначе, в рассматриваемом аспекте вариант чукотского языка, используемый в селе Амгуэма, отличается от материала всех перечисленных работ, доводя тенденцию к потере антипассивной деривации до предела.

Для амгуэмского диалекта характерна полная утрата антипассива на *ine-/ena-* как словоизменительной категории финитного глагола [Старченко 2021: 349–352]. Более того, антипассивная деривация недоступна и для причастий, в которых она, при отсутствии или редкости его в формах финитного глагола, имеет тенденцию сохраняться [Dunn 1999; Kantarovich 2020]. При этом утрату этой залоговой альтернативы невозможно объяснить аттрицией. Во-первых, данные амгуэмского диалекта получены от полностью компетентных носителей старшего поколения. Во-вторых, другой механизм понижения переходности — инкорпорация — в Амгуэме полностью сохранен и регулярно используется в естественных текстах, что расходится с ситуацией, описанной в [Kantarovich 2020].

Таким образом, *enarerək* — единственный известный автору глагол, который сохраняет показатель антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте. В результате на синхронном уровне антипассивный префикс в составе этой леммы выделен быть не может.

Наличие префикса *ine-/ena-* в составе *enarerək* объясняет ряд его нетривиальных синтаксических свойств. Прежде всего, это его способность к безобъектному употреблению (15)¹⁰, следующая из основной функции антипассива — понижение синтаксического статуса исходного прямого объекта.

- (15) *opopə torɣə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək jəqɣeɟ*
лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать2-IPFV-2PL.S/O разве
ra-lmał-aw-ŋə-tək ɣəm-nan reqə-n iwə-k
[2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG говорить-LOC
'Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю'. (= (8))

[Мультимедийный корпус]

Другая особенность префикса *ine-/ena-*, которая важна для обсуждения глаголов поиска, состоит в наличии у него пермутативных употреблений. При таких употреблении

⁹ Известно, что один из двух основных информантов, с которыми работали авторы, — П. И. Инэнликэй — родился в Чаунской тундре.

¹⁰ Ниже дублируются примеры (6)–(8), принципиально важные для обсуждения свойств этого глагола.

Реципиент, Бенефициант или Место продвигается в синтаксическую позицию прямого объекта, а пациентивный участник выражается как косвенный объект («пермутатив 2/3», то есть манипулирующий вторым и третьим синтаксическими актантами трехвалентного глагола, в терминологии [Мельчук 2004]). Эта залоговая альтернатива может анализироваться как двухступенчатая, скрыто включающая антипассивизацию и продвижение косвенного объекта, или же рассматриваться отдельно от антипассива. Пример этой залоговой альтернативы в варианте чукотского, описанном в работе [Kozinsky et al. 1988], представлен в (16). Предложение (16a) демонстрирует прямую диатезу, в которой Пациенс маркируется абсолютивом, а Место — локативом; в (16b) Пациенс понижен до косвенного объекта в инструменталисе, а позицию прямого объекта занимает Место.

- (16) a. *ətłag-e* *təkečʔə-n* *utkucʔə-k* *pela-ne-n*
отец-ERG приманка-ABS.SG ловушка-LOC [2/3.S/A]оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
- b. *ətłag-e* *təkečʔ-a* *utkucʔə-n* *ena-pela-ne-n*
отец-ERG приманка-INS ловушка-ABS.SG [2/3.S/A]АНТИ-оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
'Отец оставил приманку в ловушке'. [Kozinsky et al. 1988: 667]¹¹

Конструкция с продвижением Места, аналогичная (16), объясняет допустимость использования амгуэмского глагола *enarerək* в макрофрейме обследования пространства:

- (17) *əməłʔ-etə* *jara-ŋə* *t-ena.rer-yʔa-n*
весь-ДАТ яранга-ABS.SG 1SG.S/A-АНТИ.искать2-ТН-3SG.O
'Я обыскал весь дом'. (=7)

Следует заметить, что *ine-/ena-* в функции пермутатива — но не, как уже было сказано, антипассива — фиксируются и в амгуэмском диалекте чукотского языка (что косвенно говорит против анализа пермутатива как антипассивизации с продвижением) [Стенин (рук.): 4–5; Старченко 2021: 352–353]. Эта функция показателя, однако, не позволяет объяснить безобъектные употребления (15), а также не может быть синхронно применена к примерам макрофрейма обследования пространства (17), так как в современном амгуэмском диалекте, как было показано выше, недоступна «прямая диатеза» с выраженным объектом для основы *-rer* (см. пример (10)).

С другой стороны, *enarerək* в амгуэмском диалекте развивает черты, не отмечаемые для продуктивного чукотского антипассива, в частности, получает способность инкорпорировать объект поиска (18). В диалектах с продуктивным антипассивом Пациенс не может быть инкорпорирован в антипассивизованный глагол: обе эти операции служат для понижения статуса Р-участника и не сочетаются друг с другом [Kozinsky et al. 1988].

- (18) *nə-qaq-mk-ena.rer-qen*
ст-олень-COLL-АНТИ.искать2-ст.3SG
'Он ищет часть стада оленей'. (=6)

Следует заметить, что примеры с инкорпорацией, подобные (18), информанты иногда оценивают как менее естественные, чем аналогичные примеры с *-rer* без префикса. Это различие возникает спорадически, чаще в более длинных и синтаксически сложных примерах, и далее при обсуждении семантики этих единиц не рассматривается, соответствующие примеры помечаются знаком вопроса. По крайней мере некоторые примеры, подобные (18), были признаны грамматичными всеми опрошенными носителями.

Подводя итоги обсуждения морфосинтаксического поведения глагола *enarerək*, можно сделать вывод, что оно отличается и от поведения других чукотских глаголов,

¹¹ Фонетическая запись приводится вслед за цитируемой работой, глоссы приведены к системе, используемой в настоящей статье.

и от поведения антипассивной деривации в диалекте с продуктивным антипассивом. Тем не менее, предположения о наличии маркера *ine-/ena-* на более раннем диахроническом этапе с последовавшим размытием свойств в отсутствие продуктивного антипассива позволяет описать нетривиальные свойства этой лексемы. Более подробно синтаксические особенности *enarerək* как сохранившейся после утраты антипассива единицы обсуждаются в работе [Старченко 2021].

При этом важно, что широкое значение *enarerək* — это именно лексическое, а не грамматическое свойство этого глагола, пусть и возникшее в результате взаимодействия с грамматической категорией антипассива. В современном амгуэмском диалекте нет (и в более раннем варианте чукотского не было) альтернативы, которая, не изменяя глагол, позволила бы получить все наблюдаемые у *enarerək* преобразования диатезы.

5.4. Глоссы для лексических единиц поля поиска

При глоссировании лексических единиц макрофрейма поиска объекта мы используем следующие обозначения:

- (19) *qərir-* — искать¹
-rer — искать²
ena.rer- — АНТИ.искать²
-yili — SEARCH

Выбор численного индекса для различения первых двух единиц обусловлен тем, что их значения достаточно схожи и не позволяют подобрать интуитивные и обоснованные отличающиеся ярлыки. Номера выбраны произвольно, в первую очередь по той причине, что *qərir-* в чукотском языке является обычной глагольной основой, а *(ena)rer-* демонстрирует своеобразные морфосинтаксические свойства.

Глосса для *enarer-* выбрана таким образом, чтобы отражать исторический состав этой единицы, но, так как синхронно выделить префикс невозможно, мы используем в качестве разделителя точку, а не дефис. Лексический аффикс *-yili* получает глоссу на латинице как аффикс (SEARCH; в качестве глоссы выбран наиболее близкий к значению суффикса английский перевод), в соответствии с глоссами экспедиционного проекта в село Амгуэма¹². При этом для *-rer* принято решение не вводить аналогичную словообразовательную глоссу, так как в таком случае будет сложнее отразить ее историческую связь с основой *enarer-*.

6. Макрофрейм поиска объекта

В следующих разделах мы переходим к семантическим противопоставлениям внутри макрофреймов. Настоящий раздел посвящен макрофрейму поиска объекта и последовательно рассматривает релевантные для него семантические противопоставления (раздел 6.1), а также связанные с ними морфосинтаксические (раздел 6.2) и этимологические (раздел 6.3) особенности входящих в него глаголов.

¹² Глоссы доступны по ссылке: https://chuklang.ru/static/chukchi_glosses_20171020.pdf.

6.1. Семантические противопоставления внутри макрофрейма

Центральным параметром, различающим чукотские глаголы макрофрейма поиска объекта, является противопоставление по референтности / нереперентности объекта. При этом предположения о типичных контекстах, которые неодинаковы для этих глаголов, можно сформулировать исходя из данных Мультимедийного корпуса, содержащего, несмотря на небольшой размер, ряд примеров с рассматриваемыми единицами.

Глагол *qərirək* встречается в разнородных примерах с различным референциальным статусом объекта, ср., например, данный референтный объект в примере (20) и новый нереперентный в примере (21).

(20) {Думаю: где же они [муж и сыновья]?!}

tə-lqərerə-ŋŋo-na-t qəluq=ʔəm
1SG.S/A-искать1-INCH-3SG.O-PL конечно=EMPH

‘Начала искать их, конечно’. [Мультимедийный корпус]

(21) ну и *ətlon=ʔəm eqəlpə ŋeweq=e jep ajwe tite ʔəttʔəjoʔ=e ənqen*
он.ABS=EMPH быстро же=PTCL еще вчера когда перед=PTCL DET

rajowənwəl... rajowə-nwə-lqəʔ-te=ŋe ənpənasu-a=ŋe
FST становиться.стойбищем-NMN-DEB-ABS.PL=PTCL старик-ERG=PTCL

nenajopat... n-ine-lqərir-qine-t=ʔəm
FST ST-INV-искать1-ST.3SG-PL=PTCL

‘Ну и он [старик] же еще раньше, на днях, быстро разведал (букв. «поискал») места для будущей стоянки’. [Мультимедийный корпус]

Лексический аффикс *-yitik* в первую очередь встречается в контексте поиска природных объектов с целью сбора:

(22) *təta-ma nə-nwit-murʔim nə-pʔoŋ-yete-more*
идти-SIM ST-останавливаться-NP.1PL-EMPH ST-гриб-SEARCH-NP.1PL

‘Когда ехали, останавливались, собирали грибы’. [Мультимедийный корпус]

Глагол *enarərək* имеет в Мультимедийном корпусе два вхождения, оба в значении безобъектного поиска (8), (23); одиночная основа *-rer* в корпусе не встречается.

(23) *ʔejŋewə-tku-muri ena.rerə-k¹³*
звать-ITER-NP.1PL ANTI.искать-INF

‘Позвали нас искать’. [Мультимедийный корпус]

Элицитация выявила более широкое употребление рассматриваемых лексических единиц. Все три единицы *qərirək*, *enarərək* и *-rerək* могут сочетаться как с референтными (24), так и с нереперентными (25) объектами поиска. Знак % в примере (25a) и далее указывает на то, что часть носителей признает подобные примеры грамматически корректными (причем вполне, а не периферийно грамматичными), а другая часть оценивает их как недопустимые.

(24) a. *ətəy-e n-ine-lqərir-qin ekək ŋaryən*
отец-ERG ST-INV-искать1-ST.3SG сын.ABS.SG снаружи

b. *ətəyə-n akka-rerə-rkən ŋaryən*
отец-ABS.SG [2/3.S/A]сын-искать2-IPFV снаружи

c. *ətəyə-n akka-ena.rerə-rkən ŋaryən*
отец-ABS.SG [2/3.S/A]сын-ANTI.искать2-IPFV снаружи

‘Папа ищет сына на улице’.

¹³ В примере использована нерегулярная глагольная форма без префиксальной части, где можно было бы ожидать перфектный маркер *y(e)-*.

- (25) а. *%qławət-a* *n-ine-lqərir-qin* *ŋewʔenə-lqət*
 парень-ERG ST-INV-искать1-ST.3SG жена-ДЕВ[ABS.SG]
- б. *qławət* *nə-ŋawʔanə-lqət-rer-qen*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-искать2-ST.3SG
- с. *qławət* *nə-ŋawʔanə-lqət-ena.rer-qen*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-АНТИ.искать2-ST.3SG
 ‘Парень ищет себе невесту’.

Важно подчеркнуть, что, хотя часть носителей допускает употребление *qərirək* с нереперентным объектом при элицитации и такие примеры встречаются в спонтанных текстах (21), другие носители оценивают подобные примеры как неприемлемые. Для *-rerək* и *enarərək* соответствующие примеры в (25) допустимы для всех опрошенных носителей.

Лексический аффикс *-yili* демонстрирует другое поведение и сочетается только с нереперентными объектами поиска (26); знак % в (26b) будет подробнее прокомментирован ниже.

- (26) а. **ətłəyə-n* *n-ekke-yili-qin* *ŋaryən*
 отец-ABS.SG ST-сын-SEARCH-IPFV снаружи
 Ожид. зн.: ‘Папа ищет сына на улице’.
- б. *%qławət* *nə-ŋewʔenə-lqət-yili-qin*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-SEARCH-ST.3SG
 ‘Парень ищет себе невесту’.

Указанные различия между единицами сохраняются для объектов других семантических классов, в частности, предметов:

- (27) а. *ajwe* *əmʔətoŋet* *siniŋ-kin* *watə* *n-ine-lqərir-iyəm*¹⁴
 вчера весь.день свой-REL нож.ABS.SG ST-INV-искать1-NP.1SG
- б. *ajwe* *əmʔətoŋet* *nə-senet-wala-rer-eyəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-искать2-ST.3SG
- с. *ajwe* *əmʔətoŋet* *nə-senet-wala-ena.rer-eyəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-АНТИ.искать2-ST.3SG
- д. **ajwe* *əmʔətoŋet* *nə-senet-wala-yete-jyəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-SEARCH-ST.3SG
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

Аналогичные противопоставления сохраняются в случае перебора элементов в поисках референтного объекта¹⁵:

- (28) *n-iw-qine-t* *murəy-nəmnətə-k* *nə-nəmətwa-qen* *qaa-ramkə-lʔə-n*
 ST-говорить-ST.3SG-PL мы.INC-поселок-LOC ST-жить-ST.3SG олень-народ-ATTR-ABS.SG
 ‘Говорят, в поселке живет эвен’.
- а. *yəm-nan* *n-ine-lqərir-iyəm* *qaa-ramkə-lʔə-n* *keti-nənnə-mkə-k*¹⁶
 я-ERG ST-INV-искать1-NP.1SG олень-народ-ATTR-ABS.SG письмо-имя-COLL-LOC

¹⁴ Повторенный пример (4).

¹⁵ Пример на *enarərək* не приводится, так как достаточно четкую оценку для этого сложного примера получить не удалось.

¹⁶ Для значения ‘список’, используемого в примерах, в амгуэмском чукотском отсутствует слово, известное всем носителям, — чаще всего информат составлял подходящее слово в процессе перевода. В примере (28) приводится один из предложенных вариантов.

murəy-nəm-kin

МЫ.INC-поселок-REL

b. *yəm-nan* *nə-qaə-ramkə-rer-eyəm* *keli-nənnə-mkə-k* *murəy-nəm-kin*
 я-ERG ST-олень-народ-искать2-NP.1SG письмо-имя-COLL-LOC МЫ.INC-поселок-REL

c. **yəm-nan* *nə-qaə-ramkə-yele-jyəm* *keli-nənnə-mkə-k* *murəy-nəm-kin*
 я-ERG ST-олень-народ-SEARCH-NP.1SG письмо-имя-COLL-LOC МЫ.INC-поселок-REL

Ожид. зн.: ‘Я ищу эвена в списке жителей поселка’.

При этом в особую группу выделяются контексты, в которых производится поиск природных объектов: растений, грибов, яиц и др. — с целью сбора (29) или животных на охоте (30).

Именно этот контекст является основным для *-yitik*: контексты с этим лексическим аффиксом были первой реакцией информантов при переводе подобных примеров на чукотский. Более того, для некоторых информантов использование аффикса *-yiti* только этими контекстами и ограничено, что отражает знак % при примере (26b). С другой стороны, употребление глагола *qərirək* в этом контексте доступно для еще меньшего числа информантов, чем в других контекстах с нереперентным объектом поиска: примеры с глаголом *qərirək*, аналогичные (29)–(30), оценивает как грамматичные подгруппа информантов, признающих приемлемым (25а).

(29) *nə-pʔoŋ-yele-jyəm*
 ST-гриб-SEARCH-NP.1SG

‘Я собираю грибы’.

(30) *yənniŋ-ŋəttə-lʔə-n* *nə-mitut-yili-qin*
 зверь-CATCH-ATTR-ABS.SG ST-заяц-SEARCH-ST.3SG

‘Охотник ищет / охотится на зайца’.

В примерах наподобие (29)–(30) информанты обычно переводят *-yitik* не как ‘искать’, а как ‘собирать’ или ‘охотиться’. Важно подчеркнуть, что даже в этих контекстах речь идет именно о поиске, который может не увенчаться успехом (31), а не о сборе как о серии операций, производимых для присвоения объекта.

(31) *uunʔə-yili-yʔ-i* *ətrʔes* *ijŋe* *ya-twa-lən*
 [2/3.s/A]ягода-SEARCH-TN-2/3SG.S только нет PF-БЫТЬ-PF.3SG

‘Он собирал ягоды, но ни одной не собрал’ (букв. «но был без ничего»).

[Виняр 2019а: 12]

В этом *-yili* противопоставлен чукотской основе *yisi-* ‘собирать’, которая не является связанной и описывает собственно процедуру сбора (32).

(32) *uunʔə-yisi-yʔ-i* *ətrʔes* *ijŋe* *ya-twa-lən*
 [2/3.s/A]ягода-собирать-TN-2/3SG.S только нет PF-БЫТЬ-PF.3SG

#‘Он собирал ягоды, но ничего не собрал’ (букв. «но был без ничего»)?

‘Собрал ягоды и все растерял’.

[Виняр 2019а: 13]

Поиск природных объектов, выраженный комплексом с суффиксом *-yili*, не обязательно производится с целью употребления их в пищу — они могут быть использованы для выполнения другой функции:

(33) *yatle* *n-uttə-yili-qin* *qətsəyjoʔə-n* *em-re-tejkə-ŋ-e*
 птица[ABS.SG] ST-дерево-SEARCH-ST.3SG гнездо-ABS.SG RESTR-DES-изготавливать-DES-INS

‘Птица собирает ветки, чтобы сделать гнездо’.

Однако, если природные объекты и вовсе не предполагается собирать, подобные примеры сближаются с другими нереперентными употреблениями и получают неоднородные оценки. Так, в (34) речь идет о растении пушица влагалищная (*Eriophorum vaginatum*),

которое растет во влажных местах, в том числе часто окружает небольшие открытые водоемы в тундре. Поиск этого растения в ситуации, описываемой предложением (34), не предполагает его сбор — оно только выступает ориентиром, указывающим на местоположение воды.

- (34) %*qtawət* *n-qʔosap-yele-qen* *mimət* *em-re-lʔu-ŋ-e*
 парень[ABS.SG] ST-пушица-SEARCH-ST.3SG вода[ABS.SG] RESTR-DES-найти-DES-INS
 ‘Парень ищет пушицу, чтобы найти воду’.

Насколько нам известно, другие параметры для противопоставления чукотских глаголов, профилирующих объект поиска, нерелевантны.

В том числе нерелевантен таксономический класс субъекта, в частности, с названиями животных в позиции субъекта рассматриваемые единицы используются так же, как с субъектами-людьми, с учетом ограничений, связанных с референциальным статусом объекта поиска.

- (35) а. *kora-ta* *n-ine-lqərir-qin* *pʔom~pʔoŋ* *rarat-jo*
 олень-ERG ST-INV-искать1-NP.3SG гриб~RED[ABS.SG] падать-PTCP.PASS
 б. *kora-ŋə* *nə-pʔoŋ-rer-qen* / *ʔnə-pʔoŋ-ena.rer-qen* /
 олень-ABS.SG ST-гриб-искать2-NP.3SG ST-гриб-ANTI.искать2-NP.3SG
 **nə-pʔoŋ-yele-qen* *rarat-jo*
 ST-гриб-SEARCH-NP.3SG падать-PTCP.PASS
 ‘Олень ищет упавший гриб’.

- (36) а. %*kora-ta* *n-ine-lqərir-qine-t* *pʔom~pʔoŋə-t*
 олень-ERG ST-INV-искать1-NP.3SG-PL гриб~RED-PL
 б. *kora-ŋə* *nə-pʔoŋ-rer-qen* / *ʔnə-pʔoŋ-ena.rer-qen* /
 олень-ABS.SG ST-гриб-искать2-NP.3SG ST-гриб-ANTI.искать2-NP.3SG
nə-pʔoŋ-yele-qen
 ST-гриб-SEARCH-NP.3SG
 ‘Олень ищет грибы [по тундре]’.

Информация о различиях в употреблении чукотских единиц поля поиска макрофрейма собственно поиска объекта суммирована на рисунке:

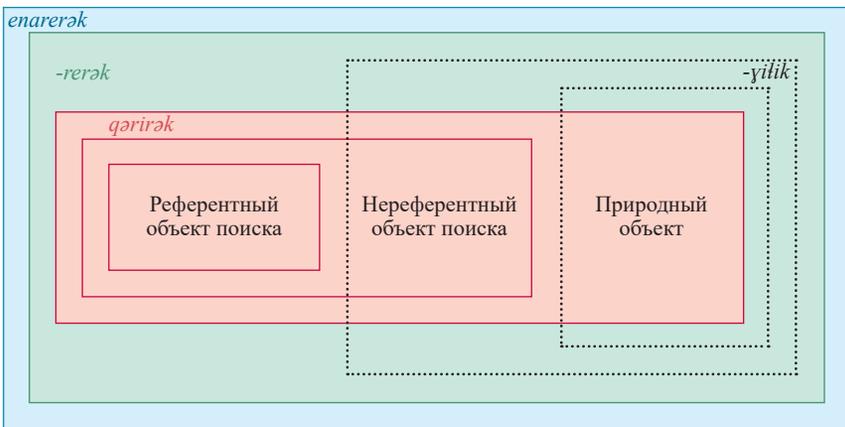

Рис. Различия единиц с профилированным объектом поиска

Схема показывает распределение единиц между тремя фреймами: поиск референтного объекта, поиск нереферентного объекта и поиск природных объектов с учетом

вариативности между информантами. Сплошные красные линии очерчивают допустимые фреймы для глагола *qərirək*, пунктирные линии — для лексического аффикса *-yili*; линии одного типа показывают вариативность в употреблении этих лексем между разными группами информантов. Зеленый фон соответствует употреблению *-rerək*, а голубой — *enarərək*. Как можно видеть, и та, и другая единицы покрывают все три фрейма, однако *enarərək* также допускает ряд других: в том числе безобъектный поиск и обследование пространства, — что показано отсутствием нижней границы у голубого фона.

6.2. Взаимоотношение семантики и морфосинтаксиса

На чукотском материале можно наблюдать различия в поведении лексемы *qərirək* как обыкновенного глагола, способного присоединять выраженный отдельным словом прямой объект, и *-rerək* и *-yilik* как лексических аффиксов.

Базовые характеристики чукотской конструкции с лексическими аффиксами во многом сходны с характеристиками инкорпорации имени в глагол [Виняр 2023: 51–54]. Это неудивительно, учитывая, что инкорпоративная конструкция и является источником для ряда лексических аффиксов: для некоторых из них существуют фонетически близкие, хотя и не тождественные глагольные основы со сходным значением (*-yili* [SEARCH] ‘искать’ и *yisik* ‘собирать’, *-u* [EAT] ‘употреблять, добывать охотой’ и *ru-* ‘есть’) и т. д.

Известно, что некоторые языки допускают инкорпорацию в глагол только неопределенных или неререферентных имен [Mithun 1984; Norper, Thompson 1984]. Для чукотского это, однако, не так. Инкорпорированные существительные в амгуэмском диалекте служат для передачи фоновой информации (background) [Vinyar 2021: 86] (ср. также сходные рассуждения об антипассивизации и инкорпорации в другом диалекте в работе [Kozinsky et al. 1988]), однако строгих ограничений на референциальный статус инкорпорированного имени в чукотском языке нет [Vinyar 2021: 86–87].

Не обязательно есть ограничения на референциальный статус и у имен, к которым присоединяется лексический аффикс. В частности, лексические аффиксы могут присоединяться к именам собственным: в примере (37) аффикс *-ŋəta* [GO.DO] присоединяется к лексеме *ityəqenjew* ‘белое ущелье’, которая является одним из названий поселка Эгвекино, близкого к селу Амгуэма (обсуждение примера приводится влел за [Виняр 2019а: 10–11]).

- (37) *pətq-ajwe* *muri* *qajkawrayəryə-n* *eŋə-qanjaw-ŋəta-more*¹⁷
 повторно-вчера мы.ABS Кайкаврагыргин-ABS.SG белый-ущелье-GO.DO-NP.1PL
em-r-ityətew-ŋ-e
 RESTR-DES-мыться-DES-INS

‘Позавчера мы с [Татьяной] Кайкаврагыргиной ездили на Первый [в Эгвекино], чтобы помыться’. [Мультимедийный корпус]

Тем не менее в рамках рассматриваемого поля прослеживается корреляция между степенью связанности лексической единицы и референциальным статусом объекта поиска.

1. *-yili* в полной мере обладает свойствами связанной морфемы. Не только он, но и его когнаты в керекском, алоторском и, возможно, некоторых диалектах корякского (см. словарь [Fortescue 2005: 84] и процитированные в нем источники) могут быть охарактеризованы как имеющие аналогичные свойства. При этом сочетаемость данного аффикса ограничена только неререферентными именными основами.

2. Отнесение единицы *-rer* к классу лексических аффиксов неоднозначно и, как обсуждалось, зависит от трактовки его синхронного соотношения с глаголом *enarərək*. Его статус связанной морфемы в амгуэмском диалекте является результатом относительно недавних

¹⁷ В примере используется нестандартная форма без префикса, предположительно, стативного *n-*.

исторических преобразований, в первую очередь процесса утраты антипассива. Эта единица не имеет ограничений на референтность именной основы, с которой она сочетается.

3. Только глагол *qərirək* может употребляться с не инкорпорированным прямым объектом и даже имеет тенденцию к такому употреблению. В отличие от лексических аффиксов, в идиолектах некоторых носителей он допускается только при референтных объектах.

Таблица

Свойства единиц поля поиска и референциальный статус объекта поиска

Единица	Свойства	Референциальный статус зависимого
<i>-yili</i>	лексический аффикс; этот статус предположительно получен давно	референтный *
		нереферентный ОК
<i>-rer</i>	лексический аффикс со спорным статусом; статус получен недавно	референтный ОК
		нереферентный ОК
<i>qərirək</i>	самостоятельный глагол	референтный ОК
		нереферентный %

Свойства рассматриваемых единиц и их ограничения на референциальный статус объекта поиска суммированы в таблице. Как можно видеть, расположение конкурирующих лексем одного семантического поля от наиболее связанной морфемы к наиболее самостоятельной соотносится с их способностью присоединять имена разного референциального статуса — от нереферентных к референтным.

Важно подчеркнуть, что наблюдаемые различия не следуют прямым образом из морфосинтаксиса: ни самостоятельные глаголы не требуют референтности объекта, ни лексические аффиксы, как было показано, не предполагают обязательной неререферентности имени, к которому присоединяются. Возможным источником наблюдаемых различий в референциальном статусе может быть именно их конкуренция внутри одного семантического поля, для которого этот параметр типологически важен. При этом выбор направления специализации лексических единиц (в сторону референтности для свободной морфемы и неререферентности для связанной) определяется свойствами конструкций с лексическими аффиксами, которые задают в первую очередь фоновое событие и противопоставлены в этом сочетаниям, состоящим из глагола и неинкорпорированного дополнения.

6.3. Этимология единиц макрофрейма поиска объекта

Диахрония чукотско-камчатских языков достаточно хорошо изучена, в частности, для этой семьи существуют подробные этимологические словари [Мудрак 2000; Fortescue 2005]. Это позволяет проследить происхождение лексических единиц поля поиска и его взаимодействие с их семантикой.

Лексический аффикс *-yili* является когнатом уже упоминавшейся чукотской основы *yisi-* ‘собирать’. Предок обеих основ восстанавливается со значением поиска по крайней мере до прачукотско-корякского уровня с исходным согласным *ʃ* [Fortescue 2005: 84]. Чередование *ʃ > s* описывается как палатализация и наблюдается во множестве чукотских основ и аффиксов, часто с сохранением вариантов как *ʃ*, так и *s* с близкими значениями

[Муравьева 1979: 167–171]. Таким образом, *-yiti* сохраняет свое исходное значение, однако граматикизуется в суффикс, тогда как *yisi-* сохраняет статус самостоятельной основы, но сужает значение до результата, типичного при поиске природных объектов.

Для трех остальных основ макрофрейма поиска объекта был выдвинут ряд свидетельств в пользу их родства, помимо близкого значения и сходства формы. При этом если основы *enarer-* и *-rer* с точки зрения формы соотносятся друг с другом тривиальным образом (с точностью до антипассивного префикса), то соотношение их с *qarir-* требует более подробного обсуждения. Так как *ena-* — приставка антипассива, далее мы будем говорить в первую очередь о соотношении единиц *-rer* и *qarir-*.

Прежде всего, последнюю основу будет точнее обозначить как *(t)qarir-*: *-tqarir-* с начальным звуком *t* — срединный вариант основы, который выбирается во всех случаях, когда она выступает не в начале слова. Это морфонологическое чередование, которое свойственно этой и еще некоторым чукотским основам и которое возникло в результате упрощения групп согласных в начале слова.

Несмотря на сходство *-rer* и *(t)qarir-*, ни синхронные, ни исторические регулярные фонетические процессы не способны произвести из одной основы другую. Существуют различные трактовки соотношения этих единиц.

Работа [Kozinsky et al. 1988] рассматривает их как супплетивные варианты одной и той же основы: *qarir-* — как начальный, *-rer* — как срединный. Для амгуэмского такой анализ, однако, явным образом неверен: как было сказано выше, основа *(t)qarir-* имеет собственный срединный вариант *-tqarir-* (38) — именно такой вид основы выбирается во всех случаях, когда она выступает не в начале слова:

(38) *ate-qajə-na nelqərisəqi... ne-tqarir-səqik-wət*
 папа-DIM-AN.ERG FST LOW.A-искать1-MCP-2SG.O

‘Папочка пошел искать тебя’.

[Мультимедийный корпус]

Можно было бы предположить, что соотношение *qarir-* и *-rer* представляет собой особый случай супплетивизма, при котором отдельная основа используется при инкорпорации в глагол, но не после словоизменяющих аффиксов. Т. Куребито [Kurebito 2001] утверждает, что глагольные основы в чукотском языке, имеющие (квази)синонимичные лексические аффиксы, в целом не допускают инкорпорацию, хотя и не приводит соответствующего отрицательного языкового материала с глаголом *qarirək*. Для амгуэмского диалекта такое утверждение, однако, неверно: хотя в спонтанно порожденных примерах *qarir-* обычно выступает с неинкорпорированным прямым объектом, примеры наподобие (39) носители признают при элицитации грамматически корректными.

(39) *ətłəyə-n ekke-tqarirə-rkən ɲaryən*
 отец-AVS.SG [2/3.S/A]сын-искать1-IPFV снаружи

‘Папа ищет сына на улице’.

Итак, с синхронной точки зрения *-rer* и *qarir-* — морфологически разные единицы. Как показано в разделе 6.1, по крайней мере для некоторых носителей амгуэмского диалекта различна и их семантика.

Перейдем к обсуждению диахронической связи между этими основами. О. А. Мудрак [2000] восстанавливает на прачукотско-корякском уровне лексему *enarerək*, а *(t)qarirək* упоминает только для чукотского. М. Фортескью находит параллели последнего и в других чукотско-корякских языках, а именно, в керекском и алюторском [Fortescue 2005: 246]. Исследователь также указывает на возможное родство двух лексем, обращая внимание на проблематичность того, что их основы относятся к разным ступеням гармонии гласных (при отсутствии контекста для изменения степени гармонии).

При этом антипассивный показатель *ine-/ena-* в когнатах лексемы *enarerək* в других чукотско-корякских языках на синхронном уровне не выделяется. Словарь Т. А. Молла [1960] не приводит для корякского языка соответствующую основу без антипассивного префикса,

а для аллоторского языка можно найти примеры, где когнат *ineritək* употребляется как переходный глагол [Кибрик и др. 2000: 314]. Подобное соотношение с близкородственными языками (а также внутри чукотского для различных его вариантов, см. сноску б) ставит вопрос о том, содержит ли исторически лексема *enarerək* показатель антипассива, или же сегмент *ena* исходно входит в основу, а свойства антипассивной деривации у этой лексемы в современном чукотском языке получены в результате переразложения. В последнем случае сближение *enarerək* и *qərirək* проблематично, и установить, действительно ли рассматриваемые основы родственны, или их сходство вызвано совпадением — нетривиальная задача.

Исследование [Старченко 2021] берет за исходную основу (*t*)*qərir-* и предлагает цепочку фонетических преобразований, которая приводит к ее изменению в (*ena*)*rer-*. Каждое из этих изменений или является регулярным фонетическим чукотским преобразованием, или подтверждается материалами более старых чукотских текстов (в первую очередь [Vogoras 1910]), или находит аналогии среди изменений, наблюдаемых для других основ. Достоинством этого сценария является то, что он объясняет одновременно нетривиальные морфосинтаксические свойства *enarer-* с префиксальной частью и невозможность употребления *-rer* как самостоятельного отдельного глагола. Проблематичен для сценария, однако, тот факт, что он обязательно предполагает как промежуточный шаг чередование $q > ?$. Этот переход фиксируется только для чукотского языка, но не для других чукотско-корякских, притом что «итоговая» основа *enarer-* наблюдается не только в чукотском, но и в других языках (с точностью до регулярных фонетических соответствий).

Сценарий, при котором основа (*t*)*qərir-* происходит из *enarer-* маловероятен, в первую очередь из-за того, что основы принадлежат к разным ступеням гармонии гласных. Основа (*t*)*qərir-* имеет слабую ступень, тогда как *enarer-* — сильную. Оказавшись в одной словоформе с любой морфемой сильной ступени, морфемы со слабой ступенью подвергаются чередованию ($i > e$, $u > o$, $e > a$). Соответственно, если для преобразования *-rir-* в *-rer-* достаточно любого гипотетического контекста с сильной ступенью гармонии, то обратное преобразование ни по каким регулярным фонетическим законам произойти не может.

Наконец, возможен сценарий, при котором исходная связь между (*t*)*qərir-* и *enarer-* отсутствует. Он предполагает переосмысление изначально переходного глагола *enarerək* как содержащего антипассив только в чукотском языке, но не в других чукотско-камчатских, с дальнейшим переразложением и выделением основы *-rer*. Однако такой подход, в отличие от варианта с переходом (*t*)*qərir-* в *enarer-*, не способен объяснить, почему *-rer* осталось лексическим аффиксом, а не было перанализировано (для большинства носителей) как полноценная основа переходного глагола, а также предполагает независимое существование двух фонетически близких единиц со сходными значениями.

7. Макрофрейм обследования пространства

В этом разделе мы обращаемся к лексическим единицам макрофрейма обследования пространства. Раздел 7.1 характеризует семантические противопоставления внутри макрофрейма. Раздел 7.2 кратко рассматривает их этимологические и морфосинтаксические особенности, в том числе поясняя глоссы, которые показывают внутреннюю форму глаголов макрофрейма.

7.1. Семантические противопоставления внутри макрофрейма

Чукотский язык имеет специализированные лексемы для макрофрейма обследования пространства: *oɣətkok*, *rəritʔewək*, — а также использует для выражения соответствующего значения глагол *enarerək*.

- (40) a. *əməɫʔ-etə tejusyə-n t-ena.rer-γʔa-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-3SG.O
- b. *əməɫʔ-ətə tejusyə-n tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
- c. *əməɫʔ-etə tejusyə-n t-ojpə-tko-γʔa-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я перерыл всю сумку [чай искал]’.

Ключевым параметром внутри макрофрейма обследования пространства является топологический класс места поиска. Глаголы *ojpətkok* и *rəritʔewək* доступны при обыске небольших замкнутых контейнеров: сумки, ящика, котелка и т. д. В том числе они используются для описания поиска внутри множества подобных объектов:

- (41) a. *maša-na senle-t ena.ren-ne-na-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]ANTI.искать2-3SG.A.3.O-3SG.O
- b. *maša-na senle-t rə-riɫʔ-ew-ni-ne-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]TR-распространяться-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
- c. *maša-na senle-t ojpə-tko-ne-na-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]всовывать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Маша все ящики обыскала [хотела найти сгущенку]’.

Для пространств — жилых помещений, например чукотского дома, оказывается полностью недоступной лексема *ojpətkok*, а лексема *rəritʔewək* приемлема не для всех носителей:

- (42) a. *əməɫʔ-etə jara-ŋə t-ena.rer-γʔa-n*¹⁸
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
- b. *ʔəməɫʔ-etə jara-ŋə tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
- c. *#əməɫʔ-etə jara-ŋə t-ojpə-tko-γʔa-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал всю ярангу’.

При обыскивании природного пространства доступна только лексема *enarərək*.

- (43) a. *weem-surmə-n t-ena.rer-γʔa-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
- b. *#weem-surmə-n tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
- c. *#weem-surmə-n t-ojpə-tko-γʔa-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал берег реки [где оставил кружку]’.

Другое различие между *enarərək* и специализированными глаголами поля состоит в большей интенсивности действия: *ojpətkok* и особенно *rəritʔewək* описываются как более интенсивные.

Как можно видеть, глагол *enarərək* покрывает наибольшее количество фреймов обследования пространства. Единственный известный нам контекст этого макрофрейма, в котором эта лексема маргинальна, — обыскивание человека.

¹⁸ Повторенный пример (7).

В этом случае используется глагол *tejəliŋək* ‘трогать, щупать’ (44), и можно говорить о том, что для лексификации фрейма обыска человека, который может не концептуализироваться как поиск, используется глагол из другого поля.

- (44) *ən-an* *yəm* *ine-tejəliŋ-yʔ-i*
 он-ERG я.ABS INV-трогать-ТН-2/3SG.S
 ‘Он меня обыскал’.

7.2. Этимология и морфосинтаксис единиц макрофрейма

Помимо глагола *enarərək*, основа которого выражает исключительно значения, связанные с поиском, лексемы макрофрейма обследования пространства являются дериватами глаголов из других семантических полей с достаточно прозрачной композиционной семантикой.

Глагол *ojpətkok* представляет собой итеративно-антипассивный дериват от глагола *ojpək* ‘вдевать, всовывать’.

Хотя в словаре [Венстен 2018] ‘обыскать’ указано как одно из значений глагола *ojpək* без деривационных показателей, в амгуэмском диалекте такое его использование невозможно — этот глагол описывает именно вдевание или засовывание одного объекта в другой:

- (45) *rətsiirʔə-n* *titi-k* *ojpə-ne-n*
 нить-ABS.SG иголка-LOC [2/3.S/A]всовывать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Он вдел нитку в иголку’.

Как можно видеть, диатеза *ojpək* и *ojpətkok* различаются: у первого прямым объектом является всовываемый предмет, а место, куда его всовывают, выражается формой косвенного падежа; второй присоединяет в позицию объекта место. Исходной для развития значения поиска у *ojpətkok*, по всей видимости, является ситуация, в которой человек активно шарит рукой внутри какого-то другого предмета, что предполагает, например, действия, описанные в (40b) и (41b). Изменение диатезы по сравнению с (45) обусловлено антипассивной функцией показателя *-tku/-tko*, а повторяемость и интенсивность действия — его семантикой из зоны глагольной множественности.

Глагол *ojpətkok*, как и глагол *enarərək*, также могут (ограниченно) употребляться непеходно, с местом поиска с пространственной деривацией (иногда в косвенном падеже):

- (46) *maša* *sente-səku* *ena.rer-yʔ-e*
 Маша ящик-IN [2/3.S/A]АНТИ.искать2-ТН-2/3SG.S
 ‘Маша искала в ящиках’.

Это ожидаемо для деривации с антипассивно-итеративным *-tku* или (исторически) с антипассивным *ine-/ena-*. Подобные случаи можно также рассматривать как смежные между макрофреймом обследования пространства и безобъектным поиском, так как объект поиска в таких случаях вовсе не выражен, а место поиска выражается не ядерным участником.

Глагол *rəritʔewək* в наших данных встречается также в варианте *rəritʔəʔewək* — с не вполне понятными различиями, а словарь [Венстен 2018] объединяет сразу четыре варианта этого глагола в одной словарной статье. Сам по себе этот глагол значит ‘разбрасывать’, содержит транзитивизирующий префикс *r-* и, вероятно, соотносится с непеходным глаголом *ritlək* ‘распространяться’ (один из вариантов, который приводит Ш. Венстен: *rə-ritl-ewə-k* [TR-распространяться-CS-INF] — прямой каузатив от основы *ritl-*).

Описанное происхождение специализированных лексем макрофрейма можно связать с их значением. Глагол *rəritʔewək* доступен при обследовании тех областей пространства, которые (или вещи из которых) можно разбросать: сумка, ящики, дом, но не природное

пространство. Глагол *ojpətkok* сочетается с объектами, в которые можно просунуть руку: сумка и ящики, но не дом или природное пространство. Таким образом, мы наблюдаем перенос ограничений в сочетаемости при переносе из исходного семантического поля в поле поиска. При этом действие, от которого произошел перенос на поиск — разбрасывание или итеративное всовывание — также обуславливает интенсивность процесса. Глагол *enarerək*, у которого значение поиска не мотивировано в доступном историческом отрезке времени, напротив, ограничений практически не демонстрирует.

8. Заключение

В этой работе мы описали семантическое поле поиска в чукотском языке, в том числе рассмотрели морфосинтаксические особенности и этимологию входящих в него единиц.

Как было показано, в амгуэмском диалекте поле поиска содержит глагол *enarerək*, который покрывает все или практически все поле; три единицы, выражающие собственно поиск объекта: *qərirək*, *-rerək*, *-yitik* — и ряд специализированных лексем макрофрейма обследования пространства: *ojpətkok*, *rəritʔewək*.

Для макрофрейма собственно поиска объектом ключевым параметром является референтность: различается поиск референтного и нереферентного объекта, причем внутри последнего в качестве значимой вычлняется ситуация поиска природных объектов для сбора или на охоте. Глагол *qərirək* по крайней мере для части носителей более приемлем при референтности объекта, *-yitik* возможен только при нереферентности объектов, причем в первую очередь он употребляется для описания поиска природных объектов, *-rerək* и *enarerək* покрывают все три фрейма. Для глаголов обследования пространства важными параметрами оказывается тип пространства, интенсивность и способ поиска.

Подробно охарактеризованы особенности синтаксического выражения валентностей лексемы *enarerək*, которые и позволяют этому глаголу покрывать все макрофреймы поля. Этим особенностям дано диахроническое объяснение: присутствие в этой единице префикса антипассива *ine-/ena-* (или исходно, или в результате переразложения на определенном этапе исторического развития лексемы) и утрата антипассивной деривации в амгуэмском диалекте для остальных глаголов. Сочетание этих факторов позволило лексеме, с одной стороны, сохранить ряд свойств антипассивной деривации, с другой стороны, обрести способность к инкорпорации объекта поиска, которой в диалекте с продуктивным антипассивом у подобной деривации от лексемы со значением ‘искать’ не ожидалось бы.

Кроме *enarerək*, механизм антипассивизации (точнее употребление этого показателя в функции пермутатива) оказывается важным для еще одной лексемы из макрофрейма обследования пространства — глагола *ojpətkok*, образованного с помощью показателя итератива-антипассива *-tkul/-tko* от *ojpək* ‘всовывать’.

Другой аспект, в котором наблюдается взаимодействие семантики и морфосинтаксиса, — соотношение референциального статуса объекта поиска и степени связанности морфемы, семантически соответствующей предикату. Было показано, что степень связанности коррелирует с референциальным статусом, причем чем меньше самостоятельность морфемы, тем более та склонна к нереферентным употреблением, и наоборот. Тогда как сама тенденция к употреблению конструкций с лексическими аффиксами (сходных с инкорпоративными комплексами) с нереферентными объектами не является неожиданной, важным оказывается тот факт, что грамматика чукотского языка подобные конструкции с точки зрения референциального статуса участников не ограничивает. Источником описанной специализации по референтности / нереферентности мы предлагаем считать наличие нескольких сходных единиц внутри одного семантического поля. При этом направление специализации (к референтности или нереферентности) задается морфосинтаксическими свойствами единиц.

В завершение работы необходимо рассмотреть полученные результаты в контексте более широкой типологической картины глаголов поиска.

Противопоставления, релевантные для чукотского в зоне поиска, регулярно воспроизводятся и в других языках (в частности, представленных в сборнике [ЕВРика]). Отдельно интересно рассмотреть референтность / нереферентность объекта поиска, которая, кроме чукотского, так или иначе релевантна для систем русского [Рыжова, Станкович 2018], агульского (< нахско-дагестанские) [Резникова, Мерданова 2018], китайского [Холкина и др. 2018], японского [Панина 2018], нанайского и ульчского (< тунгусо-маньчжурские) языков [Стойнова 2018].

При этом перечисленные языки кодируют это противопоставление различными способами: лексически (агульский), синтаксически (русский, где конструкция с внешним possessором предполагает нереферентный объект поиска), морфологически (наличие показателя рефактива в нанайском и ульчском) и даже графически (японский).

Чукотский язык представляет еще один способ кодирования этого противопоставления — степень связанности морфемы: конструкция с лексическим аффиксом (-*yilik*) противопоставлена глаголу (*qərirək*). Противопоставление, однако, не жесткое: и лексический аффикс *-rer*, и (в отдельных идиолектах) глагол *qərirək* способен сочетаться как с референтными, так и с нереферентными объектами поиска. Таким образом, выражение этого противопоставления в чукотском языке оказывается на границе лексического и морфосинтаксического. С одной стороны, оно выражается разными предикативными единицами, с другой стороны, наблюдается корреляция со способом выражения объекта поиска.

Еще один вклад чукотского материала в типологию поля состоит в том, что чукотский позволяет высветить как отдельный фрейм поиск природных объектов для сбора или охоты, регулярно выражающийся единицей *-yilik*. Насколько нам известно, этот фрейм поля поиска не был последовательно описан с типологической точки зрения. Тем не менее его учет необходим для полноценного описания поля. Помимо чукотского (некоторых идиолектов), отдельная лексическая единица для этого фрейма существует в японском, где глагол *asari* используется в ситуациях, когда животные ищут пищу, а человек ловит рыбу или ищет морепродукты и водоросли [Панина 2018]. Выделение этого фрейма релевантно и для языков, где специализированной лексемы для него нет: в частности в русском языке основная лексема поля — *искать* — в этом фрейме неестественна (*искать ягоды в лесу, искать медведя на охоте*), тогда как в нганасанском он регулярно лексифицируется основной *huur-* ‘искать’ [Гусев 2018].

Очерченный фрейм устроен внутри неоднородно. В приведенном выше примере из японского языка он оказывается более строго ограниченным, чем в чукотском, с точки зрения возможных сочетаний субъекта и объекта поиска. В китайском языке у лексем *sōi* и *liè* значение ‘искать’ в определенных исторических периоды совмещается только с ‘охотиться, искать зверя’, но не с ‘собирать, искать неподвижные природные объекты’ [Холкина и др. 2018]. При этом во всех перечисленных языках, если глагол объединяет поиск природных объектов с другими фреймами поиска с профилированием объекта, в их числе обязательно есть поиск нереферентного объекта, и предварительно можно говорить о том, что в ситуации поиска природные объекты осмысляются как правая граница шкалы референтности.

Фрейм поиска природных объектов должен быть включен в типологическую анкету при изучении поля поиска в дальнейших исследованиях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

A — агентивный участник

ABS — абсолютив

AN — личное склонение

ANTI — антипассив

ATTR — атрибутивизатор

SATCH — лексический аффикс со значением ‘до-быть, поймать’	MCP — движение с целью (что-то сделать)
COLL — собирательная множественность	NMN — номинализация, обычно со значением места
CS — вербализатор	NP — именная группа (используется при глоссировании лично-числовых показателей имен и стативных и перфектных форм глагола)
DAT — датив	O — пациентивный участник
DEV — дебитив	PASS — пассив
DES — дезидератив	PF — перфектив
DET — указательное местоимение ближнего дейксиса	PL — множественное число
DIM — диминутив	PTCL — частица с неясной семантикой, возможно, выступающая в роле заполнителя паузы хезитации
EAT — лексический аффикс со значением ‘есть, поглощать; ловить’	PTCP — причастие
EMPH — эмфатическая частица	RED — редуликация
ERG — эргатив	REL — относительное прилагательное
FST — фальстарт	RESTR — рестриктив
FUT — будущее время	S — подлежащее непереходной клаузы
GO.DO — движение с целью, присоединяется к именной основе	SG — единственное число
IN — пространственная деривация со значением ‘внутри X-а’	SEARCH — лексический аффикс со значением поиска
INC — инкорпорированная основа	SIDE — пространственная деривация со значением ‘сторона X-а, берег X-а’
INCH — инхоатив	SIM — конверб одновременности
INF — инфинитив	ST — статив
INS — инструменталис	SUBJ — субьюнктив
INV — инверсив	TH — тематический элемент
IPFV — имперфектив	TR — транзитивизатор
ITER — итератив	VB — вербализатор
LOC — локатив	
LOW — низкий статус участника с точки зрения лично-числовой иерархии	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брицын и др. (ред.) 2009 — Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.). *Концепт «боль» в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. [Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. (eds.). *Kontsept «bol'» v tipologicheskoy osveshchenii* [The concept of ‘pain’ in a typological perspective]. Kiev: Publ. House of Dmitri Burago, 2009.]
- Венстен 2018 — Венстен Ш. *Чукотско-французско-англо-русский словарь*. В 3 т. Анадырь; СПб.: Лема, 2018. [Weinstein Ch. *Chukotsko-frantsuzsko-anglo-russkii slovar'* [Chukchi-French-English-Russian dictionary]. In 3 vols. Anadyr; St. Petersburg: Lema, 2018.]
- Виняр 2019а — Виняр А. И. *Суффиксальные предикаты. Грамматический очерк чукотского языка*. 2019. Электронный ресурс. <http://chuklang.ru/sketch> (дата обращения 21.02.2024). [Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Suffixal predicates. A grammar sketch of Chukchi]. 2019.]
- Виняр 2019б — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2019, 3(25): 9–21. [Vinyar A. I. Suffixal predicates in Chukchi: Semantics, typology and origins. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2019, 3(25): 9–21.]
- Виняр 2023 — Виняр А. И. *Инкорпорация имени в чукотском: силовая динамика и диахроническая типология*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2023. [Vinyar A. I. *Inkorporatsiya imeni v chukotskom: silovaya dinamika i diakhronicheskaya tipologiya* [Noun incorporation in Chukchi: Force-dynamic approach and diachronic typology]. Cand. diss. Moscow: HSE Univ., 2023.]
- Гусев 2018 — Гусев В. Ю. «Найти» и «искать» в нганасанском языке и в русском языке нганасан. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.:

- Лабиринт, 2018, 203–217. [Gusev V. Yu. ‘Find’ and ‘search’ in Nganasan and the Russian speech of the Nganasans. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 203–217.]
- ЕВРика — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [*EVrika! A collection of papers about searching and finding on the anniversary of E. V. Rakhilina*]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Кибрик и др. 2000 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. *Язык и фольклор алыторцев*. М.: Наследие, 2000. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. *Yazyk i fol'klor alyutortsev* [The language and folklore of the Alyutors]. Moscow: Nasledie, 2000.]
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of aqua-motion: Lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Мельчук 2004 — Мельчук И. А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя. *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе*. Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). М.: Знак, 2004, 286–314. [Mel'čuk I. A. The definition of voice and enumeration of possible voices. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole*. Khrakovsky V. S., Malchukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004, 286–314.]
- Молл 1960 — Молл Т. А. *Корякско-русский словарь*. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиз, 1960. [Moll T. A. *Koryaksko-russkii slovar'* [Koryak-Russian dictionary]. Leningrad: Leningrad Department of Uchpedgiz, 1960.]
- Мудрак 2000 — Мудрак О. А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mudrak O. A. *Etimologicheskii slovar' chukotsko-kamchatskikh yazykov* [An etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan languages]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.]
- Муравьева 1979 — Муравьева И. А. *Сопоставительное исследование морфологии чукотского, корякского и алыторского языков*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1979. [Muravyova I. A. *Sopostavitel'noe issledovanie morfonologii chukotskogo, koryakskogo i alyutorskogo yazykov* [A comparative study of Chukchi, Koryak and Alyutor morphology]. Cand. diss. Moscow: Moscow State Univ., 1979.]
- Недялков 1979 — Недялков В. П. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация. *XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докладов*. Широков Г. К. (ред.). М., 1979, 266–268. [Nedjalkov V. P. Chukchi antipassive and secondary transitivity. *XIV Tikhookeanskii nauchnyi kongress. Abstracts*. Shirokov G. K. (ed.). Moscow, 1979, 266–268.]
- Панина 2018 — Панина А. С. Глаголы поиска и находки в японском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 184–200. [Panina A. S. Verbs of searching and finding in Japanese. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 184–200.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Майсак Т. В., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 9–26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexical-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. V., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 9–26.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. A frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. (ред.) 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.). Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(1): 9–63. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. (eds.). Verbs of falling in the languages of the world: Frames, parameters, and types of the systems. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(1): 9–63.]
- Резникова, Мерданова 2018 — Резникова Т. И., Мерданова С. Р. В поход за находками: глаголы ‘искать’ и ‘находить’ в агхулском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 105–119. [Reznikova T. I., Merdanova S. R. On a trip to discoveries: Verbs ‘search’ and ‘find’ in Aghul. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 105–119.]

- Рыжова, Станкович 2018 — Рыжова Д. А., Станкович М. К проблеме внутригенетической типологии: поля 'искать' и 'находить' в русском и сербском языках. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 15–37. [Ryzhova D. A., Stanković M. On the topic of intragenetic typology: Fields SEARCH and FIND in Russian and Serbian. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 15–37.]
- Скорик 1977 — Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка*. Ч. 2: *Глагол, наречие, служебные слова*. Л.: Наука, 1977. [Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi grammar]. Part 2. *Glagol, narechie, sluzhebnye slova* [Verb, adverb, function words]. Leningrad: Nauka, 1977.]
- Старченко 2021 — Старченко А. М. В поисках антипассива в амгуэмском диалекте чукотского языка. [Starchenko A. M. In search of antipassive in Amguema Chukchi.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2021, 17(1): 339–383.
- Стенин 2019 — Стенин И. А. *Общие сведения о чукотском языке и исследуемом говоре. Грамматический очерк чукотского языка*. 2019. Электронный ресурс. <http://chuklang.ru/sketch> (дата обращения 21.02.2024). [Stenin I. A. *Obshchie svedeniya o chukotskom yazyke i issleduemom govore. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Basic information about Chukchi and the idiom under study. A grammar sketch of Chukchi]. 2019.]
- Стенин (рук.) — Стенин И. А. *Лично-числовое согласование. Грамматический очерк чукотского языка*. Рук. [Stenin I. A. *Lichno-chislovoe soglasovanie. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Person-number agreement. A grammar sketch of Chukchi]. Ms.]
- Стойнова 2018 — Стойнова Н. М. Глаголы 'искать' и 'находить' и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 218–242. [Stoinova N. M. Verbs 'search' and 'find' and their derivatives in Nanai and Ulchi dialects. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 218–242.]
- Холкина и др. 2018 — Холкина Л. С., Наний Л. О., Сы Цян. Семантическое поле ИСКАТЬ-НАХОДИТЬ в китайском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 153–183. [Kholkina L. S., Nanii L. O., Si Qiang. Semantic field SEARCH-FIND in Chinese. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 153–183.]
- Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: Univ. of California Press, 1969.
- Bogoras 1910 — Bogoras W. *Chukchee mythology*. Leiden: Brill; New York: G. E. Stechert & Co., 1910.
- Comrie 1979 — Comrie B. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence. *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. Plank F. (ed.). London: Academic Press, 1979, 219–240.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Fillmore 1976 — Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language. *Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the origin and development of language and speech*, 1976, 280(1): 20–32.
- Fillmore 2006 — Fillmore C. J. Frame semantics. *Cognitive linguistics: Basic readings*. Geeraerts D. (ed.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2006, 373–400.
- Fillmore, Atkins 2000 — Fillmore C. J., Atkins B. T. S. Describing polysemy: The case of 'crawl'. *Polysemy: Theoretical and computational approaches*. Ravin Y., Leacock C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000, 91–110.
- Fortescue 2005 — Fortescue M. D. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Hopper, Thompson 1984 — Hopper P. J., Thompson S. A. The discourse basis for lexical categories in universal grammar. *Language*, 1984, 60(4): 703–752.
- Kantarovich 2020 — Kantarovich J. *Argument structure in language shift: Morphosyntactic variation and grammatical resilience in Modern Chukchi*. Ph.D. diss. Chicago: Univ. of Chicago, 2020.
- Kozinsky et al. 1988 — Kozinsky I. Š., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. *Passive and voice*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988, 651–706.
- Kurebito 2001 — Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. *Endangered languages of the Pacific Rim (Languages of the Pacific Rim 6)*. Miyaoka O., Endo F. (eds.). Osaka: Osaka Gakuin Univ., 2001, 65–84.
- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar: Vol. 1: Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.

- Langacker 2015 — Langacker R. W. Descriptive and discursive organization in cognitive grammar. *Change of paradigms—new paradoxes: Recontextualizing language and linguistics*. Daems J., Zenner E., Heylen K., Speelman D., Cuyckens H. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2015, 205–218.
- Mithun 1984 — Mithun M. The evolution of noun incorporation. *Language*, 1984, 60(4): 847–894.
- Rakhilina et al. 2020 — Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. To strive for lexical typology: To seek, to find (and not to yield). *Paper presented at the seminar “GL2-Lexical typology across time and space”*, LACITO, Paris. 2020.
- Rakhilina et al. (eds.) 2022 — Rakhilina E., Ryzhova D., Reznikova T. (eds.). *The typology of physical qualities*. Amsterdam: John Benjamins, 2022.
- Vinyar 2021 — Vinyar A. *Noun incorporation in Chukchi and beyond: A force-dynamic constructionist approach*. Master’s thesis. Moscow: HSE Univ., 2021.
- Wälchli, Cysouw 2012 — Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, 2012, 50(3): 671–710.
- Wierzbicka 1972 — Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka 1996 — Wierzbicka A. *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Получено / received 20.05.2023

Принято / accepted 26.09.2023

Чередование букв *a* и *o* в основе: можно ли говорить о прагматике распределения вариантов?

© 2024

Алексей Дмитриевич Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
shmelev.alexci@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье критически рассматривается гипотеза, согласно которой появление звука [o] на месте ожидаемого [a] (и, соответственно, при письменной передаче появление *o* на месте ожидаемой буквы *a*) представляет собой регулярный механизм, маркирующий неформальность слова: его отнесенность к жаргону, просторечию и другим некодифицированным областям языка. Показано, что за внешне сходными явлениями скрыты совершенно различные языковые механизмы. В частности, в целом ряде случаев появление *o* можно рассматривать как побочный эффект изменения акцентуации при словоизменении. Рассмотренные примеры подтверждают некоторый общий принцип орфографической проверки: нельзя использовать для проверки жаргонные и просторечные слова. Представляется, что этот принцип должен быть учтен в пособиях и справочниках по орфографии.

Ключевые слова: акцентуация, жаргон, орфография, просторечие, русский язык, чередования, языковая норма

Для цитирования: Шмелев А. Д. Чередование букв *a* и *o* в основе: можно ли говорить о прагматике распределения вариантов? *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 128–139.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.128-139

The alternation of stem-internal *a* and *o*: Can we say that it is determined by pragmatics?

Alexei D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow State University of Education, Moscow, Russia;
shmelev.alexci@gmail.com

Abstract: This article critically examines the hypothesis regarding the emergence of the sound [o] in the place of the expected [a] (and, accordingly, in written form, the occurrence of *o* in the place of the expected *a*) is a regular mechanism marking the informality of a word (its association with slang, colloquial language, and other non-standardized areas of the language). It shows that externally similar phenomena conceal completely different linguistic mechanisms. In particular, quite often the appearance of *o* is a side effect of the shifted stress in word inflection. The examples considered confirm a general principle of spell checking: slang and colloquial words cannot be used for checking. It is claimed that this principle should be taken into account in spelling guides and references.

Keywords: accentuation, alternations, language norm, linguistic subvarieties, orthography, Russian, slang
For citation: Shmelev A. D. The alternation of stem-internal *a* and *o*: Can we say that it is determined by pragmatics? *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 128–139.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.128-139

Этот текст представляет собой отклик на статью [Кронгауз 2024], в которой делается попытка рассмотреть ряд разнородных случаев, когда вместо ударного [а], которое можно было бы ожидать, исходя из презумпции относительного постоянства фонемного состава основы, в основе обнаруживается ударное [о]. Во всех этих случаях автор статьи усматривает особое явление — переход *a* в *o* в разговорной речи, просторечии, профессиональных и молодежных жаргонах. В связи с этим рассматриваются следующие казусы: жаргонное *шпора* в значении ‘шпаргалка’; просторечные формы множественного числа, такие как *польта* от *пальто* и *бошки* от *башка*; гипокористические личные имена, такие как *Лора* от *Лариса*, *Тома* от *Тамара*, *Мотя* от *Матвей*; жаргонное слово *симпотный*; слово *розлив*; формы *плотит*, *дорит*, *котит* от *платить*, *дарить*, *катить* и т. п.

Делается вывод, что использование *o* вместо ожидаемого *a* фонетически и графически маркирует неформальность слова. Представляется все же, что имеет смысл поместить каждый из рассматриваемых казусов в более широкий контекст в надежде выявить языковые механизмы, которые скрываются за соответствующими явлениями.

Статья начинается с сопоставления слова *шпаргалка* и жаргонного обозначения шпаргалки — *шпора*. Автор приводит ряд попыток объяснить, почему безударную гласную букву в слове *шпаргалка* нельзя проверять словом *шпора* (объяснения взяты с сайтов и порталов интернета и обладают разной степенью убедительности). Большинство из этих объяснений имплицитно, что слова *шпора* и *шпаргалка* нельзя считать однокоренными. Возражая этому имплицитному утверждению, автор пишет: «Все-таки графическое / фонетическое сходство *шпаргалки* и *шпоры* настолько велико, что хочется признать их однокоренными...». Но представляется, что это желание пропадет, если мы посмотрим на сленговую замену *шпаргалки* на *шпору* в сопоставлении с другими подобными заменами. Общий механизм таких замен заключается в следующем: литературное слово или словосочетание в том или ином жаргоне заменяется на другое слово (жаргонный субститут), которое в литературном языке имеет совсем иное значение, но созвучно некоторой части исходного слова. Так, *фанера* заменяет слово *фонограмма* (например, в сочетании *петь под фанеру*), слово *дрова* в жаргоне компьютерщиков заменяет *драйвер*, из более редких замен можно упомянуть слово *студень* вместо *студент* или *студенческий билет* и *репа* вместо *репетиция* (*Репа отменяется: дирижер заболел*). Давно известна замена слова *миллион* на *лимон* (с перестановкой согласных). Жаргонный субститут иногда бывает однокоренным с исходным словом или частью исходного словосочетания (например, когда слово *мать* используется как жаргонный субститут сочетания *материнская плата*), но это скорее редкость. В некоторых случаях можно попытаться усмотреть какую-то семантическую связь между исходным словом и его жаргонным субститутом. Так, о коннотациях слова *фанера* в значении ‘фонограмма’ в словаре [Ермакова и др. 1999] говорится: «Отрицательная оценка, поддельность, “деревянный”, неживой звук <фанера — имитирующий дерево, недоброкачественный, негибкий материал>». Да и относительно слова *шпора* ‘шпаргалка’ в этом же словаре высказывается такое предположение: «Возможно, что у слова первоначально были ассоциации с приспособлением, которое помогает как лит. *шпора* при езде на лошади...» [Там же]. Однако в общем случае нет никакой мотивированности замены, кроме фонетического сходства и большей краткости жаргонного субститута. Это становится очевидным, если привлечь к рассмотрению жаргонные субституты, которые в литературном языке используются как собственные имена (чаще всего — гипокористические антропонимы): *стёпа* вместо *стипендия*, *валя* вместо *валюта*, или в жаргоне компьютерщиков — *клава* вместо *клавиатура*, *лазарь* вместо *лазерный принтер*. Ясно, что не имеет смысла говорить, будто выбор имен, используемых как жаргонные субституты, как-то семантически мотивирован: мотивировка здесь чисто фонетическая. В любом случае мы легко можем заметить, что рассматриваемый механизм вовсе не включает обязательную замену *a* на *o*: ее нет ни в слове *клава* ‘клавиатура’, ни в слове *валя* ‘валюта’, ни в слове *лазарь* ‘лазерный принтер’. То, что мы наблюдаем такую замену в слове *шпора* ‘шпаргалка’, обусловлено ровно тем, что в литературном языке есть слово

шпора и нет слова **шпара*. Заметим, что иногда (хотя значительно реже) в качестве жаргонного субститута для *шпаргалки* используется слово *шпага* (см., например, [Сосновский 2016: 102]), и здесь никакая замена не происходит, что вполне ожидаемо, поскольку в литературном языке есть слово *шпага* и нет слова **шпога*. Таким образом, слово *шпора* трудно рассматривать как иллюстрацию регулярной замены *a* на *o* в некодифицированной области языка.

Далее в статье М. А. Кронгауза рассматриваются «чередования *a* и *o*, описанные в лингвистической литературе». Этот раздел состоит из двух подразделов.

В первом из них обсуждаются правила написания корней с чередующимися гласными *a* и *o* со ссылкой на сайт gramota.ru. Автор высказывает ряд замечаний к формулировке правил как они приведены на указанном сайте. В частности, он справедливо указывает, что имена собственные *Ростов* и *Ростислав* в современном языке не должны включаться в список слов с корнем *раст/рац/рос*. Другое замечание приходится признать менее справедливым. Автор выражает сомнение в том, что на синхронном уровне можно говорить о сохранении единого корня *твор/твар*, и ссылается на следующее утверждение по поводу варианта *твар* (из [Кронгауз и др. 2018: 29]): «Второй вариант встречается в нескольких словах, изначально связанных с идеей творения, но по существу потерявших или теряющих эту связь». Представляется, что эта связь никак не утрачивается, когда речь идет о противопоставлении *Творца* и *твари*. Об этом свидетельствует множество примеров из [НКРЯ]¹, из которых приведем лишь несколько:

- (1) *Христианский Запад остро нуждается сегодня в православном чувстве тайны, «страха Божия», онтологической дистанции между Творцом и тварью...* [В. В. Библихин. Единое христианство (2002)].
- (2) *Потому речь здесь идет не о грубом спиритуализме, а об отношении между Творцом и тварью, Автором и считывателем сотворенного бытия...* [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел II. Творец и род (2006)].
- (3) *Обезьяна выглядела лучше, ярче, чем могла бы выглядеть при жизни, — словно была не чучелом, а чистым замыслом, самой идеей новой твари, задуманной Творцом перед сотворением* [П. В. Крусанов. Волосатая сутра. Мойка, 48 (2012)].

Тем более эта связь очевидна в прилагательных *тварный* и *нетварный*. Опять несколько примеров:

- (4) *Если бы первые люди науки не видели мир сплошь тварным, если бы они не понимали его как высочайшее произведение божественного искусства, мы не знали бы математической физики* [Вячеслав Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание — сила», 2003].
- (5) *Сверхъестественная — совершается погружением нашего сотворенного духа в нетварный Дух Божий* [Два труда об истинном христианстве (2004) // «Журнал Московской патриархии», 23.02.2004].
- (6) *Сложное учение о цепочке символической коммуникации божественного и человеческого, нетварного и тварного, которое и составляет нерв лосевских размышлений о культуре, конечно, может в его текстах затеняться яркими филиппиками, но именно через это учение мы должны понимать творчество Лосева и его место в беспощадных умственных коллизиях века* [А. Л. Доброхотов. А. Ф. Лосев — философ культуры (2009)].

¹ Все примеры из НКРЯ приводятся в том виде, в каком они там содержались (по состоянию на апрель 2024 г.); лишь добавлено шрифтовое выделение интересующих нас единиц. Далее в случаях, когда пример заимствован из НКРЯ это специально не оговаривается.

Однако, независимо от указанной неточности, соответствующий раздел статьи М. А. Кронгауза вызывает двойное удивление.

Во-первых, непонятно, почему автор использует формулировки с сайта gramota.ru, а не значительно более корректные формулировки полного академического справочника [Лопатин 2007]. В этом справочнике в раздел, посвященный написанию слов с корнем *раст/рац/рос*, не включены имена собственные *Ростов* и *Ростислав*, зато упоминается ряд исключений из общего правила, о которых, по-видимому, просто забыли авторы формулировки на сайте gramota.ru. Сюда относятся, например, наречное выражение *на вырост*, а также слово *подростковый*, для которого современные справочники признают нормативным ударение на третьем слоге, наряду со «старым» ударением на втором слоге. Да и формулировка правила о корне *твор/твар*, включенная в этот справочник, тоже не вызывает особых замечаний. Кроме того, в нем учтены корни, о которых забыли авторы справки на сайте gramota.ru: *най/ной* (в глаголе *паять* и некоторых однокоренных словах, например, *припой*) и *кран/крон* (ср. *кранить* ‘покрывать мелкими пятнышками, точками’ и *кровать* ‘покрывать мелкими каплями, брызгами’)².

Во-вторых, несколько странным кажется отнесение орфографических справочников, преследующих чисто практические цели, к «лингвистической литературе». В них не делается попытка дать лингвистический комментарий к чередованию гласных букв в ряде корней, вследствие которого и оказывается невозможной рутинная проверка. Между тем лингвистический комментарий мог бы быть полезен и с практической точки зрения. Так, можно заметить, что чередование гласных букв в корнях может иметь различные источники. Иногда это наследие праславянского аблаута. Но есть и случаи, когда мы имеем дело с различными рефlekсами начального праславянского **or* или **ol* (например, в корне *равн/ровн*). Осознание этого позволит добавить к традиционно выделяемым корням с чередующимися гласными по меньшей мере еще один и отметить невозможность проверять слово *ладья* словом *лодка*. Удивительно, что этот корень регулярно проходил мимо внимания орфографистов; впрочем, он кратко упоминается в полном академическом справочнике [Лопатин 2007], в котором названы и некоторые другие корни с интересующим нас чередованием (например, *бархат* — *бархотка*).

Во втором подразделе со ссылкой на академическую грамматику [РГ 1980: 428–429] описывается переход *о* в *а* перед имперфективным глагольным суффиксом *ыва/ива*. Здесь хочется добавить две вещи. Во-первых, более точное, хотя и краткое описание морфологических условий данного чередования содержится в фундаментальной монографии [Иткин 2007: 146–147]. Во-вторых, раз уж затрагиваются общие принципы русской орфографии, полезно было бы упомянуть, что невозможность проверять гласную в корне глагола совершенного вида глаголами несовершенного вида с суффиксом *ыва/ива* можно рассматривать как частный случай более общего принципа: нельзя проверять гласную в глагольном корне глаголом противоположного вида. Так, гласную букву в глаголе *упоминать* нельзя проверять формами глагола *упомануть* (*упоманешь, упоманет* и т. д.), гласную букву в глаголе *предлагать* — формами глагола *предложить* (*предложишь, предложит* и т. д.)³.

Но дальше в статье происходит переход к менее тривиальному материалу. Следующий раздел так и называется — «Чередования *а* и *о*, не описанные в лингвистической литературе». Раздел начинается с повторного рассмотрения корня *зар/зор*, в котором «под ударением пишется то, что слышится, а в безударном положении пишется *а*», и обращается особое внимание на пару *заря* — *зори*, «поскольку чередование происходит

² Можно заметить также, что на сайте gramota.ru допущена ошибка в описании корня *кас/кос* (*ка-саться* — *коснуться*): в нем говорится о корне *кас/косн!* Понятно, с чем связана эта ошибка: буква *о* пишется в этом корне в тех случаях, когда за ним следует суффикс, начинающийся с *н*. Но все же буква *н* в соответствующих словах никак не может быть отнесена к корню.

³ Правило о написании корня *лаг/лож* непосредственно связано с этим принципом.

внутри лексемы существительного: в единственном числе с безударным корнем пишется *a*, а во множественном числе под ударением *o*». Действительно, в современном языке слово *заря* относится к той же акцентной парадигме, что и слово *дуга*, т. е. имеет ударение на втором слоге в формах единственного числа и на первом слоге в формах множественного числа. Однако ясно, что выбор гласной в корне *зар/зор* в этом слове обусловлен именно акцентуацией. В сочетании *бить зорю* мы имеем *o* в корне — именно потому, что гласный звук в корне находится под ударением. Все помнят хрестоматийные строки Пушкина:

- (7) *Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает...*

Можно было бы говорить, что мы имеем дело с устойчивым выражением *бить зорю*, но множество примеров из реальных текстов убеждают нас, что это не так. Форма *зорю* встречается в сотнях разнообразных текстов, часть из которых даже вошла в НКРЯ, в сочетаниях *играть зорю*, *барабанить зорю*, *трубить зорю*, *ударить зорю*, *возвестить зорю*, а в поэтических текстах еще и *горланить зорю* и т. п.

Естественно сказать, что в слове *заря* мы имеем дело с фонемой <o> в корне (в понимании Московской фонологической школы), а написание буквы *a* обусловлено лишь традицией, отраженной в цитированном правиле. Тогда для слова *заря* мы должны будем допустить и другую акцентную парадигму — как у слова *спина* (ударение на окончании в единственном числе за исключением винительного падежа и на основе во множественном числе и в винительном падеже единственного числа). Иное изыщное решение предложено в словаре [Зализняк 1977/2008]: выделяется значение слова *заря* ‘рассвет или закат’, для которого постулируется с небольшими оговорками та же акцентная парадигма, что и для слова *дуга*, и фиктивная единица *зоря* ‘военный сигнал’, с неподвижным ударением на основе, о которой говорится, что она «используется преимущ. в выражении *бить зорю*». Действительно иногда (хотя чрезвычайно редко) *зоря* в значении ‘военный сигнал’ используется не только в винительном падеже:

- (8) *Вечерело; люди одевались в шинели, приготавливаясь к зоре* [Юрий Бирюков. «...В одно моленье души русские сольем»].

Но в целом такое решение, разбивающее слово *заря* на две единицы с разными акцентными парадигмами, не проходит. Слово *заря* в значении ‘рассвет или закат’ иногда встречается в форме *зорю*, например:

- (9) *Важно сбочив лохматую голову, любитесь на перегорающую, отразившуюся в зеркальной поверхности зорю, на садящееся за лес, переливающее жаром солнце...* [И. С. Соколов-Микитов. *Детство* (1929–1953)].
- (10) *Сашка сказал, что пойдет на озеро, чтобы не прозевать утиную зорю, и что вернется не раньше завтрашнего полудня* [Василий Белов. *Чок-получок* (1980)].

Впрочем, все сказанное никак не подрывает общей закономерности: акцентуация в рассматриваемых единицах может быть неустойчива, но под ударением в них встречается только [o] (и, соответственно, пишется *o*), и потому написание буквы *a* в них при отсутствии ударения приходится признать данью традиции. Дело исключительно в ударении и не зависит от стилистических факторов.

На этом фоне в статье М. А. Кронгауза описывается ненормативное образование множественного числа у слов *пальто*, *башка*, *балда*, *табло* (в значении ‘лицо’), *фата*.

Слово *башка* отчасти напоминает слово *заря* — как в плане акцентуации, так и в плане закономерностей чередования *a* — *o* (при этом существенно, что слово *башка* относится к просторечию — или к «сниженно-разговорному регистру»). Стандартно для него (или, точнее, обычно для него — поскольку говорить о стандарте в применении к просторечию

трудно) ударение на окончании и в единственном, и во множественном числе⁴, но оно иногда встречается на основе во множественном числе, и в этом случае во множественном числе устойчиво произносится [о] (и при необходимости письменной фиксации пишется о). При этом и во множественном числе, когда предполагается ударение на окончании, в корне всегда пишется а.

Но и в единственном числе при ударении на основе произносится [о]. Разумеется, это чаще всего происходит в форме винительного падежа, когда *башка* изменяется в соответствии с той же акцентной парадигмой, что и *спина*. Ср. такие примеры:

- (11) *А тетя Маша сказала: «Ведь вот что значит, когда городской ребенок-то. Нашии и в **бошку** не вскочит»* [Т. В. Доронина. Дневник актрисы (1984)].
- (12) *А если с бабой выпить хочешь? Ей тоже **бошку** обривать?* [Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999)].
- (13) *Я б тебе не хуже Драбкина **бошку** свернул, уверяю* [С. А. Самсонов. Кислородный предел (2008–2009)].
- (14) *Не-ет, связали и на **бошку** ему контейнер напялили...* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].
- (15) *Это на **бошку** надевать, только не себе, а тому, с кем разговаривать будешь...* [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

Но и в других падежах ударение может быть на основе, и тогда предсказуемо гласный в корне оказывается [о], например:

- (16) *Физхимия в моей **бошке** уложилась плохо, надо её пройти (бы) ещё раз* [А. А. Сарибан. Дневник (1974)].

С другой стороны, вполне употребительны формы множественного числа с ударением на окончании, и тогда, как уже говорилось, при письменной передаче гласный звук в первом слоге обозначается буквой а, например:

- (17) *...ход общей мысли, возникающей во всех **башках** одновременно* [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].
- (18) *И нам с тобою, как жирондистам, первым поотрубают **башки*** [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013].
- (19) *Представь, что вы друг друга по **башкам** сковородками били...* [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].
- (20) *Крепко мозгуйте, парни, напрягите **башки**, коли есть чего в них напрягать...* [В. П. Астафьев. Бойе (2015)].

Любопытно, что в [Кронгауз 2024] приведены некоторые примеры с ударением на основе (и, соответственно, написанием о) в формах единственного числа, но примеры с ударением на окончании (и, соответственно, написанием а) в формах множественного числа ему, по-видимому, не встретились.

Здесь опять-таки ясно: выбор гласной буквы в корне обусловлен акцентуацией, и в понимании Московской фонологической школы мы имеем дело с фонемой <о> в корне. Отличие от слова *заря* в стилистической отнесенности: *заря* нейтральное, а *башка* в разных формах — сниженно-разговорное.

⁴ В словаре [Крысин 2014] для всех значений слова *башка* указывается форма множественного числа *башки* (без указания места ударения), но при этом отмечается, что она неупотребительна.

Несколько иначе обстоит дело с формами слова *пальто*. В нем в единственном числе ударение на втором слоге как в литературном языке, в котором оно не склоняется, так и в просторечии (*без пальта, в пальте* и т. п.). Во множественном числе в просторечии ударение переходит на первый слог, в котором произносится гласный [о] (и в передаче просторечия на письме он изображается буквой *о*). Но и здесь (если опять-таки исходить из терминологии Московской фонологической школы) в просторечии мы имеем дело с фонемой <о> (а в литературном языке — с гиперфонемой).

Для слов *балда, табло* (в значении ‘лицо’), *фата* употребительность форм множественного числа (даже в просторечии) вызывает сомнения. Но даже если допустить, что эти формы сколько-нибудь устойчиво встречаются в просторечии, они подчиняются одному и тому же принципу. Попросту говоря, в литературном языке мы имеем дело с гиперфонемой, которая конвенционально обозначается буквой *а*, а в просторечии под ударением проявляется фонема <о>, которую носители просторечия (и те, кто имитирует их речь) обозначают буквой *о* (а без ударения обычно используется буква *а* как в литературном языке).

Таким образом, во всех рассматриваемых примерах в литературном языке первый слог всегда безударен (гласному звуку в нем в силу орфографических условностей соответствует буква *а*), а в просторечии он может быть ударным, и тогда в нем всегда произносится [о] (при передаче на письме *о*). Другие закономерности чередования *а — о* здесь не просматриваются.

При этом все рассмотренные примеры представляют интерес в том плане, что иллюстрируют некоторый важный принцип русской орфографии: нельзя проверять написание просторечными выражениями⁵.

Далее в статье рассматриваются гипокористические формы личных имен (автор называет их «неформальными разговорными формами»). Упоминаются имена *Лора, Лорка...* (от «полного» имени *Лариса*); *Мотя, Мотька...* (от «полного» имени *Матвей*); *Тома, Томочка...* (от «полного» имени *Тамара*). Можно было бы добавить гипокористики *Мотя* от «полного» имени *Матрена* и *Афоня* от «полного» имени *Афанасий*, а также, может быть, *Додик* от «полного» имени *Давид*.

- (21) *У нас новая прислуга — подгорничная Матрена — Мотя, суцья деревенщина* [А. Н. Бенуа. Дневник (1916)].
- (22) *С другой стороны жила Мотя, Матрена Ивановна Кауфман* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)].
- (23) — *Здравствуй, Афоня! — протянул он Афанасию свою железную ржаво-синеватую руку...* [Н. Никандров. Проклятые зажималки (1920–1929)].
- (24) *А взять того же Давида Шапиро, Додика?* [Сергей Гандлевский. НРЗБ (2002)].
- (25) *До войны в 17-ой школе города Минска учились три друга: Женя Мазо, Сема Маршак и Давид — Додик Герцик* [Светлана Гебелева. Три толчка сердца (2003)].

Однако закономерности образования стандартных гипокористических форм русских личных имен составляют отдельную проблему. Далекое не всегда при этом происходит замена ожидаемой *а* на *о*. От имени *Василий* стандартная гипокористика — *Вася* (а не **Вося*), от имен *Валентин* и *Валентина* — *Валя* (а не **Воля*), от имени *Галина* — *Галя* (а не **Голя*), от имени *Татьяна* — *Таня* или *Тата* и т. д. (гипокористик, в которых «сохраняется» *а* чрезвычайно много). Да и имя *Лора* (в качестве гипокористики *Ларисы*), пожалуй, менее

⁵ Этот принцип обсуждается, в частности, в [Шмелев 2021: 11] — в том числе в связи с невозможностью проверки гласной буквы в глаголе *платить* посредством форм *плотишь, платит* и т. д., о которых речь пойдет далее.

употребительно, чем *Лара*⁶. Не случайно все помнят героиню «Доктора Живаго» по имени *Лара*. Поэтому говорить об использовании *о* вместо ожидаемого *а* как о механизме образования «неформальных разговорных форм» едва ли есть основания.

Далее в статье упоминается имя *Борька*, которое названо «типичной кличкой для барана», и «типичность» подтверждается «многочисленными видеороликами в интернете, а также стихотворением А. Барто “Баран Борька”». Действительно баранов иногда называют *Борька*: можно было бы добавить пример из НКРЯ:

(26) ...мне почему-то вспомнился баран Борька из далекой Новой деревни, постоянно отбивающийся от стада... [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)].

И автор справедливо замечает, что «здесь нельзя говорить о чередовании, но, скорее, о поэтическом сближении названия животного и имени». Это совершенно верно, но тогда не вполне ясно, какое отношение это имеет к теме статьи — тем более что кличка *Борька* едва ли не в большей степени «типична» для борова. Ср. примеры из НКРЯ:

(27) Из забав — катались верхом на соседском борове Борьке, для которого собирали рыбу по берегу после бури (как он мучился ревя, когда сдыхал, отравившись снулым осетром...) [Александр Иличевский. Перс (2009)].

(28) Как чёрный боров Борька, который живёт на Холмах! [В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016].

(29) Катался верхом на борове Борьке, несмотря на суровый запрет. [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог (2021)].

Эта кличка может быть применена и к другим животным (обычно домашним или цирковым; чаще всего к пороссятам и кабанчикам, но также, по данным НКРЯ, к лебедю, бычку, щенку, дворовому псу, лосенку и даже к бурундуку и суматрскому тигру). Но если в применении к борову и бурундуку еще можно ссылаться на «поэтическое сближение» (попросту говоря, созвучие) слов *боров* и *бурундук* и клички *Борька* (хотя никакого чередования *а—о* при выборе клички в этих случаях нет), то другие случаи использования клички *Борька* явно никак не связаны с созвучием⁷.

Слово *симптомный* ‘симпатичный’, по-видимому, представляет собой изолированное явление, так что трудно видеть в нем действие какого-либо универсального языкового механизма. Несколько более системными представляются не отмеченные в статье М. А. Кронгауза *приглос* ‘приглашение’⁸, *спос* ‘спасибо’, *досвидос* ‘до свидания’, в которых мена *а* на *о* позволяет получить образования с характерной для жаргона финалью *-ос*. И, наконец, вполне системно слово *розлив* (с ударением на первом слоге), существующее наряду со словом *разлив* (с ударением на втором слоге). Общее правило функционирования слов с приставкой *раз/роз/рас/рос* хорошо известно: под ударением в ней произносится

⁶ В частности, можно упомянуть, что покойные Лариса Калакуцкая (лингвистка), Лариса Богораз (правозащитница и лингвистка) и Лариса Беспалова (переводчица) в неформальном общении звались именно *Ларями*.

⁷ В частности, в повести Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» кличку *Борька* носит неоскопленный кабан, а вовсе не боров (и Чонкин даже приревновал к нему Нюрку). При этом следует согласиться, что использование антропонима по отношению к животному часто основано именно на созвучии. Так, по отношению к петуху часто используется имя *Петя* (*Петя-петушок*) или *Петька*. Это касается и сказочных персонажей: лису в сказках часто называют *Лисавета Ивановна* или *Лисавета Патрикеевна*, медведя (*мишку*) — *Михаил Иванович* или *Михаил Потапович*.

⁸ Как было написано участником одной из социальных сетей, после того как было согласовано место и время некоторого мероприятия: *тогда рассылаю приглос*.

[о] и, соответственно, пишется *о*⁹, а без ударения используется церковнославянское написание с буквой *а*.

Пара *ро́злив—разлѝв* не составляет исключения: в слове *розлив*, как и во многих профессионализмах, ударение переходит на первый слог и, соответственно, произносится [о] (и пишется *о*). Иными словами, дело здесь только в ударении и в орфографической условности.

Утверждение, будто в этой паре «некоторая особенность заключается в том, что здесь фактически представлена дублетная пара, то есть синонимы, которые формально различаются только вариантом приставки (и ударением, естественно)» [Кронгауз 2024: 89], преувеличивает специфику данного примера. Во всех подобных парах написание приставки напрямую зависит от ударения. Так, форма прошедшего времени глагола *раздать* в мужском роде имеет «старый» (и более изысканный) вариант *роздал* (с ударением на первом слоге)¹⁰ и «новый» вариант *раздал* (с ударением на втором слоге). Здесь происходит то же самое, что и в формах *отдал*, *продал*: имеется «старый» вариант (с ударением на первом слоге) и «новый» вариант (с ударением на втором слоге). А в формах страдательных причастий мы имеем *роздан*, *роздано*, *розданы* (с ударением на первом слоге), но *раздана* (с ударением на окончании)¹¹. Вариативность акцентной парадигмы в формах с префиксом *раз/роз/рас/рос* влечет за собой вариативность написания.

Похоже обстоят дела и с такими глаголами, как *разнять* и *разлить*, с той разницей, что у них формы с ударением на первом слоге устарели и воспринимаются многими современными носителями языка как отклоняющиеся от нормы¹². Однако эти формы встречаются в текстах и, разумеется, пишутся с буквой *о* в первом слоге:

(30) *Бумаги у него не было — были нарезанные для самокруток полоски «Кубанских ведомостей», — но он позабыл о них и они намокли; кстати вспомнив, он бережно рознял их по одной и тоже развесил сушиться* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

(31) — *Коган розлил коньяк* [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)].

Далее М. А. Кронгауз снова переходит к просторечным формам глаголов *дарить*, *капиться*, *платить*, *растить*, (*но*)*садить*, а именно: *дорит*, *котится*, *плотит*, *ростит*. В связи с формами глаголов *платить*, *дарить*, *посадить* в статье приводится замечание Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1987], отметившего несоответствие произношения личных форм этих глаголов их графическому облику: при написании *платит*, *дарит*, *посадит* в корне произносится ударный [о]. Заметим, что названные глаголы устроены не вполне одинаково.

Несоответствие написания личных форм глагола *платить* и его приставочных производных (а также соответствующих страдательных причастий) живому произношению имело место уже давно и было закреплено в орфографическом руководстве Я. К. Грота. Процитируем соответствующий отрывок из этого руководства [Грот 1894: 23]:

Въ наст. вр. глагола *платить* пишутъ: *платишь*, *платятъ* и т. д., равно и въ страд. причастіи: *заплаченъ*, *уплаченъ*, хотя въ произношеніи слышится *о*.

⁹ Исключение составляет форма *распят*, в которой и при ударении на первом слоге сохраняется церковнославянское произношение с [а] и, соответственно, написание с буквой *а*.

¹⁰ В словаре [Еськова (ред.) 2015], в значительной степени ориентированном на «новые» нормы, форма *роздал* имеет помету *доп. устар.*

¹¹ Впрочем, в словаре [Еськова (ред.) 2015] приводится как допустимая и форма *роздана* с ударением на первом слоге.

¹² Не случайно публикаторы письма Глеба Семенова, адресованного Т. Ю. Хмельницкой, в котором содержалось слово *розлит*, добавили к этому слову помету <sic!> [Охотин, Семенова 2023: 477].

<...>

Звукъ *e* съ удареніемъ, слышимый послѣ согласнаго, также не всегда пишется. Такъ въ прошедшемъ вр. глаголовъ *запрячь* и *трясти* большею частью пишутъ этимологически: *запрягъ* и *трясъ*, хотя произносятся «запрѣгъ, трѣсъ». Равнымъ образомъ и въ неопр. наклоненіи пишутъ *запрячь*, а произносятся «запречь». Родит. падежъ ед. ч. личнаго мѣстоим. *она* пишется *ея*, произносится *ее*.

Несколько огрубляя картину, можно сказать, что произношение [а] в корне соответствующих форм представляло собой рабское следование написанию, а написание в них *о* — рабское следование произношению. Именно с этим связан комический эффект от штампа *уплочено* в «Мастере и Маргарите».

Иногда указанное несоответствие приводит к определенным проблемам. В первом действии «Ревизора» Гоголя Добчинский говорит о Хлестакове: *денегъ не платить*. А в последнем, пятом действии Лука Лукич цитирует эту фразу так: *денегъ не плотить*. Именно таковы написания в изданиях текста пьесы. В современных постановках (в частности, в представленных в мультимедийном корпусе НКРЯ) в первом случае актеры произносят [а], а во втором — [о]. Но не вполне ясно, входило ли это в авторский замысел. Можно было бы предположить, что Гоголь в первом действии использовал «этимологическое» написание, а в пятом действии — «фонетическое», но сделал это неосознанно и предполагал в обоих случаях произношение [о]. Но, кроме того, можно заметить, что в черновых редакциях (и первой, и второй) написание *плотить* использовано и в первом действии. Поэтому правдоподобным кажется предположение, что написание *плотить* в первом действии было исправлено на *платить* редактором, а в пятом действии прошло мимо редакторского внимания.

Это связано с более общим методологическим затруднением. При несоответствии написания произношению невозможно прямолинейное использование корпусных данных для установления особенностей произношения в минувшие эпохи. Если в тексте мы обнаруживаем форму *платить*, то мы не можем достоверно установить, предполагалось ли в ней произнесение [а] или [о] в первом слоге. (Но если написано *плотить*, можно уверенно говорить, что в первом слоге предполагалось произнесение [о].)

С течением времени под влиянием написания возобладало произношение [а], а произношение [о] стало восприниматься как просторечное. Соответственно, написания с *о* в настоящее время используются в художественной литературе в основном при необходимости имитировать просторечие.

Несколько иначе обстояли дела с глаголами (*по*)*дарить*, *катить(ся)*, (*по*)*садить*. Раньше в личных формах этих глаголов нормативно было ударение на окончании. Всем со школьных лет памятна строка *Оглянуться не успела, / Как зима катит в глаза; Посмотрит — рублем подарит*.

Однако начиная примерно с XVIII в. происходил процесс перехода ударения на основу. У Пушкина в личных формах глагола *катить* мы встречаем ударение как на втором, так и на первом слоге:

- (32) *Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.*
- (33) *Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

При этом мы не можем уверенно сказать, произносилось ли [а] или [о] в случаях, когда ударение падало на первый слог. Когда форма *катится* рифмуется со словами *каракавица*

или *сумятица*, очевидно, что в первом слоге произносится ударное [а]. Но в целом написание буквы *а* не гарантирует произношения [а].

Необходимо заметить, что переход ударения на основу в этих глаголах происходил не одновременно. В частности, данные поэтического корпуса НКРЯ показывают, что ударение на окончании в личных формах глагола (*по*)*дарить* вплоть до нашего времени актуально для ряда авторов¹³.

Почему же Н. С. Трубецкой уверенно включал глагол *дарить* в число глаголов с ударением на основе в личных формах (и произношением [о])? Можно допустить, что это была сознательная ориентация на московское просторечие — примерно такая же, как у Пастернака, который произносил формы типа *звонит* с ударением на основе, что нашло отражение и в его стихах. А в ходе развития языка в личных формах глагола *дарить* в кодифицированном литературном языке победило ударение на основе (ударение на окончании воспринимается как устаревшая норма), но при этом со звуком [а].

Наконец, глагол *растить* выпадает из этого ряда, поскольку в нем в личных формах при ударении на основе не может быть конкуренции [а] и [о]. Дело в том, что в корне *раст/рос* выбор одного из двух теоретически возможных написаний возникает только в тех случаях, когда гласный звук корня не несет на себе ударения; но под ударением всегда произносится [о] (и, соответственно, пишется *о*). Иными словами, вопрос здесь только в акцентуации, а произнесение [о] и написание *о* — автоматическое следствие переноса ударения на основу.

Что же касается формы *нолито*, то в ней естественно усматривать пример языковой игры (другой пример такой языковой игры представляет собой формула *чай заворен* — вместо *заварен*). Едва ли стоит придавать такой языковой игре слишком большое значение.

Итак, представляется, что гипотеза о замене *а* на *о* как о регулярном механизме создания стилистической окраски неформальности не проходит, несмотря на все остроумие этой гипотезы. В большинстве случаев эта замена происходит лишь как побочный эффект действия некоторых других, более регулярных механизмов. Однако вполне можно допустить, что произнесение [о] там, где носитель кодифицированного литературного языка мог бы ожидать [а], усиливает ощущение неформальности и сниженности. А в той мере, в какой это произнесение отражается на письме, мы можем говорить и о замене *а* на *о*.

В целом можно заметить, что в статье М. А. Кронгауза собран и систематизирован интересный материал, касающийся чередования букв *а* и *о* в основе и связанной с этим невозможности проверки. В значительной мере он иллюстрирует и подтверждает общий принцип невозможности проверки слов общелитературного языка посредством слов, относящихся к просторечию и жаргону. По-видимому, этот принцип должен быть эксплицитно представлен в пособиях и справочниках по орфографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грот 1894 — Гротъ Я. К. *Русское правописание*. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. [Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian orthography]. St. Petersburg: Press of the Imperial Academy of Sciences, 1894.]
- Ермакова и др. 1999 — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. *Слова, с которыми мы все встречались*. М.: Азбуковник, 1999. [Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'* [The words we all have met]. Moscow: Azbukovnik, 1999.]
- Еськова (ред.) 2015 — Еськова Н. А., Борунова С. Н., Воронцова В. Л. *Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы*. Еськова Н. А. (ред.). М.: АСТ, 2015. [Es'kova N. A., Borunova S. N., Vorontsova V. L. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie*,

¹³ Небольшое замечание pro domo mea: в 1960-е моя бабушка исправляла меня, если я произносил глагол *подарит* с ударением на основе (разумеется, со звуком [а]). Для нее это звучало примерно так же, как глаголы *включит* или *позвонит* с ударением на основе.

- udarenie, grammaticheskie formy*. [Orthoepic dictionary of Russian: Pronunciation, stress, grammatical forms] Es'kova N. A. (ed.). Moscow: AST, 2015.]
- Зализняк 1977/2008 — Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008 (1-я публ. в 1977 г.). [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: AST-Press Kniga, 2008 (first publ. in 1977).]
- Иткин 2007 — Иткин И. Б. *Русская морфология*. М.: Гнозис, 2007. [Itkin I. B. *Russkaya morfonologiya* [Russian morphonology]. Moscow: Gnozis, 2007.]
- Кронгауз 2024 — Кронгауз М. А. Чередование *a* и *o* в основе и прагматика распределения вариантов. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 83–92. [Krongauz M. A. The alternation of stem-internal *a* and *o* and pragmatic mechanisms of alternant distribution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 2: 83–92.]
- Кронгауз и др. 2018 — Кронгауз М., Арутюнова Е., Панов Б. *Неучебник по русскому языку. Орфография*. Ч. 1: *О корнях и не только*. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2018. [Krongauz M., Arutyunova E., Panov B. *Neuchebnik po russkomu yazyku. Orfografiya* [“Not-a-Textbook” of Russian. Orthography]. Part 1: *O kornyakh i ne tol'ko* [On roots and beyond]. Moscow: Klever-Media-Grupp, 2018.]
- Крысин 2014 — Крысин Л. П. (отв. ред.). *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 1: *A–И*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [A dictionary of Russian colloquial speech]. No. 1: *A–I*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.]
- Лопатин 2007 — Лопатин В. В. (ред.). *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. М.: Эксмо, 2007. [Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation: Complete Academic reference book]. Moscow: Eksmo, 2007.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Охотин, Семенова 2023 — Охотин Н., Семенова Л. Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. «*Быть тебе в каталожке...*». *Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина*. Розенблум О., Кукуй И. (ред.). Франкфурт-на-Майне: Esterum Publ., 2023, 673–505. [Okhotin N., Semenova L. From the correspondence of Frida Vigdorova and Gleb Semenov. «*Byt' tebe v katalozhke...*». *Papers on the occasion of Gabriel Superfin's 80th anniversary*. Rozenblyum O., Kukui I. (eds.). Frankfurt am Main: Esterum Publ., 2023, 673–505.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сосновский 2016 — Сосновский Я. Словообразование русского студенческого жаргона. [Sosnovskii Ya. Word formation in the Russian student slang]. *Acta Universitatis Lodzianensis Folia Linguistica Rossica*, 2016, 13 (13): 93–110.
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. Морфологическая система русского языка. *Избранные труды по филологии*. Виноградов В. А., Нерознак В. П. (сост.). М.: Прогресс, 1987. [Troubetzkoy N. S. Morphological system of Russian. *Izbrannye trudy po filologii*. Vinogradov V. A., Neroznak V. P. (comps.). Moscow: Progress, 1987.]
- Шмелев 2021 — Шмелев А. Д. Проспект «Свода правил русской орфографии» в свете принципа интегральности. *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сб. ст. к 70-летию академика А. М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021, 7–18. [Shmelev A. D. An outline plan for a new “Russian orthographic code” in the light of the integrity principle. *Slova, konstruktzii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Papers on the occasion of A. M. Moldovan's 70th anniversary*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 7–18.]

Подъем отрицания в русском жестовом языке

© 2024

Алена Олеговна Дубяга

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; dubiaga.al@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена первичному поиску подъема отрицания в русском жестовом языке. Подъем отрицания — явление синтаксического или прагма-семантического характера, при котором матричный глагол может перетягивать на себя отрицание из зависимой клаузы, при этом семантически отрицание соотносится с зависимым глаголом. Подъем отрицания досконально изучен в звучащих языках, но жестовые языки прежде не входили в типологический обзор — на данный момент существует всего четыре исследования, которые бы рассматривали подъем отрицания. Проведя корпусный анализ, удалось выявить глаголы пропозициональной установки хотеть, любить, нужно, которые допускают подъем отрицания. В ходе эксперимента, состоящего из двух диагностических тестов и опросника, были подтверждены результаты корпусного исследования, а также был выявлен глагол думать, который тоже может перенимать на себя отрицание из зависимой клаузы.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, отрицание, подъем, русский жестовый язык

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00120. Мы выражаем огромную благодарность анонимным рецензентам, которые указали на неточности работы. Также хотим поблагодарить рецензента за предложение провести семантический анализ предложений с подъемом отрицания. Мы надеемся, что сможем применить этот анализ в следующих работах. Мы хотим отдельно поблагодарить Е. А. Христофорову за помощь в составлении эксперимента и моральную поддержку.

Для цитирования: Дубяга А. О. Подъем отрицания в русском жестовом языке. *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 140–153.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.140-153

Neg-raising in Russian Sing Language

Alena O. Dubyaga

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; dubiaga.al@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the primary search for neg-raising in Russian Sign Language. Neg-raising is a phenomenon of syntactic or pragma-semantic nature that occurs when a matrix verb takes over the negation from a dependent clause, while semantically negation pertains to a dependent verb. Neg-raising has been thoroughly studied in sound languages, but sign languages were not previously included in a typological review: there are only four studies that consider the neg-raising phenomenon. A corpus analysis revealed the neg-raising verbs of the propositional attitude WANT, LOVE, NEED. During the experiment, consisting of two diagnostic tests and a questionnaire, the results of the corpus study were confirmed, and THINK was also identified as a verb that can take over the negation from a dependent clause.

Keywords: corpus linguistics, negation, raising, Russian sign language

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-18-00120). We are very grateful to the anonymous reviewers who pointed out the inaccuracies of the work. We also

want to thank the reviewer for the suggestion to conduct a semantic analysis of neg-raising sentences. We hope that we will be able to apply this analysis in our future studies. We would also like to thank E. A. Khristoforova for her help in compiling the experiment and moral support.

For citation: Dubyaga A. O. Neg-raising in Russian Sing Language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 140–153.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.140-153

Введение

Многим языкам свойственен феномен **подъема отрицания** — явления, при котором отрицание в главной клаузе семантически соотносится с зависимой клаузой (1a). Интересно, что не все глаголы допускают перемещение отрицания из зависимой клаузы в главную (1b).

(1) а. *Я не думаю, что Петя уедет из дома.* (≈ Я думаю, что Петя не уедет из дома.)

б. *Я не говорю, что Петя уедет из дома.* (≠ Я говорю, что Петя не уедет из дома.)

Подъем отрицания привлек внимание многих исследователей и вызвал массу дискуссий по поводу его теоретического анализа. Некоторые лингвисты [Klima 1964; Lakoff 1969; Ross 1973; Colins, Postal 2014] считают подъем отрицания сугубо синтаксическим явлением, т. е. утверждают, что происходит непосредственное перемещение отрицательного компонента из нижней клаузы в верхнюю. Другие же [Кобозева 1976; Gajewski 2007; Zeijlstra 2017] отстаивают точку зрения, что подъем отрицания связан с глубинной семантической интерпретацией. Стоит отметить, что в нашей работе явление не изучается ни синтаксически, ни прагма-семантически. Цель исследования состояла в попытке найти подъем отрицания и изучить некоторые его свойства.

Жестовые языки при этом никогда не были включены в типологическую дискуссию, несмотря на то что в последнее время появляется все больше исследований, посвященных подъему отрицания в различных жестовых языках (подробнее см. в разделе 1.3). Мы ставим своей задачей сделать вклад в типологический портрет подъема отрицания при помощи корпусного исследования русского жестового языка и данных, полученных в результате эксперимента.

Изложение статьи построено следующим образом. Сначала будут кратко описаны способы построения отрицательных конструкций в жестовых языках, после чего мы расскажем, что известно о подъеме отрицания в жестовых языках на момент написания данной работы. Далее будут описаны методология и результаты проведенных нами корпусного и экспериментального исследований. В последнем разделе подведены итоги.

1. О жестовых языках

1.1. Как глоссируются жестовые языки

В этом разделе приведен список условных обозначений, традиционно используемый в лингвистической литературе о жестовых языках и в данной статье в частности.

Глоссы жестовых языков принято обозначать малыми прописными буквами.

Глосса $ix_{3a/b}$ обозначает указательный жест, где число является указанием на лицо, a/b — указание на объект, который находится рядом или вдалеке. Данные обозначения действительны и для субъектно-объектного согласования предиката. Например, в «ПОМОГАТЬ»

подстрочный индекс 1 указывает на первое лицо субъекта, 2 — второе лицо объекта, а помогать — лексический корень предиката. СЛ: вначале глосса обозначает классификатор — форму руки, которая иконически передает некоторую характеристику объекту. Так, в нашей работе присутствует обозначение СЛ:ШАР-БРОСАТЬ, где в жесте БРОСАТЬ форма руки уподобляется округлой форме шара. Слово, написанное по буквам и разделенное знаком дефис, обозначает слово, которое дактилируется (показывается буквами жестовой азбуки). Также могут встречаться жесты, разделенные точкой (два и более слова показываются одним жестом), каретом (клитизация второго жеста), двоеточием (инкорпорация жестов, зачастую двух). Квадратные скобки вокруг жеста(-ов) обозначают границы придаточной клаузы.

В глоссинге жестовых языков присутствуют надстрочные обозначения над жестом или группой жестов. Таким образом указывается немануальный компонент (движение тела, выражение лица и пр.) и сфера его распространения. В статье можно встретить следующие обозначения:

- bf (brown frown) — нахмуривание бровей;
- cd (chin down) — подбородок вниз;
- hf (head forward) — выдвижение головы вперед;
- hs (headshake) — движение головой из стороны в сторону;
- ht (head tilt) — наклон головы назад;
- neg (negative) — отрицательное движение головой, присущее какому-либо языку;
- nbp (non-natural brown position) — нахмуривание, поднятие или опускание бровей;
- top (topicalization) — топикализация одного или нескольких жестов.

Примеры, взятые из литературы, были переведены нами на русский язык и адаптированы под универсальные обозначения.

1.2. Отрицание в жестовых языках

В этом разделе важными для нас будут работы У. Зешан [Zeshan 2004; 2006], которые являются первыми обширными типологическими исследованиями жестовых языков. В первой работе на материале 38 жестовых языков была предложена классификация жестовых языков по способу построения сентенциального отрицания. За рядом исключений, по способу образования отрицания все жестовые языки можно разделить на мануально-доминантные и немануально-доминантные.

Группа мануально-доминантных жестовых языков формирует отрицательные конструкции при помощи мануального жеста, при этом немануальный компонент факультативен, и сфера его распространения полностью привязана к позиции отрицательного жеста (2).

(2) Шведский жестовый язык [Bergman 1995: 87]

- _____top _____neg
 а. [Ф-Р-Е-Д] МОЧЬ НЕ ПЛАВАТЬ
- _____top _____neg
 б. *[Ф-Р-Е-Д] МОЧЬ ПЛАВАТЬ
 ‘Фред не умеет плавать’.

Практически во всех изученных на данный момент жестовых языках (мануально-доминантных и немануально-доминантных) присутствует жест, который выступает в роли сентенциального отрицательного маркера. Как и в звучащих языках, мы можем наблюдать

различные виды отрицательных маркеров: экзистенциалисы (*отсутствует*), императивы (*нельзя*), комплетивы (*еще не*), эмфатические маркеры (*совсем нет, точно нет*). Интересно, что в некоторых языках присутствуют парадигмы этих маркеров — различия можно заметить в семантическом значении, эмоциональной окраске или в наличии или отсутствии категории одушевленности у объекта (3).

(3) Индо-пакистанский жестовый язык [Zeshan 2004: 34]

а. ПРОБЛЕМА НЕ₁

‘Нет проблемы’.

б. ПРОБЛЕМА НЕ₂

‘Нет проблемы’ (в противовес тому, что собеседник ожидал, что обычно происходит и т. д.).

В отличие от мануально-доминантных, немануально-доминантные жестовые языки, формируют отрицание преимущественно при помощи немануального компонента (например, движение головой из стороны в сторону). Мануальная часть жеста необязательна, а в некоторых языках сильно маркирована. При этом немануальный компонент может распространяться на несколько жестов и даже на клаузу целиком (4).

(4) Немецкий жестовый язык [Pfaу 2004: 11]

— neg (neg)

POSS БРАТ ДОКТОР (НЕ)

‘Мой брат не доктор’.

Самым распространенным и одним из основных отрицательных немануальных компонентов является повторяющееся движение головой из стороны в сторону (*headshake*). Отличным от предыдущего компонента является запрокидывание головы назад. Данный отрицательный маркер встречается в греческом, турецком и ливанском жестовых языках, где схожая форма жестикуляции распространена среди слышащего населения.

1.3. Подъем отрицания в жестовых языках

На данный момент существует всего четыре исследования, в которых было бы описано явление подъема отрицания в жестовых языках. Первой из таких работ была статья [Göksel, Keleşir 2016], где подъем отрицания был описан в рамках изучения комплементации в турецком жестовом языке (*Türk İşaret Dili, TİD*), который относится к мануально-доминантным жестовым языкам.

В данном исследовании было выявлено, что одним из показателей подчинительной связи между клаузами является сфера распространения немануального компонента на клаузу, которая захватывает саму клаузу и матричный глагол (5).

(5) Турецкий жестовый язык [Göksel, Keleşir 2016: 75]

nbp

[IX.POSS₁ СЕСТРА]_a IX_a МАШИНА ВОДИТЬ ЛЮБИТЬ^НЕ

‘Моя сестра не любит водить машину’.

Авторы связывают данное свойство немануального компонента с подъемом отрицания и рассматривают его как проверку на наличие комплементации. Проведя ряд тестов, исследователи приходят к выводу, что (а) из всех проверяемых предикатов только ХОТЕТЬ допускает подъем отрицания, (б) придаточное предложение с ХОТЕТЬ в матричной клаузе и отрицанием при глаголе в зависимой клаузе недопустимо, т. е. при данном глаголе подъем является обязательным (6).

(6) Турецкий жестовый язык [Göksel, Keleşir 2016: 77]

- _____ht
- a. МЕЛЕК [СЕГОДНЯ ДРУГ ВСТРЕТИТЬ] ХОТЕТЬ^НЕ
- б. *МЕЛЕК [СЕГОДНЯ ДРУГ ВСТРЕТИТЬ^НЕ] ХОТЕТЬ
‘Мелек сегодня не хотел видиться с другом’.

Вторым по хронологии исследованием, затрагивающим подъем отрицания, является работа [Johnston 2018] об отрицательном повороте головы (headshake) как главном немануальном компоненте в отрицательных конструкциях австралийского жестового языка (Australian Sign Language, Auslan). Auslan, как и TID, относится к мануально-доминантным жестовым языкам.

В корпусе языка автору удалось выявить предложения с подъемом отрицания. В примере (7) можно заметить, что немануальный компонент захватывает всю клаузу и не привязан к позиции отрицания в структуре предложения.

(7) Австралийский жестовый язык [Johnston 2018: 218]

- _____hs
- IX₁ НЕ ДУМАТЬ [РАБОТАТЬ]
‘Я не думаю, что это сработает’.
≠ ‘Я не думаю, что это не сработает’.

На материале корпуса австралийского жестового языка было также выявлено, что подъем отрицания происходит с глаголом думать, что, однако, пока не подтверждено экспериментально.

В работе [Klomp et al. (in print)] об отрицании в нидерландском жестовом языке (Nederlandse Gebarentaal, NGT), который представляет собой классический пример немануально-доминантного жестового языка, приводятся предложения с глаголами, допускающими и не допускающими подъем отрицания. Так, с ПО-глаголами думать и ожидать немануальный компонент может сопровождать как матричный глагол и всю зависимую (8a), так и исключительно матричный глагол (8b). В обоих случаях семантически отрицание интерпретируется как относящееся к зависимой клаузе. В случае с не ПО-глаголом говорить распространение немануального компонента на зависимую клаузу (8c) создает двойственную семантику предложения. При этом немануальный компонент исключительно на матричном глаголе допускает только семантику матричного отрицания (8d).

(8) Нидерландский жестовый язык [Klomp et al. (in print): 24]

- _____hs
- a. IX₁ ДУМАТЬ [СЕСТРА IX₃ ВЛЮБИТЬСЯ]
‘Я не думаю, что моя сестра влюблена’
(≈ ‘Я думаю, моя сестра не влюблена’.)
- _____hs
- b. IX₁ ДУМАТЬ [СЕСТРА IX₃ ВЛЮБИТЬСЯ]
‘Я не думаю, что моя сестра влюблена’
(≈ ‘Я думаю, моя сестра не влюблена’.)
- _____hs
- c. ?IX₁ ГОВОРИТЬ [СЕСТРА IX₃ ВЛЮБИТЬСЯ]
‘Я не говорила, что моя сестра влюблена’.
‘Я не говорила, что моя сестра не влюблена’.
- _____hs
- d. IX₁ ГОВОРИТЬ [СЕСТРА IX₃ ВЛЮБИТЬСЯ]
‘Я не говорила, что моя сестра влюблена’.

В докладе [Oomen 2021] сравнивался подъем отрицания в двух языках: NGT и французском жестовом языке (*Langue des Signes Française, LSF*), — с использованием экспериментального метода тестирования. Для эксперимента были взяты глаголы, предположительно допускающие подъем отрицания, и глаголы, которые предположительно не обладают таким свойством (см. табл. 1). В результате ряда тестов ожидаемые свойства этих глаголов относительно подъема отрицания были подтверждены.

Таблица 1

Глаголы из эксперимента [Oomen 2021]

NGT		LSF	
V[+ПО]	V[-ПО]	V[+ПО]	V[-ПО]
ХОТЕТЬ	ГОВОРИТЬ	ХОТЕТЬ	СКАЗАТЬ
ДУМАТЬ	ОБЪЯВЛЯТЬ	ВЕРИТЬ	ОБЪЯВЛЯТЬ
ОЖИДАТЬ	—	ЖЕЛАТЬ	—

2. Русский жестовый язык

2.1. Общая информация

Русский жестовый язык (РЖЯ) — родной язык для людей с нарушением слуха и детей глухих родителей (CODA) на территории России. Также РЖЯ лег в основу жестовых языков некоторых постсоветских стран (ср. казахско-русский жестовый язык). По данным переписи 2010 г., на территории России проживают более 120 тысяч носителей РЖЯ. Вероятнее всего, он принадлежит семье французского жестового языка — наряду с американским, австрийским, нидерландским жестовыми языками и еще свыше десятка других [Velupillai 2012]. В 2012 г. РЖЯ был закреплён на законодательном уровне как язык общения людей с нарушениями слуха и/или речи.

2.2. Отрицание

С точки зрения отрицания РЖЯ является мануально-доминантным жестовым языком, т. е. в классическом случае осуществляется при помощи жестовой частицы НЕ, непосредственно следующей за глагольным жестом. Немануальный компонент часто присутствует, но он является факультативным [Chizhikova, Kimmelman 2022]. Наиболее частотными сенсориальными отрицательными мануальными маркерами являются жесты НЕ₁, НЕ₂ и НЕТ, которые почти всегда являются взаимозаменяемыми (см. рис.).

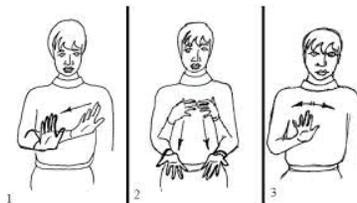

Рис. Отрицательные маркеры НЕ₁ (1), НЕ₂ (2) и НЕТ (3) [Киммельман 2007]

Базовым порядком слов является SVO [Kimmelman 2012], но в предложениях с клаузуальным отрицанием мануальный отрицательный маркер следует за предикатом и меняет порядок жестов на SOV [Pasalskaya 2018].

Работа [Khriforova 2020] впервые описывает морфосинтаксические свойства полипредикации в РЖЯ. Согласно данному исследованию, придаточные клаузы могут вводиться комплементарно (9), что является типологически редким явлением для жестовых языков.

- (9) IX КОТ ХОТЕТЬ ЧТО IX МЯЧ НАЙТИ
'Кот хочет найти мяч' (букв. «Кот хочет, чтобы он нашел мяч»). [Khriforova 2020:48]

Описанные исследования отрицания и полипредикации в русском жестовом языке создают прочный фундамент для изучения подъема отрицания.

3. Методология

3.1. Корпусное исследование

Для данного исследования был использован онлайн-корпус русского жестового языка [Буркова 2012–2015], состоящий из 189 расшифрованных видеозаписей, записанных от 43 носителей РЖЯ в возрасте от 18 до 63 лет, проживающих в Москве и Новосибирске. Корпус включает в себя материалы, полученные путем записи спонтанных рассказов, текстов на основе стимулов (картинки и мультфильмы) и анкетирования.

Для поиска в корпусе мы взяли список глаголов, допускающих подъем отрицания в русском языке, предложенный в диссертации И. М. Кобозевой [1976], и исследовали каждый из глаголов на способность принимать на себя отрицание из зависимой клаузы (по семантике контекста):

1. Глаголы мнения: думать, находить, считать, ожидать, ждать, предполагать, похоже, казаться;
2. Глаголы желания: хотеть, желать, любить, желательно;
3. Предикаты долженствования и волеизъявления: должен, надо, нужно, должно, положено, суждено, велено, приказано, подобает, следует, полагается; велеть, советовать, рекомендовать.

В рамки исследования были включены корпусные вхождения, в которых искомым глагол (а) находится в главной клаузе, (б) управляет сентенциальным актантами и (в) находится под отрицанием.

К сожалению, ввиду малого размера корпуса мы не можем делать выводы касательно подъема отрицания в РЖЯ, используя исключительно результаты данного анализа. Однако найденные примеры были учтены при составлении стимулов для эксперимента.

3.2. Экспериментальное исследование

Вводная часть. Вся информация собиралась методом тестирования и методом обратного воспроизведения (playback method) [Davidson 2020]. В эксперименте приняло участие пять носителей РЖЯ. Первый информант принимал участие в эксперименте не только

как респондент, но и в качестве консультанта, т. е. участвовал в записи стимулов, которые позже вошли в опросник.

Контрольные стимулы. В первую очередь мы составили контрольные стимулы, куда вошли простые предложения с лексическими глагольными жестами (положительные и отрицательные) и сложные предложения с проверяемыми глаголами в матричной клаузе и сентенциальным актантом с содержащимся в нем лексическим глаголом (положительные). Целью такого шага было удостовериться, что утвердительные эквиваленты целевых стимулов и их составляющие в рамках простых предложений сами по себе являются допустимыми в РЖЯ с точки зрения грамматики и лексической формы отдельных жестов. Всего насчитывается 82 предложения¹.

Метод тестирования. Для проверки глаголов на возможность подъема отрицания мы записали видеодialogи², содержание которых приведено в примере (10). В начале диалога первый участник делает высказывание, содержащее матричный глагол под отрицанием (глагол одной из двух групп, представленных ниже), вводящий сентенциальный актант. Затем второй участник диалога задает вопрос по содержанию высказывания. После вопроса следовали два варианта ответа. Информантам было предложено оценить каждый ответ по шкале от 1 до 7, где 1 — абсолютно неграмматично, а 7 — полностью грамматично.

В связи с тем, что предложения с подъемом отрицания могут иметь двойственную семантику, для обоих типов глаголов должен подойти ответ (10b). Ответ (10a), однако, как предполагается, возможен только с глаголами, допускающими подъем отрицания. Оценка ответов вида (10b) не влияет на диагностику подъема отрицания, но показывает нам, насколько правильно были составлены реплики.

(10) _____ cd
Участник 1: ix₁ ХОТЕТЬ:НЕ мальчик ЕСТЬ каша
'Я не хочу, чтобы мальчик ел кашу'.

_____ hf, bf
Участник 2: ix₂ ХОТЕТЬ ЧТО
'Что ты хочешь?'

a. мальчик голодный
'Мальчик голодал (т. е. не ел кашу)'.

_____ hs
b. ix₂ ХОТЕТЬ:НЕ НИЧЕГО
'Я ничего не хочу'.

Данный тест направлен на то, чтобы показать, действительно ли предполагаемые ПО-глаголы допускают подъем отрицания в РЖЯ.

Метод обратного воспроизведения [Davidson 2020]. Данный метод работает следующим образом:

1. Автор показывает составленные стимулы на РЖЯ информанту, после чего тот повторяет их на камеру, не внося изменений;
2. Через полторы-две недели информанту показываются записанные от этого же информанта видеозаписи стимулов в случайном порядке, после чего ему предлагается оценить их грамматичность.

¹ https://osf.io/jy9xn/?view_only=94499b42dc9a4cb9aad221b465601423

² https://youtube.com/playlist?list=PLaVbNW7Mm1PXWNCZk2KMcPX2c-63_Z47D

В литературе описано большое количество тестов, направленных на проверку свойств подъема отрицания. Сами по себе они не являются полноценной диагностической наличия подъема отрицания в предложении, но позволяют более подробно изучить природу явления. При помощи метода обратного воспроизведения мы провели семантический тест на отрицательный квантификатор и синтаксический тест на отрицательную парентезу.

Тест с отрицательным квантификатором никто. Согласно теории (см. [Colins, Postal 2014; Horn 1989]), если матричный глагол в конструкциях с сентенциальным актантом и отрицательным квантификатором *никто* допускает подъем отрицания, то интерпретация данных конструкций под отрицанием будет соответствовать предложениям с отрицанием во вложенной клаузе и с универсальным квантификатором (*все, каждый* и т. д.) в качестве подлежащего главной клаузы. Так, в примере (11a) есть предложение с ПО-глаголом *думать* и отрицательным квантификатором, при этом семантически ему сопоставляется предложение с универсальным квантификатором. В случае неПО-глаголов, таких как *говорить* в примере (11b), интерпретация с универсальным квантификатором невозможна.

- (11) а. *Никто не думает, что ты закончишь институт.*
 ≈ Все думают, что ты не закончишь институт.
- б. *Никто не говорил, что ты закончишь институт.*
 ≠ Все говорили, что ты не закончишь институт.

Тест на отрицательную парентезу. Как отмечено в [Ross 1973], конструкции с отрицательной парентезой, если возможны в языке в принципе, допустимы только при глаголах с подъемом отрицания (12).

- (12) а. *Федя не придет, я не думаю.*
 ≈ Я не думаю, что Федя придет.
- б. **Федя не придет, я не подразумевала.*
 ≠ Я не подразумевала, что Федя придет.

Согласно условию идентичности парентезы (parenthetical identity condition) [Colins, Postal 2014], первая часть конструкции (*Федя не придет*) и опущенная клауза (*что Федя не придет*) должны быть одинаковы по своей полярности. Если глагол не допускает подъема отрицания, то в опущенной клаузе отрицание не может находиться.

Анализ полученных данных³. Помимо классического среднего значения мы подсчитывали стандартное отклонение, которое показывает, насколько сильно разбросаны баллы относительного среднего значения в выборке. Данные показатели применялись как к исходным данным (оценкам по шкале от 1 до 7), так и к данным, подвергнутым z-стандартизации [Juzek 2015]. Этот метод обработки данных был применен во избежание смещения шкалы, которое может возникнуть в случае, если информанты по-разному используют шкалу оценки. Как описано в литературе, посвященной экспериментальным методам с привлечением суждений о грамматичности [Schütze, Sprouse 2013], некоторые участники могут быть склонны не использовать крайние значения шкалы, а другие стараются избегать центральной части оценочной шкалы. Z-оценка помогает избежать подобных расхождений путем приведения оценки всех респондентов к нормальному распределению.

³ https://osf.io/jy9xn/?view_only=94499b42dc9a4cb9aad221b465601423

4. Результаты

4.1. Корпусное исследование

Из 26 глаголов, допускающих подъем отрицания в списке И. М. Кобозевой, в корпусе было обнаружено три глагола, которые бы удовлетворяли нашим условиям, т. е. (а) находились бы в главной клаузе, (б) управляли бы сентенциальным актантом, (в) были бы под отрицанием. Данными глаголами стали предикаты пропозициональной установки хотеть, любить и нужно/надо⁴. Глаголы должен/должно, думать, казаться, ждать были найдены в корпусе, но не удовлетворяли условиям (б) и/или (в). Оставшиеся 16 глаголов (*предполагать, суждено, рекомендовать* и т. д.) из списка Кобозевой не встретились в корпусе ввиду его малого объема.

В целом с подъемом отрицания было найдено восемь примеров с хотеть:не (13), два примера с нужно:не (14) и один с любить:не (15).

(13) RSLN-b10-s4-h-sstd, 00:34-00:38

eb

_____ cd

сын н-е верить в себя ни.туда.ни.сюда хотеть:не [учиться]
‘А сын не уверен в себе, мнется, не хочет учиться’.

(14) RSLN-b16-s30-h-sstd, 00:17-00:21

_____ cd

мужчина друг смотреть нет достаточно ругаться [нужно:не]
‘Друг мужа смотрит: «Нет, хватит, не надо ругаться»’.

(15) RSLN-n1-s21-d-std, 01:37-01:41

_____ hs

я шить [любить:не] я любить [общаться / вк] закончить
‘Я шить не любила, я любила общаться, Вконтакте сидеть’.

Исходя из контекста и семантики глаголов приведенные примеры могут быть интерпретированы в качестве содержащих подъем отрицания. Однако мы не можем полностью опираться на результаты корпусного анализа ввиду малого размера корпуса.

4.2. Экспериментальное исследование

Стимулы. При составлении тестов в противовес ПО-глаголам, полученным в процессе анализа данных, извлеченных из онлайн-корпуса РЖЯ (хотеть, любить, нужно), были отобраны неПО-глаголы (сообщать и говорить). В первую категорию глаголов мы также добавили предикат думать, который типологически является одним из наиболее частотных ПО-глаголов [Horn 1989], но примеры с данным предикатом и подъемом отрицания не были найдены в корпусе.

Помимо проверяемых глаголов, которые составляют основу матричных клауз в стимулах для эксперимента, были необходимы лексические глаголы, которые возглавляли бы распространенную вложенную клаузу. Нами были использованы глаголы есть, сл:шар-бросить и приходиться. Одной из ведущих мотиваций при выборе глаголов стали соображения

⁴ Через слеш указаны предикаты, жестовое выражение и семантика которых совпадает, — далее будет указано только первое слово из пары.

сравнимости с экспериментом [Oomen 2021]. Мы составили восемь утвердительных и отрицательных предложений вида мальчик ix_3 есть каша, мальчик ix_3 сл.шар-бросить не и т. д.

В процессе эксперимента было выявлено, что глагол любить, в отличие от глаголов хотеть и нужно, допускает только нераспространенные предикатные обороты в качестве сентенциальных актантов. По этой причине для данного глагольного жеста были добавлены дополнительные лексические глаголы дождь:идти и готовить. Таким образом, мы совмещали шесть проверяемых глаголов с тремя основными и двумя дополнительными лексическим глаголами.

Метод тестирования. Информантам было предложено оценить каждый из вариантов ответа, описанных в диалоге в примере (10), по шкале от 1 до 7. Как и ожидалось, ответ (10b) был практически во всех случаях оценен как допустимый в контексте предлагаемого целевого стимула (среднее значение — 5,85; стандартное отклонение — 6,05). Оценки ответа (10a) не так однородны, как в предыдущем случае. Таблица 2 отображает показатели для каждого из ответов типа (10a) по глаголам⁵.

Таблица 2

Показатели оценок ответов, предполагающих подъем отрицания (см. (10a))

	ХОТЕТЬ	ЛЮБИТЬ ⁶	НУЖНО	ДУМАТЬ	СООБЩАТЬ	ГОВОРИТЬ
среднее	4,20	4,60	3,20	3,47	1,40	1,60
ст.отклон.	2,98	3,28	2,76	2,77	1,55	1,89
среднее (z)	0,015	0,167	-0,367	-0,266	-1,054	-0,978
ст.отклон. (z)	1,138	1,255	1,052	1,059	0,591	0,724

Из таблицы можно заметить, что стандартное отклонение везде довольно высокое (1,89... 3,28). Это действительно говорит о большом разбросе в оценивании ответов. Тем не менее видно, что у предполагаемых неПО-глаголов сообщать и говорить средняя оценка значительно ниже, чем у ПО-глаголов, чего мы и ожидали. Менее ожидаемым является тот факт, что у предполагаемых ПО-глаголов средняя оценка хоть и выше, все же является достаточно невысокой (при максимальной высокой оценке 7). Это контрастирует с результатами в [Geraci et al. 2022], где аналогичные примеры с ПО-глаголами получили максимально высокую оценку. Мы пока не можем сказать, с чем связана невысокая оценка при ПО-глаголах в РЖЯ и почему глаголы нужно и думать имеют среднюю оценку ниже, чем глаголы хотеть и любить (при медиане шкалы 4). Однако, вероятно, нам удалось бы добиться более высоких показателей, если бы мы предоставили больше контекста информантам.

Учитывая полученные результаты, мы считаем, что глагольные жесты ХОТЕТЬ, НУЖНО, ДУМАТЬ и ЛЮБИТЬ в действительности допускают подъем отрицания в РЖЯ.

Тест на отрицательный квантификатор никто. В первую очередь все стимулы были признаны грамматически приемлемыми (минимальная оценка — 5). Согласно комментариям информантов, конструкции с подъемом отрицания с квантификатором никто в качестве субъекта действительно имеют ожидаемую интерпретацию с всеобщим квантификатором, как показано в (16a). Один из информантов посчитал интерпретацию к неПО-глаголу

⁵ В таблице указаны среднее значение и стандартное отклонение на основе необработанных данных, ниже приведены эти же параметры на стандартизированной выборке.

⁶ Для глагола любить оценки ответа только к лексическому глаголу дождь:идти, остальные имели очень низкую оценку, по мнению респондентов, правильным было бы предложение с матричным глаголом нравиться или обожать.

(16b) также возможной, однако в неформальной беседе он признал, что все-таки такое значение считается неприемлемым.

(16) _____ hs
 а. НИКОМУ НУЖНО:НЕ ЧТО МАЛЬЧИК IX₃ ПРИХОДИТЬ
 ‘Никому не нужно, чтобы мальчик приходил’.
 ≈ ‘Всем нужно, чтобы мальчик не приходил’.

_____ hs
 б. НИКОМУ СООБЩАТЬ НЕ МАЛЬЧИК IX₃ ПРИХОДИТЬ
 ‘Никто не сообщал, что мальчик пришел’.
 ≠ ‘Все сообщали, что мальчик не приходил/не пришел’.

Тест на отрицательную парентезу. Данный тест показал, что отрицательная парентеза не является допустимой в РЖЯ, как в конструкциях с подъемом отрицания, так и без него.

Четыре из пяти информантов дали низкую оценку всем стимулам в данной категории и отметили в личной беседе, что данная конструкция не используется в РЖЯ. Интересно, что один информант, имеющий большой опыт работы со слышащими и часто привлекаемый лингвистами для участия в проектах, дал высокую оценку некоторым предложениям с отрицательной парентезой. В неформальной беседе он также отметил, что такие конструкции редко используются носителями РЖЯ из-за (а) нагромождения отрицательных маркеров и (б) нестандартного расположения клауз.

Заключение

В работе были найдены, проанализированы и описаны конструкции с подъемом отрицания в РЖЯ. На материале онлайн-корпуса РЖЯ были отобраны, судя по всему, допускающие подъем отрицания глагольные жесты ХОТЕТЬ/ЖЕЛАТЬ, НУЖНО/НАДО и ЛЮБИТЬ, которые вместе с предикатами ДУМАТЬ, СООБЩАТЬ и ГОВОРИТЬ были экспериментально проверены на возможность перенимать на себя отрицание из зависимой клаузы. В дополнение было проведено тестирование и две диагностики для более точного выявления подъема отрицания и описания его свойств.

Анализ полученных данных показывает, что, несмотря на не очень большое количество релевантных данных, глаголы ХОТЕТЬ, НУЖНО, ЛЮБИТЬ и ДУМАТЬ все-таки можно считать допускающими подъем отрицания в русском жестовом языке. Таким образом, нам удалось дополнить типологическую картину в жестовых языках (см. табл. 3).

Таблица 3

Глаголы, допускающие подъем отрицания в жестовых языках

NGT	TID	Auslan	LSF	РЖЯ	Итого
ДУМАТЬ	—	ДУМАТЬ	—	ДУМАТЬ	3
ОЖИДАТЬ	—	—	—	—	1
ВЕРИТЬ	—	—	ВЕРИТЬ	—	2
—	—	—	ЖЕЛАТЬ	—	1
ХОТЕТЬ	ХОТЕТЬ	—	ХОТЕТЬ	ХОТЕТЬ/ЖЕЛАТЬ	4
—	—	—	—	ЛЮБИТЬ	1
—	—	—	—	НАДО/НУЖНО	1

Однако нам не удалось предложить какое-либо унифицирующее правило для немануальных компонентов. Также нам не удалось проверить, возможен ли подъем отрицания, например, в контексте снятой утвердительности и прочих **семантически отрицательных** контекстах. Мы надеемся, что данная работа найдет свое развитие не только в продолжении изучения подъема отрицания в жестовых языках и в русском жестовом языке в частности, но и в более широких исследованиях, касающихся полипредикативных конструкций и отрицания в РЖЯ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2012–2015 — *Корпус русского жестового языка*. Буркова С. И. (рук. проекта). Новосибирск: НГТУ, 2012–2015. Электронный ресурс. <http://rsl.nstu.ru/>. [*Korpus russkogo zhestovogo yazyka* [Russian Sign Language Corpus]. Burkova S. I. (project manager). Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ., 2012–2015. Electronic resource. <http://rsl.nstu.ru/>.]
- Киммельман 2007 — Киммельман В. И. Нерегулярные отрицания в русском жестовом языке. *Материалы Московской студенческой конференции по теоретической и прикладной лингвистике*. Кибрик А. Е. (отв. ред.). М.: МГУ, 2007, 89–103. [Kimmelman V. I. Irregular negation in Russian Sign Language. *Materialy Moskovskoi studencheskoi konferentsii po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 2007, 89–103.]
- Кобозева 1976 — Кобозева И. М. *Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1976. [Kobozeva I. M. *Otritsanie i presuppozitsii (v svyazi s pravilom pereneseniya otritsaniya v russkom yazyke)* [Negation and presupposition (in connection with the negation shifting rule in Russian)]. Cand. diss. Moscow: Moscow State Univ., 1976.]
- Bergman 1995 — Bergman B. Manual and nonmanual expression of negation in Swedish Sign Language. *Sign language research 1994: Proc. of the 4th European Congress in Sign Language Research, Munich, Sept. 1–3, 1994*. Bos H. F., Schermer G. M. (eds.). Hamburg: Signum, 1994, 85–114.
- Chizhikova, Kimmelman 2022 — Chizhikova A., Kimmelman V. Phonetics of negative headshake in Russian Sign Language: A small-scale corpus study. *Proc. of the LREC2022 10th Workshop on the Representation and Processing of Sign Languages: Multilingual Sign Language Resources*. Efthimiou E. et al. (eds.). Paris: European Language Resources Association, 2022, 29–36.
- Colins, Postal 2014 — Colins C., Postal M. *Classical NEG raising: An essay on the syntax of negation*. Cambridge (MA): MIT Press, 2014.
- Davidson 2020 — Davidson K. Is “experimental” a gradable predicate? *NELS 50: Proc. of the 50th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Asatryan M., Song Y, Whitmal A. (eds.). Cambridge (MA): Univ. of Massachusetts, 2020, 125–144.
- Gajewski 2007 — Gajewski J. R. Neg-raising and polarity. *Linguistics and Philosophy*, 2007, 30: 289–328.
- Geraci et al. 2022 — Geraci C., Oomen M., Santoro M. As strong as an NPI in LSF, NGT and LIS. *Proc. of 32nd Semantics and Linguistic Theory Conf.* Starr J. R., Kim J., Öney B. (eds.). New York: Linguistic Society of America, 2022, 125–143.
- Göksel, Keleşir 2016 — Göksel A., Keleşir M. Observations on clausal complementation in Turkish Sign Language. *A matter of complexity*. Pfau R., Steinbach M., Herrmann A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016, 65–94.
- Horn 1989 — Horn L. H. *A natural history of negation*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989.
- Johnston 2018 — Johnston T. A corpus-based study of the role of headshaking in negation in Auslan (Australian Sign Language): Implications for signed language typology. *Linguistic Typology*, 2018, 22(2): 185–231.
- Juzek 2015 — Juzek T. *Acceptability judgement tasks and grammatical theory*. Ph.D. thesis. Oxford: Univ. of Oxford, 2015.
- Khristorofova 2020 — Khristorofova E. *Complement clauses in Russian Sign Language*. MA thesis. Amsterdam: Univ. of Amsterdam, 2020.
- Kimmelman 2012 — Kimmelman V. Word order in Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 2012, 12(3): 414–445.
- Klima 1964 — Klima E. S. Relatedness between grammatical systems. *Language*, 1964, 40(1): 1–20.
- Klomp et al. (in print) — Klomp U., Oomen M., Pfau R. Negation in Sign Language of the Netherlands. *Negation in the languages of the world*. Veselinova L., Miestamo M. (eds.). Berlin: Language Science Press. In print.

- Lakoff 1969 — Lakoff R. A syntactic argument for negative transportation. *Proc. from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1969, 5(1): 140–147.
- Oomen 2021 — Oomen M. *Neg-raising in two sign languages*. Invited talk, Göttingen Linguistics Colloquium. Göttingen: Georg-August-Universität, 2021.
- Pasalskaya 2018 — Pasalskaya E. *Sentential negation in Russian Sign Language*. Basic research program. Working papers. Moscow: HSE Univ., 2018.
- Pfau 2004 — Pfau R. *The grammar of headshake: Sentential negation in German Sign Language*. Unpubl. ms. Amsterdam: Univ. of Amsterdam, 2004.
- Ross 1973 — Ross J. R. Slifting. *The formal analysis of natural languages: Proc. of the 1st International Conf.* Halle M., Schützenberger M.-P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 1973, 133–179.
- Schütze, Sprou 2013 — Schütze T., Sprou J. Judgment data. *Research methods in linguistics*. Podesva R. J., Sharma D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 27–50.
- Velupillai 2012 — Velupillai V. *An introduction to linguistic typology*. Amsterdam: John Benjamins, 2012.
- Zeijlstra 2017 — Zeijlstra H. Does neg-raising involve neg-raising? *Topoi*, 2017, 73(3): 417–433.
- Zeshan 2004 — Zeshan U. Hand, head, and face: Negative constructions in sign languages. *Linguistic Typology*, 2004, 8(1): 1–58.
- Zeshan 2006 — Zeshan U. *Interrogative and negative constructions in sign language*. Preston: Ishara Press, 2006.

Получено / received 30.07.2023

Принято / accepted 26.09.2023

[Рец. на: /Review of:] **Е. Rakhilina, Т. Reznikova, D. Ryzhova (eds.). *The typology of physical qualities***. Amsterdam: John Benjamins, 2022. vi+399 pp. (Typological Studies in Language, 133.) ISBN: 978 90 272 1092 0 (HB), 978 90 272 5791 8 (E-BOOK).

Мария Степановна Булах

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; mbulakh@mail.ru

Maria S. Bulakh

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mbulakh@mail.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.154-160

Сборник статей под редакцией Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой и Д. А. Рыжовой представляет собой плод многолетних исследований Московской лексико-типологической группы (MLexT) в области типологии физических качеств. Эта рабочая группа, основанная в 2010 г., завершила несколько солидных исследовательских проектов по типологии целого ряда лексико-семантических групп, опубликовала сотни работ, среди которых и специально подготовленные сборники (например, специальный выпуск журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» — Т. XVI. Ч. 1, вышедший в 2020 г. под редакцией Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой и Д. А. Рыжовой и посвященный глаголам падения в языках мира), и статьи на русском и английском языках, заявляющие о разработанной участниками группы теоретической базе и методологии [Рахилина, Резникова 2013; Rakhilina, Reznikova 2014]. Однако даже среди этих многочисленных публикаций данный сборник выделяется, представляя собой исчерпывающее изложение принципов и методов MLexT и демонстрируя применение этих методов на материале прилагательных физических качеств. Читатели сборника (который вышел на английском языке в престижном издательстве John Benjamins Publishing Company и, следовательно, будет доступен лингвистам всего мира) смогут составить полное представление о работе MLexT и о результатах этой работы, как теоретических, так и практических.

Спецификой теоретического подхода, о чем неоднократно упоминается в разных главах сборника, является акцент на сопоставлении лексико-семантических полей родственных и даже близкородственных языков. Плодотворность этого подхода демонстрируется, в частности, в главах 6 (преимущественно на материале финно-угорских языков) и 8 (на материале славянских языков): в рамках одной языковой семьи может наблюдаться значительное варьирование в устройстве одного и того же лексико-семантического поля, а сопоставление с языками за пределами этой семьи показывает, что в целом анализ данных одной языковой семьи может и не нуждаться в значительной корректировке при привлечении более широкой типологической выборки. Стремление доказать рациональность такого подхода обусловлено методами MLexT, такими как анкетирование, непосредственная работа с носителями языка, использование хорошо разработанных лингвистических корпусов. Соответственно, в качестве объекта исследования предпочтение отдается письменным, хорошо изученным языкам с большим количеством носителей. Чем более «экзотическим» является язык, тем меньше у него шансов оказаться в выборке MLexT.

Данное ограничение может привести к серьезным упущениям: именно в бесписьменных и удаленных от цивилизации языках ожидается использование нестандартных лексико-семантических систем (которые при усилении контакта с доминирующими языками соответствующей страны сравнительно быстро могут быть перестроены). Однако можно надеяться, что исследования MLexT стимулируют полевых лингвистов, работающих в разных

уголках мира, обратить внимание на соответствующие лексико-семантические поля изучаемых ими языков и, возможно, существенно пополнить эмпирическую базу MLexT.

В то же время составителей сборника нельзя упрекнуть в ограничении лингвистического разнообразия. В большинстве статей сборника привлекаются данные различных языковых семей; сборник содержит также статью, посвященную анализу лексико-семантических полей литературного китайского языка и — в соответствии с современной практикой подобных комплексных исследований — специальную работу на материале русского жестового языка.

Сборник состоит из 11 глав. Первая глава «Вступление: фреймовый подход к типологии качеств» (Introduction: The frame-based approach to the typology of qualities; авторы: Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова) заявляет о задачах сборника и его тематике, подробно освещает методы MLexT и их применение в исследовании прилагательных качеств, объясняет используемые концепты и терминологический аппарат.

Вторая глава, написанная М. В. Кюсовой, Е. А. Париной, Д. А. Рыжовой, как следует из ее названия — «Методология в работе. Семантические поля острый и тупой» (Methodology at work. Semantic fields SHARP and BLUNT) — раскрывает методы работы MLexT на примере анализа пары лексико-семантических полей острый и тупой (большая часть главы посвящена прилагательным со значением ‘острый’, которые демонстрируют большее разнообразие в употреблении по сравнению со своими антонимами). MLexT вполне осознанно выбирает в качестве отправной точки русский язык, изучая слова с соответствующими значениями и вычленив пучки контекстов, на которые можно поделить все засвидетельствованные употребления релевантных русских лексем (для сбора контекстов используются данные [НКРЯ]). Полученные предварительные «фреймы» переводятся на несколько языков, после чего строится первая предварительная анкета для сбора материала по другим языкам. Основными критериями, используемыми в MLexT для выбора языка/языков на втором этапе исследования, являются доступность языка для исследователя, т. е. наличие письменной традиции и письменных корпусов, и достаточное количество носителей. Так, для исследования семантического поля острый на втором этапе использовался сербский язык, т. е. анализировались и классифицировались контексты, в которых употребляется сербское прилагательное со значением острый (как и ожидалось, его употребление не совпадает с употреблением его русского когната *острый*). На третьем этапе используется «челночный метод»: анкета расширяется за счет новых контекстов из сербского языка (для которых русский язык использует отдельные лексемы: *резкий, четкий, колючий*). При этом контексты и пучки контекстов (фреймы) разделяются на основные и периферийные. К последним относятся контексты, употребляющие релевантные лексемы с абстрактными значениями (для описания идей, чувств, моральных качеств и т. д.) или же контексты, в которых релевантные лексемы употребляются редко.

По завершении сбора данных значительного количества языков из различных языковых семей (21 язык в случае с лексико-семантическим полем острый) составляется семантическая карта (состоящая из выделенных фреймов и отношений между ними) и выделяются типы систем в данном лексико-семантическом поле. Авторы статьи проводят различие между «доминантными» (dominant) системами (одна лексема покрывает все фреймы), «сложными» (complex) системами (фреймы обозначаются несколькими лексемами, причем их употребления могут пересекаться между собой), «бинарными» (binary) системами (используются две лексемы со взаимным распределением), «редуцированными» (reduced) системами (для одного или нескольких фреймов отсутствует монолексемное обозначение). Эта классификация отличается от предложенных участниками MLexT в более ранних работах (см. [Майсак, Рахилина 2007: 28–29; Рахилина и др. 2020: 16]) и, по-видимому, является результатом уточнений и добавлений в ходе последних лет работы MLexT.

Фреймы, разумеется, не представляют собой дискретные множества контекстов с четкой границей между ними. В частности, для выделенных в рамках анализа фреймов «острый с функциональным краем (инструмент)» (*острый нож*) и «острый с функциональным

концом (инструмент)» (*острая стрела*) выделяется промежуточная зона «острый (о когтях)», поскольку, согласно проведенному анализу, в языке, использующем для этих двух фреймов две отдельные лексемы, к слову коготь могут применяться обе. Можно заметить, что само сочетание *острый нож* (которое приводится как канонический пример на фрейм «острый с функциональным краем») может относиться и к ножу, используемому как колющий инструмент (интересно, что пример (1) на с. 31 подразумевает именно такое употребление: ... *проткните острым ножом бедро*).

Анализ лексико-семантического поля физических свойств охватывает и метафорические употребления соответствующих лексем, хотя эти употребления рассматриваются MLexT как периферийные. В рамках анализа лексико-семантического поля ОСТРЫЙ авторы дают обзор метафорических употреблений прилагательных ОСТРЫЙ в языках мира и предлагают теоретическую интерпретацию собранных данных. В рамках фреймового подхода особый интерес представляет вопрос, какой именно (или какие именно) из фреймов приводят к тому или иному переносному употреблению. Ответ на этот вопрос можно дать исходя из теоретического анализа, но эмпирическое подтверждение возможно лишь при анализе языков с недоминантными системами (т. е. использующих несколько лексем для различия между фреймами).

Третья глава (авторы Т. И. Резникова, А. С. Панина, В. А. Крутлякова) посвящена лексико-семантическому полю мокрый/влажный (на материале 20 языков из восьми языковых семей). Авторы отмечают, что в большинстве языков существуют два или три прилагательных для выражения понятия влажности, и эти прилагательные имеют практически одинаковую сочетаемость. В этом их отличие от прилагательных лексико-семантического поля ОСТРЫЙ, которые, как правило, являются классифицирующими (т. е. разделяющими острые объекты на два или несколько классов, каждый из которых допускает при себе лишь одно из прилагательных данного лексико-семантического поля). Это усложняет задачу исследователя: для понимания различия между прилагательными влажности недостаточно собрать релевантные контексты (существительное + прилагательное). Нужен более тонкий анализ обозначаемой ситуации или/и работа с носителями языка. По наблюдениям авторов главы, в различных языках различные прилагательные влажности противопоставляются в первую очередь по степени выраженности обозначаемого признака (максимальная влажность vs. умеренная влажность). Впрочем, детальный анализ показывает, что и эти прилагательные имеют некоторые различия в сочетаемости (*влажный воздух*, но **мокрый воздух*). Более того, авторы статьи убедительно показывают, что семантические различия в таких противопоставлениях нельзя свести к количественным — важными параметрами оказываются источник влажности, ее оценка (положительная или отрицательная), интенциональность (предмет может стать влажным в результате осознанного действия или случайно). Наконец, языки с несколькими лексемами для обозначения влажности могут обнаруживать противопоставление по типу жидкости («влажный/мокрый от воды» vs. «влажный/мокрый от другой жидкости»). В целом данная глава демонстрирует, что фреймовый подход, разработанный MLexT, может быть успешно применен и к лексико-семантическому полю мокрый/влажный, несмотря на кажущиеся затруднения, связанные с похожей сочетаемостью семантически противопоставленных прилагательных влажности.

Глава 4 (авторы А. С. Панина, М. Г. Тагабилева) посвящена лексико-семантическим полям полный и пустой. Анализ проведен на материале восьми языков из четырех языковых семей, и авторы признают, что более широкая выборка дала бы более ясную картину и позволила бы учесть ряд семантических нюансов, не попавших в данную статью. Авторы выделяют для лексико-семантического поля полный такие фреймы, как цельный (не полый) объект, функционально полный контейнер (оптимально заполненный), технически полный контейнер (полный до краев), полный набор предметов, полный как мера объема. Для пустой выделяются следующие фреймы: полый объект, глубокий контейнер, плоский контейнер, временно незанятый контейнер, незаселенное пространство.

Глава 5 (авторы А. А. Козлов, М. Ю. Привизенцева) рассматривает прилагательные размера на материале 38 языков из 11 языковых семей. Методы, применяемые в данной работе, несколько отличаются от описанных в главе 2. В отличие от большинства других статей сборника, авторы на первом этапе исследования работали не с корпусами, а с носителями исследуемых языков. Им предлагались анкеты с предложениями для перевода на соответствующий язык, после чего проводился опрос о возможности замены одной лексемы на другую. Лишь после этого исследователи обращались к корпусам соответствующих языков (при наличии хорошо разработанного корпуса для данного языка). Авторы предлагают убедительную топологическую классификацию объектов в языках мира, обуславливающую сочетаемость прилагательных размера в разных языках: стержни (pivots), вертикальные стержни (poles), барьеры (barriers), слои (layers), проникаемые слои (penetrable layers), полосы (stripes), дороги (roads), поверхности (surfaces), отверстия (holes), трубки (tubes), ямы (pits), водные объекты (waterbodies).

Далее авторы рассматривают случаи колексификации прилагательных размера и разделяют фреймы на две большие группы (внутри каждой группы нередки случаи колексификации двух или нескольких фреймов, но между группами — практически никогда): длинные/короткие стержни, длинные/короткие вертикальные стержни, высокие/низкие барьеры, глубокие/неглубокие ямы, глубокие/мелкие водные объекты, глубокие/неглубокие проникаемые слои, с одной стороны, и толстые/тонкие непроницаемые слои, толстые/тонкие стержни, широкие/узкие полосы, широкие/узкие дороги, широкие/узкие трубки, широкие/узкие отверстия, широкие поверхности (для данного фрейма антоним отсутствует), с другой стороны. Авторов особо интересует колексификация высоты и глубины, а также высоты и длины. В целом глава представляется одной из наиболее глубоко проработанных в сборнике как с точки зрения собранного материала, так и с точки зрения тщательности теоретического анализа.

Глава 6 (авторы Е. В. Кашкин, О. И. Виноградова) рассматривает лексику фактуры поверхности (шершавый, гладкий и т. д.) на материале 15 языков, причем 10 из них принадлежат к финно-угорской семье (остальные — три индоевропейских языка, мандаринский китайский и корейский языки). Этот выбор не случаен: именно финно-угорские языки оказываются в фокусе внимания авторов (материал преимущественно собран в ходе полевых исследований), а языки других семей служат для проверки полученных внутригенетических обобщений на внешнем материале. Авторы рассматривают поведение родственных прилагательных в разных языках (которые могут обнаруживать значительные расхождения в семантике), а также дают краткий обзор происхождения рассматриваемых финно-угорских лексем. Лексико-семантические поля фактуры поверхности обнаруживают крайне сложную структуру с целым рядом релевантных параметров и с большим количеством выделяемых фреймов. В статье подробно рассматриваются и метафорические употребления лексем, обозначающих фактуры поверхности.

Глава 7 (авторы А. С. Выренкова, Е. В. Рахилина, Б. В. Орехов) посвящена лексико-семантическому полю СТАРЫЙ. Используя существующие специальные исследования и данные двуязычных словарей (а также работу с корпусами и анкетирование носителей), авторы рассматривают в данной статье материал 78 языков из нескольких языковых семей. На материале русского языка Рахилина [Rakhilina 1999] выделяет четыре фрейма (иллюстрируемые сочетаниями *старый человек*, *старая одежда*, *старый начальник*, *старая монета*), и данные широкой типологической выборки показывают, что этот анализ не нуждается в коррекции. В статье рассматриваются различные типы организации лексико-семантического поля (доминантные, несколько бинарных типов, сложные системы). В рамках анализа доминантных систем особое внимание уделяется широко известным случаям полисемии на уровне словосочетаний, когда выбор между тем или иным фреймом зависит от контекста или же сочетание допускает несколько толкований: *старый учитель* (vs. *новый учитель* или vs. *молодой учитель*). Особый интерес представляет раздел, посвященный квазисинонимам прилагательных СТАРЫЙ в различных языках и их употреблению.

Глава 8 (автор М. Копчевская-Тамм) рассматривает лексику, относящуюся к лексико-семантическим полям горячий/теплый, холодный. Типология данного поля была подробно изучена в более ранних работах [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006; Koptjevskaja-Tamm 2015], поэтому настоящая статья ставит перед собой другую цель — изучить вариативность лексико-семантического поля прилагательных температуры в рамках одной языковой группы (славянские языки). Большое внимание автор уделяет происхождению рассматриваемых лексем и сходству/различию в употреблении между когнатами и между прилагательными, образованными от лексем-когнатов. Фактор языковых контактов также получает должное освещение. Автор начинает обзор с анализа прилагательных температуры в русском языке (учитывая как атрибутивное, так и предикативное употребление, в том числе и использование безличных конструкций типа *Мне холодно*), затем приводит прилагательные лексико-семантического поля горячий/теплый из других славянских языков и основные праславянские источники для таких прилагательных (**tep-yl* ‘теплый’, **gore*, **gēr* — причастия от **gorēti* ‘гореть’, **vyrēti* ‘кипеть’, **žegti* ‘жечь’). Сопоставление употребления когнатов в различных славянских языках демонстрирует варьирование в употреблении рефлексов **tep-yl* — они занимают промежуточную позицию между холодный и горячий в восточнославянских языках, но используются как основные антонимы к холодный в большинстве других славянских языков. Обращение к древнерусским источникам показывает, что прилагательное *теплый* постепенно сужало свое значение. Столь же подробно анализируется лексико-семантическое поле холодный. Статья обсуждает также прилагательные со значением ‘чуть теплый’, отсутствующие в русском языке, но использующиеся (и образованные от разных источников) в целом ряде других славянских языков. Затем автор рассматривает степень стабильности праславянских корней, связанных с температурой, в языках-потомках, основные направления семантических развитий, инновативные номинации и инновативные противопоставления, языковой контакт и его роль в появлении новых единиц. В заключительной части главы данные славянских языков оцениваются с точки зрения общей типологии прилагательных температуры.

Глава 9 (автор Л. С. Холкина) рассматривает лексико-семантические поля тяжелый, твердый, скользкий, гладкий, ровный в современном литературном китайском языке. Автор убедительно показывает, что, хотя организация данных семантических полей китайского языка может показаться экзотической, в действительности эти языковые факты хорошо укладываются в общую типологию прилагательных физических качеств. В частности, влияние прилагательных со значениями ‘ровный’, ‘гладкий’, ‘скользкий’ объясняется разным статусом прилагательных (основные лексемы vs. неосновные, выражающие различные семантические оттенки).

Глава 10 (автор М. В. Кюсева) рассматривает прилагательные лексико-семантических полей острый, тупой, старый, толстый/широкий, тонкий/узкий в русском жестовом языке. Это первый опыт применения методологии MLexT к жестовому языку и тем самым статья представляет апробацию методов MLexT на совершенно новом материале. Автор демонстрирует, что фреймовый подход успешно работает и на материале жестового языка и что фреймы, выявленные в ходе анализа русского жестового языка, хорошо вписываются в общую типологию соответствующих лексико-семантических полей. Главная особенность анализируемого материала заключается в полном отсутствии метафорических употреблений рассматриваемых знаков, что связано с особым устройством метафор в жестовых языках.

Глава 11 (авторы Д. А. Рыжова, Д. А. Паперно) предлагает метод автоматического составления анкет для сбора материала по качественным прилагательным в языках мира. Авторы показывают, что определенные этапы типологического исследования некоторого лексико-семантического поля могут быть автоматизированы, что значительно снизит время, затраченное на сбор и обработку данных.

Таким образом, «The Typology of Physical Qualities» представляет собой сбалансированный сборник статей, освещающих теоретические принципы MLexT, методы и их

применение, подробно рассматривающих отдельные лексико-семантические поля или их группы на материале большей или меньшей типологической выборки, отдельной языковой семьи или даже отдельного языка (впрочем, даже в статьях последнего типа широко используется типологический материал).

Разумеется, семантический анализ, выводы, обобщения, предложенные в данном сборнике, по отдельным пунктам могут вызывать критику. Так, колексификация фреймов ВЫСОКИЙ ЗАБОР и ГЛУБОКАЯ РЕКА анализируется на с. 14 как пример функционально обусловленного употребления (заборы и реки воспринимаются как барьеры, препятствия), хотя данное явление может объясняться исключительно пространственными характеристиками объектов: реки, как и заборы (но в отличие от столбов и колодцев), имеют протяженность вертикальную (глубину/высоту) и горизонтальную (длину). Поэтому в языке, имеющем два прилагательных ‘высокий’ для двух фреймов (высокий забор и высокий столб), переход ‘высокий’ — ‘глубокий’ может затрагивать оба прилагательных, которые сохраняют свои сочетаемостные качества и применительно к параметру глубины.

В главе 2 (посвященной семантическому полю ОСТРЫЙ) вызывает удивление полное отсутствие контекстов, затрагивающих предметы, способные нанести порез или рану, но не являющиеся инструментами (*камень, шип*; первый случай интересен еще и потому, что *острый камень* может быть и продолговатым, и остроконечным).

В главе 4 (посвященной лексико-семантическим полям ПУСТОЙ и ПОЛНЫЙ) никак не комментируется соотношение между значениями ПУСТОЙ и ГОЛЫЙ (хотя русское прилагательное *голый* приводится в значении ‘пустой’).

В главе 5 (о типологии размеров) при рассмотрении колексификации вертикальных и неvertикальных размеров (с. 148–151) отсутствуют примеры на колексификацию фреймов ДЛИННЫЙ СТЕРЖЕНЬ / ДЛИННЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ СТЕРЖЕНЬ / ВЫСОКИЙ БАРЬЕР. Между тем примеры таких систем известны по меньшей мере в двух эфиосемитских языках — амхарском и тигринья. Прилагательные *räggät* в амхарском языке и *näwih* в тигринья являются основными экспонентами значений ‘высокий’ и ‘длинный’ в этих языках. Системы этих языков значительно отличаются от систем языков, описываемых в главе 5 (с. 147–150) как примеры колексификации значений ‘длинный’ и ‘высокий’. Так, амхарское прилагательное *räggät* ‘длинный’ может определять такие объекты, как веревка, гора, стена (причем в последнем случае по меньшей мере для некоторых носителей обозначает именно высоту, а не длину): *räggät gädgäda* ‘высокая стена’ (вероятно, вследствие возможной интерпретации *räggät* как обозначения горизонтальной протяженности высота стены чаще обозначается общим прилагательным ‘большой’: *tälak gädgäda* ‘большая = высокая стена’). Для выражения значения ‘длинная стена’ может использоваться прилагательное *säffi* ‘широкий, протяженный’: *säffi gädgäda* ‘длинная стена’. В языке тигринья аналогично устроенное прилагательное *näwih* ‘длинный; высокий’ обозначает высоту в сочетании *näwih gobo* ‘высокая гора’ и может двояко интерпретироваться в контекстах, включающих «барьеры»: *näwih ḥaşur* ‘высокий забор’ или ‘длинный забор’. Разумеется, эти предварительные заметки, основанные на кратких опросах одного носителя языка в каждом случае, не могут претендовать на полное описание феномена. Представляется перспективным детальное изучение поведения прилагательных ‘длинный; высокий’ в фреймах ВЫСОКИЙ БАРЬЕР в амхарском, тигринья и подобных им языках.

Вышеприведенные мелкие замечания несколько не умаляют впечатления, которое производит сборник, — и степень разработанности методологии и теоретического обоснования, и тщательностью сбора и анализа языкового материала, и качеством и продуманностью иллюстраций, демонстрирующих тот или иной фрейм, и безупречным английским языком. Большинство статей представляют собой обобщение целого ряда многолетних специальных исследований, в ходе которых привлекались специалисты по разным языкам, проводилась интенсивная работа с носителями языка, проходили доклады на семинарах, обсуждения, выходили публикации. Таким образом, сам сборник подводит итог целому ряду исследований MLexT, дает ясное и исчерпывающее изложение принципов

и методов MLeXТ и, наконец, предлагает читателю увлекательное чтение, позволяющее приоткрыть завесу над многими языковыми феноменами, которые до сих пор оставались непроясненными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 27–75. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. Verbs of aqua-motion: Lexical systems and semantic parameters. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 27–75.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. (eds.). Verbs of falling in the languages of the world: Frames, parameters, and types of the systems.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 1(16): 9–63.
- Koptjevskaja-Tamm 2015 — Koptjevskaja-Tamm M. (ed.). *The linguistics of temperature*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006 — Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E. “Some like it hot”: On semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish. *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung)*, 2006, 59(2): 253–269.
- Rakhilina 1999 — Rakhilina E. Aspectual classification of nouns: A case study of Russian. *Tense-aspect, transitivity and causativity*. Abraham W., Kulikov L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999, 341–350.
- Rakhilina, Reznikova 2014 — Rakhilina E. V., Reznikova T. *Doing lexical typology with frames and semantic maps*. Working papers. Moscow: HSE University, 2014.

Получено / received 21.09.2023

Принято / accepted 21.11.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати

Дата выхода в свет

Формат 70×100^{1/16}

Уч.-изд. л.

Тираж экз. Зак.

Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1